

БЕН КЕЙН

СЕРЕБРЯНЫЙ ОРЕЛ

Кто восходящая звезда исторического романа? Я говорю: Бен Кейн.

Уилбур Смит

The Big Book. Исторический роман

Бен Кейн

Серебряный орел

«Азбука-Аттикус»

2009

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Кейн Б.

Серебряный орел / Б. Кейн — «Азбука-Аттикус», 2009 — (The Big Book. Исторический роман)

ISBN 978-5-389-21197-1

I век до нашей эры. Потерпев поражение в схватке с безжалостным врагом на краю известного мира, выжившие легионеры оказываются в плену у парфян. Брошенные Римом на произвол судьбы, эти люди – Забытый легион. Среди них трое друзей: галл Бренн, этрусский прорицатель Тарквиний и Ромул, беглый раб и внебрачный сын римского патриция. Объединенные ненавистью к Риму и мечтой о Свободе, они противостоят диким племенам, которые их окружают, а также куда более коварным врагам в рядах самого легиона... Тем временем Фабиола, сестра-близнец Ромула, храня надежду, что ее брат жив, вынуждена бороться во имя собственного спасения. Освобожденная могущественным любовником, но окруженная врагами со всех сторон, она отправляется в Галлию, где ее покровитель противостоит свирепым местным воинам. Но более сердечной привязанности ею движет жажда мести: лишь он, правая рука Цезаря, в силах помочь ей осуществить коварный замысел...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-21197-1

© Кейн Б., 2009
© Азбука-Аттикус, 2009

Содержание

Глава I	7
Глава II	21
Глава III	35
Глава IV	48
Глава V	58
Глава VI	69
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Бен Кейн

Серебряный орел

Ben Kane

THE SILVER EAGLE

Copyright © Ben Kane, 2009

First published as THE SILVER EAGLE in 2009 by Preface Publishing, an imprint of Cornerstone. Cornerstone is part of the Penguin Random House group of companies.

All rights reserved

Карта выполнена Юлией Каташинской

© А. В. Гришин, перевод, 2012

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

* * *

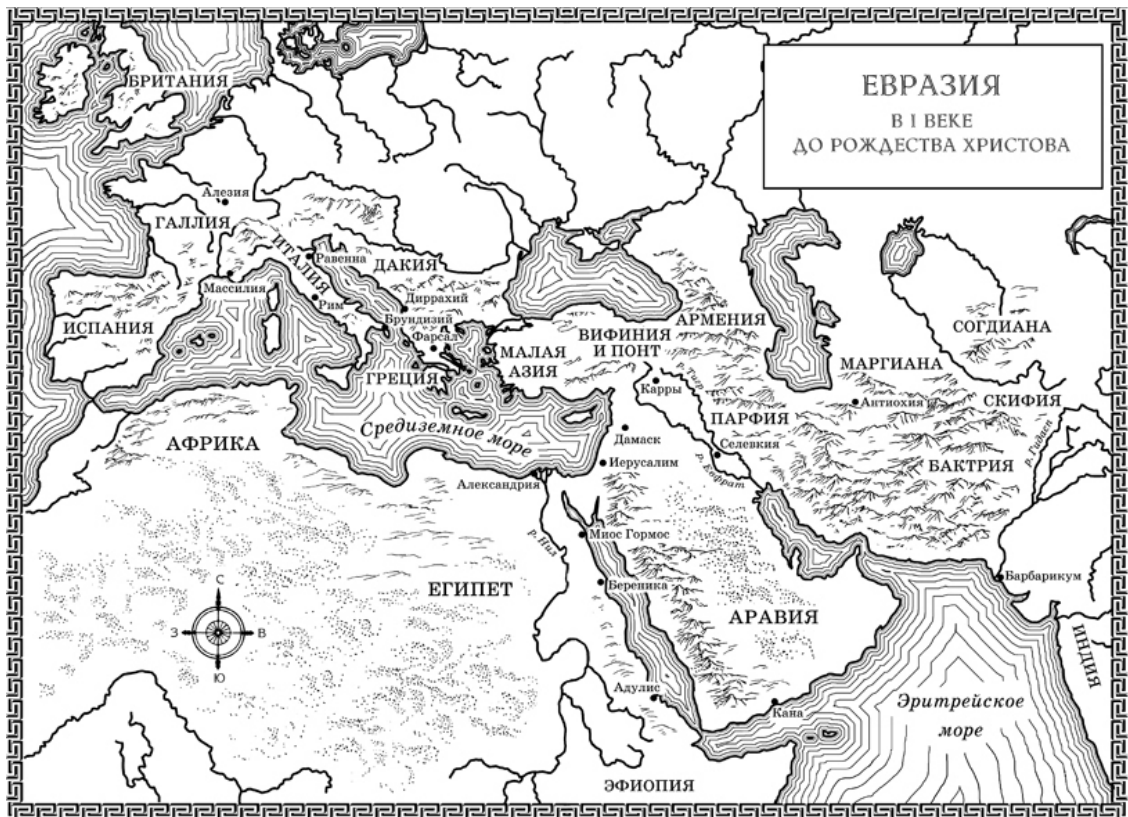
Забытый легион снова на марше. Бен Кейн словно создает эпическое полотно: жара, и пыль, и отчаяние выживших воинов побежденной римской армии. «Серебряный орел» – это захватывающее сочетание исторических фактов и правдоподобного вымысла, которое увлекает читателя и удерживает его интерес до последней страницы.

Дуглас Джексон, писатель

* * *

*Моей замечательной жене Саре, без любви, поддержки и терпения которой многие вещи я переносил бы с трудом.
Эта книга посвящается тебе*

* * *

Глава I

Храм Митры

Восточная Маргиана, зима 53/52 г. до н. э.

Отойдя на добрую милю от форта, парфяне наконец остановились. Ровный хруст сапог и сандалий по промерзшей земле смолк, и сразу повисла оглушительная тишина. Негромкое покашливание и звон кольчуг мгновенно глохли в ледящем воздухе. Еще не совсем стемнело, и Ромул смог разглядеть цель похода: почти бесформенный серовато-коричневый утес, искалеченный ветрами и непогодами, замыкал череду приземистых холмов. Всмотриваясь в сгушавшийся мрак, крепкий молодой солдат попытался понять, ради чего мог прийти сюда воинский отряд. В поле зрения не было никаких строений, и извилистая тропинка, по которой они шли, похоже, прерывалась у подножия утеса. Удивленно вскинув брови, он повернулся к Бренну, своему другу и, пожалуй, приемному отцу.

– Во имя Юпитера, зачем мы здесь?

– Тарквинию что-то известно, – буркнул Бренн, сутуля под толстым военным плащом могучие плечи. – Как всегда.

– Но нам он ничего не скажет! – Ромул сложил ладони пригоршней, поднес к лицу и принялся дышать на них, пытаясь отогреть пальцы и щеки одновременно. Его орлиный нос уже заковенел.

– Рано или поздно все прояснится, – усмехнувшись, ответил галл. Ромул хотел было возразить, но промолчал. Нетерпеливость не ускоряет событий. Подожди, сказал он себе.

Оба воина были в матерчатых безрукавках на голое тело. Поверх – кольчужные рубахи. Хорошо защищая от ударов клинков, тяжелая металлическая сеть буквально высасывала тепло из тела. Шерстяные плащи, шарфы и войлочные колпаки под бронзовыми шлемами помогали сохранять тепло и кое-как спасали от мороза. Впрочем, толку от этого было немного, так как ноги в тяжелых стоптанных сандалиях-калигах, лишь до середины икр прикрытые штанами из грубой шерсти, все равно невыносимо мерзли.

– Ну так походи и спроси его, – вновь усмехнулся Бренн. – Пока мы яйца не отморозили. Ромул тоже улыбнулся.

Оба они уже обращались к этруску-гаруспику за разъяснениями, когда он недавно появился в душевой комнатке казармы, чтобы позвать их с собой. Тарквиний редко распространялся о предстоящих событиях. Вот и на этот раз он лишь невнятно пробормотал что-то об особом приказе Пакора, командира легиона. И о том, что есть шанс выяснить, удастся ли им выбраться из Маргианы. Отпускать друга одного им не хотелось, да и узнать что-то новенькое тоже было неплохо.

Бои, почти непрерывно продолжавшиеся два минувших года, уже несколько месяцев как закончились. Однако долгожданная передышка быстро превратилась в утомительную рутину. Теперь в выстроенном по классическому римскому образцу лагере они непрерывно упражнялись, чтобы сохранить силу и выносливость, несли караульную службу, чинили снаряжение и даже маршировали парадным строем. Некоторое разнообразие вносили в жизнь нечастые рейды по окрестностям. Этой суровой зимой даже племена, постоянно совершавшие набеги на Маргиану, не желали воевать. И потому предложение Тарквиния показалось даром небес.

И все же нынче Ромул не просто искал развлечения. Ему было позарез необходимо услышать хоть какое-нибудь упоминание о Риме. Город, где он родился, лежал теперь на противоположном конце мира, и дорогу туда преграждали раскинувшиеся на тысячи миль горы, пустыни и страны, населенные враждебными народами. Есть ли у него шанс когда-нибудь возвратиться туда? Как почти все его товарищи, Ромул днями и ночами грезил о такой возможности. Здесь,

на краю земли, никакой иной опоры просто не было, и неожиданная непонятная прогулка все же вселяла какую-то крупинку надежды.

– Ладно, подожду, – произнес он, немного помолчав. – Как-никак мы же сами вызвались. – Юноша потупил взгляд и переступил с ноги на ногу. Висевший на переброшенном через плечо кожаном ремне овальный щит, skutum, качнулся от его движения. – Ты же видел, какое настроение у Пакора. Да если я вылезу с вопросом, он собственноручно отрежет мне яйца. Пусть уж лучше отмерзнут сами.

Бренн громко захохотал.

Пакор, низкорослый и смуглый парфянин, одетый в богато расшитую безрукавку, штаны и высокие сапоги, возглавлял отряд. Спасаясь от холода, он кутался в плащ из медвежьей шкуры, голову его прикрывала остроконечная парфянская шляпа. Под меховой накидкой к узкому, украшенному золотом поясу были привешены два кинжала и меч, на ножнах и рукояти которого сверкали драгоценные камни. Пакор, храбрый, но совершенно безжалостный человек, командовал Забытым легионом, остатками огромной римской армии, которую разгромил минувшим летом парфянский военачальник Сурена.

Оба друга, как и Тарквиний, были всего лишь ничем не примечательными солдатами. К тому же пленниками. Какая нелепость, думал Ромул. Неужели ему всю жизнь предстоит менять одного хозяина на другого? Первым был Гемелл, жестокий купец, которому принадлежала вся семья Ромула – мать Вельвинна, сестра-близнец Фабиола и он сам. Когда у Гемелла начались серьезные денежные затруднения, он продал тринадцатилетнего Ромула Мемору, ланисте Лудус магнус, самой большой гладиаторской школы Рима. Мемор не был садистом, как Гемелл, но, всегда занимаясь одним и тем же – обучением рабов и преступников тому, как сражаться и умирать на арене, – ни во что не ставил жизнь гладиаторов. Ромул даже сплюнул, вспомнив о прошлом. Там, в школе, чтобы выжить, ему приходилось убивать. И не раз. «Убивай, не то тебя убьют» – Бренн постоянно повторял эти слова; они и сейчас звучали в ушах юноши.

Ромул проверил, легко ли ходит в ножнах его короткий обоюдоострый гладиус, висит ли на поясе с другой стороны кинжал с костяной ручкой. Он давно уже совершал эти действия не задумываясь, по привычке. Но сейчас на его лице мелькнула улыбка – он заметил, что Бренн делает то же самое. Как и все римские солдаты, они несли с собою по два копья с железными остриями – пилумы. Их спутники, несколько лучших воинов Пакора, ничуть не походили на римлян. Одеты они были почти так же, как командир, только заметно проще – в шерстяные, а не меховые плащи с разрезами; вооружены длинными ножами, а на боку у каждого висел легкий колчан, в котором помещались и могучий многослойный лук, и запас стрел. Парфяне знали толк в обращении с самым разным оружием, но прежде всего славилась своим умением стрелять. Мне повезло, что не пришлось биться ни с одним из них на арене, подумал Ромул. Любой парфянский лучник мог выпустить полдюжины стрел за то время, какое требуется человеку, чтобы пробежать сотню шагов. И почти каждая стрела попадала в цель.

К счастью, в школе гладиаторов судьба свела его с Бренном. Ромул снова взглянул на друга, на сей раз с искренней благодарностью. Если бы не дружба с галлом, он наверняка не выдержал бы той страшной жизни. А так за два года на его долю выпало лишь одно происшествие, по-настоящему опасное для жизни. Тогда, поздней ночью, казалось бы, обычная уличная потасовка закончилась тем, что обоим друзьям пришлось немедленно бежать из Рима. Им удалось наняться в армию, и новым их хозяином сделался Красс. Этот политик, богач и член правящего в Риме триумvirата отчаянно стремился достичь военной славы, которой обладали его сопративители Юлий Цезарь и Помпей Великий. Чванливый глупец, подумал Ромул. Будь у него что-то общее с Цезарем, все мы сейчас были бы дома. Но Красс привел тридцать пять тысяч человек не к славе, а к кровавому позорному разгрому близ Карр. Оставшиеся в живых – приблизительно треть армии – попали в плен к парфянам, превосходившим жестокостью даже Мемора. Пленники были поставлены перед выбором: их «напоят» расплавленным золо-

том, распнут на крестах или же они согласятся нести пограничную стражу в дальнем, малонаселенном конце Парфянского царства. Естественно, легионеры выбрали третий вариант.

Ромул вздохнул, теперь он уже сомневался, что выбор был верным. Начинало казаться, что они проведут остаток жизни в боях с извечными врагами новых повелителей – дикими кочевыми племенами из Согдианы, Бактрии и Скифии.

И сюда он пришел, чтобы узнать, есть ли какой-нибудь выход из этого жалкого положения.

Взгляд темных глаз Тарквиния пробежал по скале. Ничего.

Тарквиний не походил ни на кого из тех воинов, с которыми ему выдалось служить. Длинные белокурые волосы, схваченные матерчатой лентой, не скрывали тонкого лица с высокими скулами и золотой сережкой в правом ухе. Под одеждой этруск носил бронзовую кирасу, отделанную кольчужной полосой, завершала его одеяние короткая, отороченная кожей юбка центуриона. За спиной – небольшой мешок на лямках. С правого плеча свисала на ремне обоюдоострая боевая секира. В отличие от всех остальных гаруспик никогда не носил плаща. Он хотел, чтобы его органы чувств всегда работали с полной нагрузкой.

– Ну! – требовательно воскликнул Пакор. – Видишь вход?

Тарквиний чуть заметно нахмурил брови, но ничего не сказал. За долгие годы обучения у Олиния, своего наставника, он научился терпению. Впрочем, другие часто принимали его деланую бесстрастность за самодовольство.

Командир как бы ненароком взглянул направо.

Тарквиний же нарочно поглядел в другую сторону. О великий Митра, думал он, покажи мне свой храм.

– Здесь не больше тридцати шагов! – усмехнулся Пакор, не в силах больше сдерживаться.

Несколько воинов злорадно захихикали.

Не меняя выражения лица, Тарквиний перевел взгляд туда, куда за мгновение до того смотрел командир. Он долго и пристально всматривался в утес, но так ничего и не увидел.

– Ты шарлатан. Я всегда был в этом уверен, – рявкнул Пакор. – Зря я сделал тебя центурионом.

Похоже, парфянин напрочь забыл о том, как он, Тарквиний, снабдил легион секретным оружием, с горечью подумал гаруспик. Рубин, несколько лет назад полученный в дар от Олиния, пошел в уплату за шелк, который до сих пор покрывал щиты пяти с лишним тысяч легионеров, делая их неуязвимыми для смертоносных стрел, выпущенных из мощных изогнутых луков. Это он, Тарквиний, додумался изготовить несколько тысяч длинных копий, с которыми пехота могла успешно противостоять любой коннице. Только благодаря изобретенной им тактике удалось полностью уничтожить мощный воинский отряд согдийцев, громивший города Маргианы. Не говоря уже о том, что его лекарские знания помогли спасти жизни множеству раненых и больных воинов. Присвоение звания центуриона явилось молчаливым признанием заслуг Тарквиния и подтверждением того уважения, каким он пользовался в войске. Но возражать командиру ему до сих пор не приходилось.

Власть над жизнью всех воинов полностью принадлежала Пакору. Пока что Тарквиния и, в какой-то степени, его друзей защищал от произвола, который мог вылиться в жестокое наказание, пытку или даже смертную казнь, тот страх, который командир легиона испытывал перед пророческими способностями гаруспика. А в последнее время – впервые за всю жизнь этруска – они покинули его.

И постоянным спутником Тарквиния сделался страх – неведомое ему прежде чувство.

Уже несколько месяцев ему приходилось выкручиваться, полагаясь только на собственное чутье, не получая от богов никаких вразумительных подсказок. Тарквиний пристально вглядывался в каждое облако, изучал каждый порыв ветра, каждую птицу, каждое животное,

которые попадались ему на глаза. Тщетно. Даже жертвоприношения кур и агнцев, обычно позволявшие безошибочно угадывать будущее, оказывались по большей части бесплодными. Лиловая печень жертвенных животных, богатейший источник предвидения, какой только знала гаруспиция, не давала ему никаких подсказок. Тарквиний не мог понять происходящего. Я был гаруспиком почти двадцать лет, мрачно думал он. И никогда прежде не лишался дара предвидения. Наверное, боги всерьез разгневались на меня. То и дело Тарквиний вспоминал Харона, этрусского демона загробного мира, и то, как он появится из-под земли, чтобы поглотить всех. Рыжеволосый, синеконный Харон таился в тени Пакора, из его пасти торчали зубы, с которых обильно капала слюна, и он готов был растерзать Тарквиния, как только терпение командира иссякнет. А этого недолго оставалось ждать. Совсем не обязательно быть гаруспиком, чтобы понять, что значат движения Пакора, устало подумал Тарквиний. Парфянин походил на полосу закаленного металла, скрученную так туго, что она в любой момент могла или распрямиться с сокрушительной силой, или сломаться.

– Ну ладно, ради всех святых, – загремел Пакор, – так и быть, покажу тебе! – Выхватив факел у одного из стражников, он двинулся вперед. Остальные последовали за ним. Пройдя двадцать шагов, парфянин остановился. – Смотри! – Он указал факелом вперед.

Глаза Тарквиния широко раскрылись. Прямо перед ними лежала площадка, вымощенная тщательно обтесанными булыжниками. Посреди нее темнело обрамленное тяжелыми каменными плитами большое квадратное отверстие, ведущее под землю. На обветренных камнях виднелись высеченные надписи и рисунки. Тарквиний шагнул поближе, чтобы разглядеть изображения, и узнал очертания ворона, подогнувшего передние ноги быка, красивую корону о семи зубцах. А это? Неужели фригийский колпак? Изображение очень походило на те тупоконечные шапки, которые с незапамятных времен носили гаруспики, с трепетом подумал он. Эти картинки не на шутку взволновали его, потому что за ними, возможно, скрывалось то, что он давно искал, – указание на места, откуда некогда пришли соплеменники Тарквиния.

Много веков назад этруски заселили Центральную Италию, но пришли они с востока. Следы их цивилизации попадались в Малой Азии, но легенда утверждала, что они явились из каких-то гораздо более дальних мест. Из тех, откуда пришел Митра. Не многое так уж волновало Тарквиния, но эта легенда – больше всего. Уже много лет он искал сведения о прошлом этрусков, но добился очень малого. И только здесь, на востоке, непроницаемый туман времени вроде бы начал понемногу рассеиваться. А это значило, что Олиний был прав – в очередной раз. Старик предсказал ему, что он сможет узнать больше, совершив путешествие в Парфянское царство и за его пределы.

– Обычно в храм Митры допускается только тот, кто верует в него, – провозгласил Пакор. – Нечестивцы караются смертью.

Все мысли о возможном открытии истоков происхождения этрусков вылетели из головы Тарквиния. Он невольно поморщился. Впрочем, каждое слово о Митре и поклонении ему давало лишний шанс выжить.

– Тебе дозволено войти, чтобы ты мог предсказать будущее мне и всему Забытому легиону, – продолжал Пакор. – Если я распознаю в твоих словах неправду, ты умрешь.

Ни одна черта не дрогнула на лице Тарквиния. Он продолжал молча смотреть на командира, ведь тот еще не закончил.

– Но перед этим, – чуть запнувшись, проговорил Пакор и перевел взгляд на Ромула и Бренна, – умрут твои друзья. Умрут медленной и мучительной смертью. А ты будешь на это смотреть.

Тарквиния захлестнул гнев, но он и этого не выдал, а лишь твердо посмотрел Пакору в глаза. Через несколько мгновений парфянин отвел взгляд. Какая-то сила у меня все еще остается, подумал гаруспик, но мысль эта вызвала ощущение, похожее на привкус пепла в пересохшем рту. Сейчас все преимущества были на стороне Пакора. Если только боги не ниспослут

гаруспику какое-нибудь достойное внимания откровение в храме Митры, то все они вскоре погибнут. И зачем он настоял, чтобы его друзья отправились нынче вечером вместе с ним? Вот самый маловажный из вопросов, которые он хотел бы задать богам. Собственная участь мало заботила Тарквиния, но совесть уже терзала его. Неужели и храбрый великан Бренн, и Ромул, молодой человек, которого он полюбил как сына, должны будут поплатиться за его промахи? Они познакомились спустя несколько дней после того, как завербовались в армию Красса, и вскоре крепко подружились. Тогда Тарквиний безошибочно предсказывал будущее, и друзья полностью доверяли ему. После первого разгрома при Каррах, когда единственным путем к спасению казалось бегство под покровом ночи, они доверились его решению и остались с ним, слепо связав свои судьбы с его будущим. И до сих пор то и дело обращались к нему за советом. Их жизни не могут оборваться здесь и сейчас, едва ли не с отчаянием подумал Тарквиний. Так не должно случиться.

– Да будет так! – отозвался он, повысив голос и постаравшись, чтобы в нем слышались нотки, звучавшие в важнейших из его предсказаний. – Митра подаст мне знак.

Ромул и Бренн резко повернули головы, и Тарквиний увидел, что лица обоих озарила надежда. Особенно Ромула. Почему-то Тарквинию от этого стало легче.

Пакор ослабился, будто предвкушая что-то приятное.

– Следуй за мной, – приказал он, поставив ногу на первую ступеньку.

Без малейшей заминки Тарквиний шагнул следом.

Сопровождал их лишь один могучий воин, личный телохранитель Пакора. В правой руке он держал обнаженный кинжал.

Стражники рассредоточились по площадке; факелы они воткнули в специально сделанные когда-то для этого отверстия в булыжниках. В круглом кострище лежали довольно свежие головешки, значит, или парфянские воины, или кто-то другой были здесь недавно. Ромул никак не мог опомниться после неожиданного исчезновения Пакора и Тарквиния. Прямоугольные плиты он заметил, но не сразу понял, что они обрамляли проход. Теперь, когда площадку осветили, Ромул увидел вырезанные в камне рисунки по обеим сторонам отверстия. Его охватило волнение; только сейчас он начал понимать, где оказался. Возле храма. Храма Митры.

И Тарквиний, похоже, не сомневался: внутри ему что-то откроется.

Охваченный стремлением узнать больше, юноша шагнул к входу, намереваясь войти в храм вслед за гаруспиком, но сразу полдюжины парфян преградили ему путь.

– Никто больше туда не войдет, – громыхнул один из них. – Храм Митры – святое место. И таким, как ты, там делать нечего.

– В глазах Митры все равны, – храбро ответил Ромул, вспомнив разговор с Тарквинием. – К тому же я воин.

Его слова немного смутили парфянина.

– Кому входить туда, решает командир, – так же резко сказал он после небольшой паузы. – Насчет вас двоих Пакор ничего не говорил.

– Так что же, нам просто ждать здесь? – осведомился Ромул, чувствуя, как его охватывает гнев.

– Совершенно верно, – подтвердил воин и шагнул вперед. Несколько его товарищей взяли за колчаны. – Все мы останемся здесь, пока Пакор не скажет, что делать дальше. Ясно?

Они смерили друг друга злобными взглядами. Хотя парфяне и легионеры уже не раз сражались бок о бок, о приязни между пленными и их победителями не могло быть и речи. И, как ясно чувствовали римляне, не следовало ожидать, что она возникнет в будущем. Ромул тоже не мог относиться к парфянам по-дружески. Ведь эти самые люди убивали его товарищей при Каррах.

Он почувствовал, как Бренн взял его за руку.

– Перестань, – спокойно произнес галл. – Не стоит.

Бренн вмешался в происходившее не раздумывая, чисто инстинктивно. За минувшие четыре года Ромул сделался ему дороже родного сына. С тех пор как судьба свела их, его собственная, пусть скорбная и страшная жизнь сделалась как будто легче. Благодаря Ромулу у него появилась причина жить. Ромул же, которого Бренн неустанно обучал и тренировал, теперь, в семнадцать лет, сделался могучим бойцом. Усилиями Тарквиния Ромул кое-чему научился, он мог даже читать и писать. И лишь в редких случаях, подобных этому, пылкая душа юноши брала верх над рассудительностью. Я сам когда-то был таким, думал Бренн.

Глубоко вздохнув, Ромул отошел. Парфянин, оставшийся стоять на месте, надменно ухмыльнулся. Ромул терпеть не мог отступать. Особенно в тех случаях, когда у него имелась возможность увидеть что-то важное. Но в большинстве случаев отступление было самым разумным решением.

– Зачем Тарквинию понадобилось тащить нас сюда?

– Для поддержки.

– Против кого? Против этих жалких псов? – Ромул, словно не веря своим глазам, вновь обернулся к парфянам. – Их здесь двадцать человек. И все с луками.

– Да, силы не равны, что верно, то верно, – пожал плечами галл. – Но ему больше не к кому было обратиться.

– Нет, дело здесь не только в этом, – отозвался Ромул. – Тарквиний поступил так не без причины. Мы должны быть здесь.

Бренн покрутил косматой белокурой головой, посмотрел по сторонам. Безжизненный пейзаж скрыла тьма очередной тягостно-горькой ночи.

– Чего не знаю, того не знаю, – сознался он. – По-моему, это место забыто всеми богами. Тут нет ничего, кроме земли и камней.

Ромул хотел было согласиться с другом, но неожиданно заметил два сверкающих пятнышка, в которых отражался свет факелов. Он застыл, всматриваясь во мрак. Далеко, почти невидимый во мраке, сидел и глядел на них шакал. Зверь был абсолютно неподвижен, лишь по блеску глаз можно было догадаться, что это не изваяние.

– Мы не одни, – радостно прошептал Ромул. – Вот! Смотри.

Бренн гордо улыбнулся, как будто сам проявил незаурядную наблюдательность. Он был опытейшим охотником, однако не заметил небольшого хищника. Такие случаи происходили все чаще и чаще. Теперь Ромул умел находить следы животных даже на голых камнях, у него обнаружилась редкая способность замечать мельчайшие детали. Упавшая ветка, сломанная былинка, неровный след, если добыча ранена... Найти кого-то, обладавшего таким же умением, непросто.

Таким был Брак.

Давнее чувство нахлынуло на Бренна: печаль из-за того, что у его молодого двоюродного брата нет и не будет возможности вот так стоять рядом с ним. Как и жена Бренна, его младенец-сын, да и все племя аллоброгов, Брак был мертв, убит римлянами восемь лет тому назад. Ему тогда исполнилось столько же лет, сколько сейчас Ромулу. Пытаясь ослабить хватку острых когтей извечного горя, Бренн пожал массивными плечами и тихо повторил слова Ультана, друида аллоброгов. Его тайное пророчество, о котором каким-то образом прознал Тарквиний.

«Тебя ждет такое путешествие, какого не совершал еще никто из аллоброгов. И не совершит впредь».

Так оно и вышло. Сейчас Бренн находился на восточной границе Маргианы, примерно в четырех месяцах пешего пути на восток от злополучных Карр, за три тысячи с лишним миль от Галлии. И до сих пор оставалось неизвестным, как и когда закончится странствие. Впрочем, от этих мыслей его отвлекло новое прикосновение руки Ромула.

– Беленус всемогущий! – чуть слышно выдохнул Бренн. – Он же ведет себя как собака. Видишь?

Действительно странно – животное сидело точь-в-точь как собака, следящая за действиями своего хозяина.

– Это знак богов, – пробормотал Ромул, тут же задумавшись над тем, как истолковал бы происходившее Тарквиний. – Наверняка.

– Может, ты и прав – проникаясь той же тревогой, согласился Бренн. – Шакалы – падальщики, они питаются любыми трупами.

Они многозначительно переглянулись.

– Нынче ночью здесь будет для них пожива, – сказал Бренн, поежившись. – Нутром чую.

– Возможно, – задумчиво кивнул Ромул. – Но мне кажется, что появление шакала – добрый знак.

– С чего это?

– Сам не знаю. – Ромул смолк и попытался применить те обрывки знаний, которые от случая к случаю передавал ему Тарквиний.

Тщательно контролируя дыхание, Ромул взгляделся в шакала и в воздух над ним, выискивая нечто, чего его синие глаза при обычных обстоятельствах не могли бы рассмотреть. Кажалось, он не двигался целую вечность; даже выдыхаемый воздух клубился вокруг него густым серым туманом.

Бренн тоже молчал.

Парфяне, собиравшиеся разжечь костер, подчеркнуто не замечали их.

В конце концов Ромул повернулся. На лице его было отчетливо написано разочарование.

Бренн следил за шакалом, который сидел все в той же позе.

– Ничего не увидел?

Ромул печально покачал головой.

– Он явился, чтобы следить за нами, но я не знаю почему. Тарквиний сказал бы.

– Не тревожься, – хлопнул друга по плечу галл. – По крайней мере, теперь нас четверо против двадцати.

Ромул против воли улыбнулся.

Там, где они стояли, было очень холодно, но им обоим казалось, что даже шакал куда ближе и роднее им, нежели воины Пакора. И потому, вместо того чтобы греться у огня, они сели бок о бок возле большого валуна и закутались в плащи.

И как вскоре выяснилось, это решение спасло им жизнь.

Хорошо видя лестницу в свете факела, который держал Пакор, Тарквиний спускался по грубо вырубленным в земле ступеням и чувствовал, как ускоряется его пульс. По сторонам узкой лестницы возвышались деревянные подпорки, не дававшие земле обвалиться и засыпать проход. Ни командир, ни его телохранитель не говорили ни слова. Это полностью устраивало Тарквиния. Он молился Тинии, самому могущественному из этрусских богов. И Митре, невзирая на то что никогда прежде не обращался к нему. Таинственная и неведомая религия очаровала Тарквиния, как только он впервые узнал о ней – еще в Риме. Тогда этот культ только-только начал распространяться; за десять лет до того его принесли с собой легионеры, воевавшие в Малой Азии. Последователи Митры вели себя до чрезвычайности скрытно, а идеалами называли истину, честь и доблесть. В культе существовало несколько уровней посвящения, и, чтобы перейти с низшего на высший, нужно было выдержать чрезвычайно мучительный обряд инициации. Вот и все, что знал гаруспик о митраизме.

Конечно, в том, что следы поклонения богу воинов обнаружили в Маргиане, нет ничего удивительного. Здесь культ Митры процветал, возможно, даже здесь он и зародился. Хотя лучше было бы выяснить все это при более благоприятных обстоятельствах. Тарквиний сарка-

стически усмехнулся. Он сам и его друзья пребывали на волосок от смерти. А значит, пришло время быть смелым. Если повезет, бог не разгневется на просьбу от непосвященного, столь необычным образом вошедшего в его храм. В конце концов, я ведь не просто гаруспик, гордо сказал себе Тарквиний. Я еще и воин.

«Великий Митра, я иду со смирением в сердце, чтобы поклоняться тебе. Молю тебя: исполни мне знамение благоволения, которое могло бы умиротворить твоего слугу, Пакора. – Он замер в нерешительности, но затем все же отважился закончить свою молитву. – Я нуждаюсь в твоём водительстве, чтобы найти обратную дорогу в Рим».

Тарквиний возносил молитву со всей силой, которую мог найти в своей душе.

Ответом ему была оглушительная тишина.

Он попытался не допустить в душу разочарования, но безуспешно.

Пройдя восемьдесят четыре ступеньки, они оказались внизу.

Воздух в подземелье был затхлым. Там перемешались запахи мужского пота, ладана и сгоревших дров. Ноздри Тарквиния зашевелились, а руки покрылись гусиной кожей. Здесь ощутимо присутствовала сила. Если бог находится в благоприятном расположении духа, то можно всерьез надеяться на то, что прорицательские способности вернутся к Тарквинию.

Пакор полуобернулся и заметил реакцию гаруспика.

– Митра – великий бог, – ухмыльнулся он. – Если ты попытаешься солгать, я это замечу.

– Ты не будешь разочарован, – спокойно ответил Тарквиний, не отводя взгляда.

Пакор хотел добавить что-то еще, но сдержался. На первых порах способность Тарквиния предсказывать будущее и находить решения самых сложных проблем чуть ли не в воздухе приводила его в трепет. Он ни за что не признался бы в этом вслух, но первые успехи Забытого легиона по изгнанию грабителей-кочевников были достигнуты лишь благодаря присутствию в войске гаруспика. Но несколько месяцев назад точные предсказания Тарквиния сменились туманными, очень неопределенными рассуждениями. Поначалу Пакор не обращал на это внимания, но вскоре положение изменилось. Он остро нуждался в пророчествах, потому что должность командующего на восточной границе Парфянского царства была обоюдоострой, словно меч. Пакор сделал громадный рывок вверх, однако в его положении можно было ожидать чего угодно. Даже для того, чтобы просто выжить, Пакору приходилось рассчитывать на божественную помощь.

Какое-то время банды соседей очень часто тревожили пограничные земли. Причина тому была довольно проста: готовясь отразить вторжение Красса, царь Ород, правитель парфян, годом раньше вывел отсюда чуть ли не все местные гарнизоны. Большая часть военных сил отправилась на запад, и пограничье осталось почти без защитников. Кочевники не преминули воспользоваться предоставленной им возможностью грабить поселения, находившиеся неподалеку от границы. Вскоре они осмелели и стали соперничать уже между собой за право терзать Маргиану.

Повеление, которое Пакор получил от Орода, звучало очень просто: разбить всех врагов и восстановить мир. Как можно быстрее. Пакор выполнил царскую волю. Но этот успех ставил под угрозу его положение и даже саму жизнь – царь не на шутку опасался любого военачальника, который хорошо проявил себя на поле битвы. Даже Сурена, одержавший великую победу при Каррах, не уцелел. Завидую славе полководца и страшась ее, Ород через некоторое время после сражения приказал казнить Сурену. Подобные известия держали прочих военачальников пониже рангом, таких как Пакор, в постоянной неуверенности. Они лезли из кожи вон, чтобы заслужить царскую милость, но никогда не знали, как будут расценены их успехи, и отчаянно нуждались в разнообразной помощи, в частности от людей, подобных Тарквинию.

Страх – последнее оружие, которое имеется у меня против Пакора, думал гаруспик. Но и оно пришло в негодность. Тарквиний чувствовал усталость, его воля ослабла. Если бог ничего не откроет ему, то придется сплести правдоподобную выдумку, которая смогла бы убе-

дить безжалостного парфянина и спасти его самого и его друзей от гибели. Но Тарквиний уже несколько месяцев обманывал Пакора и сейчас сомневался, способно ли его воображение породить что-либо толковое.

В полном молчании они шли по коридору с укрепленными точно так же, как и на лестнице, стенами. А потом оказались в вытянутом узком зале.

Пакор прошел по периметру зала, начав с левой стороны, и зажег от факела расставленные в маленьких нишах масляные светильники.

Помещение залил свет, и Тарквиний увидел росписи на стенах, невысокие скамейки вдоль стен и мощные деревянные столбы, поддерживающие низкий потолок. Но его взгляд сразу же обратился к торцу митреума, где стояли три алтаря, над которыми красовалась яркая фреска. На ней был изображен закутанный в плащ человек во фригийском колпаке, который, склонившись над припавшим на передние колени быком, вонзал нож глубоко ему в грудь. Митра. Его темно-зеленый плащ был расписан сверкающими звездами, по обе стороны возвышались, наблюдая за действиями бога, таинственные фигуры с пылающими факелами.

– Тавроктония, – благоговейно склонив голову, прошептал Пакор. – Убив священного быка, Митра принес жизнь в мир.

Тарквиний, стоявший у него за спиной, не глядя, почувствовал, что телохранитель поклонился, и поступил так же.

Пакор медленно прошествовал к алтарю, пробормотал краткую молитву и поклонился в пояс.

– Бог здесь, в своем храме, – сказал он и отступил на несколько шагов. – Будем надеяться, он откроет тебе что-нибудь.

Тарквиний закрыл глаза и попытался собраться с силами. Ладони у него вдруг вспотели; никогда еще с ним не случалось такого. И никогда раньше он настолько не нуждался в помощи богов. Гаруспик сделал в прошлом множество важных предсказаний, но ни разу от него не требовали пророчества под страхом смерти. К тому же здесь он не мог наблюдать ни за ветром, ни за облаками, ни за птичьими стаями. Не было даже животного, которое можно было бы принести в жертву. Я один, думал Тарквиний. Он безотчетно опустился на колени. Великий Митра, помоги мне!

Он поднял взгляд к священному изображению и уловил в полузакрытых капюшоном плаща глазах понимание. Что ты можешь предложить мне? – казалось, спрашивал бог. У Тарквиния не было ничего, кроме себя самого. «Я буду твоим верным слугой», – шептал гаруспик, застыв перед алтарем.

Ответа он не дождался.

– Ну?! – резко произнес Пакор; его голос раскатился гулким эхом в небольшом помещении.

Тарквиний чувствовал себя полностью опустошенным. Разум его безмолвствовал. Пакор произнес несколько гневных слов, и телохранитель молча подошел к гаруспику.

«Вот и все!» – подумал Тарквиний. Олиний был неправ, когда говорил, что я вернусь из Маргианы. Нет, мне предстоит умереть в одиночестве здесь, в храме Митры. Ромул и Бренн тоже погибнут. И вся моя жизнь прошла впустую.

А потом, словно из ниоткуда, перед его глазами появилось видение.

Чуть не сотня вооруженных людей, подкрадывавшихся к сидевшим вокруг костра парфянам. По коже Тарквиния побежали ледяные мурашки. А парфяне беззаботно переговаривались и ничего не замечали.

– Опасность! – воскликнул он и резко поднялся с колен. – Приближается великая опасность.

Охранник остановился, держа нож наготове.

– Откуда? – спросил Пакор. – Из Согдианы? Из Бактрии?

– Ты не понимаешь! – крикнул гаруспик. – Здесь! Прямо сейчас!

Пакор недоверчиво вскинул брови.

– Нужно предупредить остальных, – уговаривал его Тарквиний. – И пока не поздно, вернуться в форт.

– Сейчас глубокая ночь. Зима, – насмешливо отозвался Пакор. – Вход охраняют двадцать самых лучших воинов, какие только есть в Парфии. Да еще и твои друзья. А в миле отсюда девять тысяч моих солдат. Какая может быть опасность?

Охранник взглянул на командира, ожидая приказаний.

– На них нападут, – просто ответил Тарквиний. – Очень скоро.

– Что? И ты надеешься этим спасти свою бестолковую голову?! – зарычал Пакор; его лицо пошло яркими пятнами. – Лжец проклятый!

Тарквиний не стал ничего доказывать. Он закрыл глаза и вернулся мысленным взором к только что явившемуся образу. Самым главным сейчас было не поддаваться панике.

«О великий Митра, мне нужно узнать больше».

– Прикончи его, – приказал Пакор.

Тарквиний, не глядя, ощущал приближение ножа, но хранил неподвижность и молчание. Сейчас происходила окончательная проверка его способности к прорицанию. Ничего другого он сделать не мог, и просить бога было больше не о чем. Шею ему обдало прохладным воздухом – это охранник вскинул руку с кинжалом. А Тарквиний думал о своих ни в чем не повинных друзьях. Простите меня...

Сверху донесся и раскатился по туннелю звук, который нельзя было ни с чем спутать, – крик, предупреждающий об опасности.

Лицо Пакора исказилось от изумления, но он быстро овладел собой.

– Предатель, собака. Сознавайся: ты подговорил своих дружков, чтобы они через некоторое время подняли тревогу, да?

Тарквиний покачал головой, безмолвно отвергая обвинение.

Последовала продолжительная пауза, а потом раздались вопли, от которых кровь леденела в жилах. Два человека просто не могли устроить такого шума.

Пакор побледнел. Поколебавшись мгновение, он повернулся и бегом кинулся к выходу из святилища. Телохранитель мчался за ним по пятам.

Почувствовав себя воскресшим, Тарквиний собрался было последовать за ними, но почувствовал, как на него волной накатила сила.

Откровение бога еще не закончилось.

Но его друзья были в смертельной опасности.

Муки совести схлестнулись с гневом и жадной познания. Он вновь опустился на колени. У него оставалось немного времени. Немного, но оставалось.

Прошло полчаса, хотя казалось, что намного больше. Стоявший весь день холод, от которого быстро замерзала вода, продолжал усиливаться. Парфяне подкладывали и подкладывали в костер специально заготовленный для этого хворост, пока огонь не поднялся на высоту человеческого роста. Несколько воинов стояли на страже по краям площадки, шагах в тридцати от костра, а остальные сгрудились возле огня и переговаривались между собой, почти не оглядываясь на чужаков, какими оставались для них Ромул и Бренн.

Два друга между тем расхаживали поодаль и кутались в плащи, пытаясь справиться с холодом.

Они понимали, что их усилия тщетны, но все же не испытывали ни малейшего желания присоединиться к парфянам, которые относились к ним в лучшем случае свысока. Бренн глубоко погрузился в раздумья о будущем, а Ромул продолжал разглядывать шакала, не теряя

надежды понять, почему животное так себя ведет. Тщетно. В конце концов шакал поднялся, неторопливо встряхнулся и потрусил на юг, почти сразу скрывшись из виду.

Позднее Ромул со страхом и благоговением вспоминал о том, как разворачивались события.

– Всевышние боги! – пробормотал Бренн, стуча зубами. – Хорошо бы, Тарквиний поскорее вышел оттуда. Иначе нам все же придется идти к этим гадам, чтобы погреться у огня.

– Долго он там не задержится, – уверенно отозвался Ромул. – Пакор уже с трудом терпит его.

Все в Забытом легионе знали, что, когда их командующий на кого-то гневался, провинившегося непременно казнили.

– Да, раздражение из поганца так и перло, – согласился Бренн, в сотый раз пересчитывая парфян. Нет, все же их слишком много, решил он. – А потом, наверное, прикажет прикончить и нас. Жалко, что шакал не захотел помогать нам и удрал.

Ромул собрался было ответить, но тут его взгляд случайно упал на двух часовых, которые находились дальше всех. Рядом с ними вдруг, словно привидения, показались темные человеческие фигуры. Сверкнули длинные ножи. Не веря своим глазам, он наблюдал за происшедшим, но, когда открыл рот, чтобы крикнуть и предупредить, было уже поздно. Парфяне повалились навзничь; из перерезанных шей беззвучно текла темная кровь.

Никто из их товарищей даже не заметил случившегося.

– К оружию! – взревел Ромул. – На нас напали! С востока!

Встревожившись, воины повскакали на ноги, схватили оружие и растерянно уставились в темноту.

А оттуда донеслись многоголосые душераздирающие крики.

Бренн мгновенно подскочил к Ромулу.

– Подожди, – сказал он. – Не двигайся.

Ромул сразу понял, в чем дело.

– Их освещает огонь.

– Глупцы, – пробормотал Бренн.

И тут полетели первые стрелы. Выпущенные из крошечной тьмы, окружавшей освещенную костром площадку, они посыпались смертоносным дождем. Засада была подготовлена отлично, вероятно, со стороны происшедшее выглядело даже красиво. Больше половины парфян были убиты первым же залпом, несколько человек ранены. Остальные выхватили луки и принялись отчаянно стрелять в темноту.

Ромул поднял обтянутый шелком скутум и собрался рвануться вперед, но могучая ручища Бренна вновь остановила его.

– Тарквиний... – пробормотал юноша.

– Сейчас он под землей и в безопасности.

Ромулу стало немного легче.

Нападавшие снова ужасно завопили.

– Сейчас они снова выстрелят, – сказал галл. – А потом мы с тобой сами удивим их.

Бренн все рассчитал правильно. Но он не знал, сколько было нападавших.

Снова посыпались стрелы, а потом враги кинулись в атаку. Их было множество. Через плечо у каждого висел точно такой же, как у парфян, лук. Они размахивали мечами, кинжалами и зловещего вида топориками с коротким лезвием. Эти темнокожие люди в войлочных шляпах, искусной работы кольчугах и высоких, почти до колена, сапогах могли принадлежать только к одному народу – к скифам. Ромулу и Бренну уже приходилось сталкиваться на границе с этими жестокими кочевниками. Хотя расцвет их империи давно миновал, скифы все еще оставались страшными противниками. А зазубренные наконечники их стрел были покрыты

смертельным ядом, который так и назывался – скифион. Любой, кому этот яд попадал даже в малую царапину, умирал в страшных мучениях.

Бренн выругался сквозь зубы, а у Ромула от волнения резануло спазмом желудок.

Тарквиний все еще находился в храме Митры, и они не могли бросить его на произвол судьбы. С другой стороны, если они попытаются спасти гарусника, то, скорее всего, погибнут. На площадку уже высыпало не менее полусотни скифов, и было ясно, что это еще далеко не все. Ромул вдруг почувствовал обиду на несуразность жизни. Надежда на возвращение в Рим казалась теперь совершенно несбыточной.

– Они не могли не услышать шум, – сказал шепотом Бренн. – Пакор не трус. Он может выскочить оттуда в любое мгновение. И спасти их можно лишь одним способом.

– Быстро, тихо и незаметно пробраться туда, – закончил Ромул.

Бренн кивнул.

– Перебить скифов, которые окажутся возле входа в храм. Перехватить Тарквиния и этих. А потом удирать.

Не говоря ни слова, Ромул кинулся вперед.

Они бежали со всех ног, преодолевая боль в заочевенных от мороза мышцах. К счастью, выплеснувшийся вскоре в кровь адреналин придавал им сил. Каждый держал копьё в отведенной назад правой руке, готовый применить его, как только понадобится. Но скифы сосредоточили свое внимание на пока еще уцелевших парфянах, они окружили их и не спеша сжимали кольцо, даже не оглядываясь по сторонам.

Была бы за нами хоть одна центурия, думал Ромул, мы изрубили бы их в капусту. А сейчас оставалось только надеяться на то, что Тарквиний появится не раньше и не позже, чем нужно, и им удастся скрыться в темноте. Надежда на это была очень хрупкой.

Как два мстительных призрака, они приближались к оставшемуся без охраны входу в храм Митры.

До сих пор им удавалось остаться незамеченными.

Крики ужаса раздались с новой силой – это последние парфяне поняли, что их ничто не спасет.

Когда до дыры в земле оставалось всего несколько шагов, Ромулу начало казаться, что их затея может осуществиться. Но в этот момент какой-то худощавый скиф, который, склонившись над лежавшим ничком парфянином, вытирал клинок меча о его одежду, поднял голову. Увидев еще двоих врагов, он молча открыл и закрыл рот, а потом что-то громко крикнул и кинулся на них. За ним последовали сразу девять человек, некоторые из них на бегу убрали оружие в ножны и доставали из колчанов луки.

– Ищи Тарквиния, – выкрикнул Ромул, когда они, спотыкаясь, не без труда остановились около входа. – Я их задержу.

Не раздумывая, Бренн кинул свои копьё под ноги Ромулу, выдернул из земли оставленный возле входа в святилище факел и, громко топая, устремился вниз.

– Я скоро! – крикнул он на бегу.

– Если тебя убьют, то и мне не жить! – бросил ему вслед Ромул.

С угрюмой решимостью он закрыл левый глаз, прицелился и с изяществом, выработанным несколькими годами непрерывных упражнений, метнул первое копьё по невысокой пологой дуге. Оно угодило точно в грудь бежавшему первым скифу, пробило кольчугу и глубоко вонзилось в тело. Скиф рухнул как подкошенный.

Но его товарищи даже не замедлили шага.

Второе копьё Ромула попало в живот коренастому скифу. Он тоже навсегда вышел из игры. Третье прошло мимо цели, а четвертое проткнуло горло воину с длинной черной бородой. Поняв, что этого противника следует принимать всерьез, трое скифов остановились и взялись за луки. А четверо остальных прибавили ходу.

«Семеро собачьих детей, – мрачно думал Ромул. В его сердце схлестнулись между собой ярость и страх. – Да еще и стрелы ядовитые. Положенище... Что же делать?»

И вдруг он вспомнил слова Котты, который был его наставником в лудус: «Если выхода нет, навяжи противнику сражение, пока он этого не ожидает и не готов. Воспользуйся преимуществом внезапности». Ничего другого сейчас он все равно придумать не мог, а ни Бренн, ни Тарквиний не показывались.

Издав дикий вопль, Ромул устремился вперед.

Скифы лишь ухмыльнулись его безрассудству. Еще один глупец, с которым они разделяются, как и с остальными.

Поравнявшись с первым врагом, Ромул толкнул его металлической бляхой щита и мгновенно пустил в ход гладиус. Все получилось так, как он задумал. Быстро отвернувшись от еще не успевшего упасть противника, он услышал, как стрела ударила в skutum. За ней тотчас последовала вторая. К счастью, шелк вновь подтвердил свою пользу – ни одна стрела не пробила щит. Третья просвистела возле уха. Сознавая, что до следующих выстрелов у него есть несколько мгновений, Ромул посмотрел поверх железной оправы щита. Два скифа были уже рядом. Последний отстал на несколько шагов, а еще трое с луками готовились вновь натянуть тетивы.

Во рту у Ромула окончательно пересохло.

А потом сзади раздался знакомый громкий боевой клич.

Скифы замедлили шаг. Ромул рискнул быстро оглянуться через плечо. Бренн, выскочивший из-под земли, как громадный медведь, мчался ему на помощь.

Следом за ним, яростно выкрикивая что-то неразборчивое, появился Пакор. За ним торопился тучный телохранитель, размахивая кинжалом над головой.

А вот Тарквиния не было.

Ромулу некогда было думать о том, что происходит. Он резко повернулся и едва успел отбить сильный удар одного из скифов. Нанес ответный, но промахнулся. А второй из нападавших в то же мгновение рубанул юношу мечом сверху вниз. И тоже не достал до него лишь на волосок. Клинок ударился о камень, полетели искры. Ромул отреагировал молниеносно. Второй скиф на миг оставил незащищенной шею. Сделав выпад, Ромул вонзил острие гладиуса в просвет между войлочным колпаком и кольчугой. Пробив кожу и мышцы, порвав сразу несколько крупных сосудов, лезвие достало до грудины. Скиф умер, прежде чем Ромул успел выдернуть клинок из его тела. Товарищ убитого был потрясен, но присутствия духа не потерял и, пригнувшись, ткнул Ромула правым плечом в левый бок.

У Ромула перехватило дух, и он неловко грохнулся на промерзшую землю. Хорошо хоть удалось удержать гладиус в руке. Напрягая силы, он дернул меч на себя и почувствовал, как металл скребет о ключицу убитого. Медленно, слишком медленно. Его положение было безнадежным.

Скривив губы в довольной усмешке, скиф подскочил к Ромулу. Вот он поднял правую руку, чтобы нанести смертельный удар.

Как ни странно, в этот момент Ромул думал только о Тарквинии. Где он? Видел ли что-нибудь?

Вдруг скиф тонко и жалобно вскрикнул. Изумленный Ромул поднял голову. Из левой глазницы его противника торчала рукоять ножа, показавшаяся ему знакомой. Он понял – и, может быть, издал ненароком радостное восклицание, – что это был нож Бренна. Галл снова спас ему жизнь.

Могучим пинком Ромул отбросил в сторону скифа и, вытянув шею, посмотрел, где находятся остальные. Бренн и Пакор оказались совсем близко; они бились бок о бок. К сожалению, телохранитель уже был повержен – из его живота торчали две стрелы.

Но шанс, пусть крошечный, у них теперь был.

Ромул сел, старательно прикрываясь щитом, и сразу же о металл ударила стрела. Но понять, что происходит, юноша все же успел.

Все трое лучников оставались на ногах.

Стрелы сыпались градом, но Ромулу удалось невредимым отступить к Бренну.

– Дай мне твой щит, – сразу же потребовал Пакор.

Ромул уставился на своего командующего. Кому жить, ему или мне? – такой была его единственная мысль. Умереть сейчас или чуть позже?

– Да, командир, – медленно произнес он, не двигаясь с места. – Сейчас.

– Быстрее! – крикнул Пакор.

Как один, лучники подались назад и разом выстрелили. Три стрелы устремились вперед и без ошибки отыскивали человеческое тело. Они угодили Пакору в грудь, руку и левую ногу.

Он громко взревел от боли и рухнул наземь.

– Будь ты проклят! – выкрикнул он. – Я погиб.

А в воздухе свистели все новые и новые стрелы.

– Где Тарквиний? – крикнул Ромул.

– Остался в храме. Похоже, он молится. – Бренн скорчил гримасу. – Хочешь сам посмотреть? Сбегай.

Ромул резко мотнул головой.

– Не получится.

– Согласен.

И они слаженно повернулись навстречу скифам.

Глава II

Сцевола

Близ Помпей, зима 53/52 г. до н. э.

– Госпожа!

Фабиола резко открыла глаза. Перед нею стояла женщина средних лет с добрым лицом, в простой тунике и кожаных сандалиях. Она улыбнулась. Доцилоза была не только единственным настоящим другом Фабиолы, но и союзницей, которой Фабиола смело могла доверить свою жизнь.

– Я ведь просила, чтобы ты не называла меня так.

Губы Доцилозы растянулись в робкой улыбке. В прошлом домашняя рабыня, она получила манумиссию¹ вместе со своей новой хозяйкой. Но привычки, складывавшиеся всю жизнь, нелегко было изжить.

– Хорошо, Фабиола, – сделав над собой усилие, сказала она.

– Что произошло? – спросила Фабиола, поднимаясь на ноги. Она была изумительно красива – изящная, черноволосая; простая, но очень дорогая, из шелка и тончайшего льна туника подчеркивала ее прелести. На шее и руках блестели золотые и серебряные украшения прекрасной работы. – Доцилоза?..

Последовала непродолжительная пауза.

– С севера получены известия, – наконец сказала Доцилоза. – От Брута.

Фабиолу захлестнула радость, смешанная со страхом. Именно об этом, чтобы пришла наконец весть от возлюбленного, она и молилась. По два раза в день перед алтарем в алькове главного внутреннего двора виллы. Теперь же, когда Юпитер услышал ее просьбу, она гадала, будет ли весть доброй. И, надеясь отыскать подсказку, вглядывалась в лицо Доцилозы.

Децим Брут находился в Равенне при Цезаре, военачальнике, который намеревался вернуться в Рим. Цезарь любил зимовать в Равенне, удобно расположенной примерно на полпути от столицы к границе с Трансальпийской Галлией. Там, окруженный своей армией, он мог контролировать политическую ситуацию. За рекой Рубикон это разрешалось. А вот переправиться через Рубикон, не сложив с себя военного командования, то есть войти в пределы Италии во главе войска, было бы государственной изменой. И потому каждую зиму Цезарь ждал и наблюдал. Сенату это не нравилось, но ничего поделать он не мог, а Помпей, единственный человек, обладающий достаточной военной мощью, чтобы выступить против Цезаря, тихо выжидал. Положение менялось ежедневно, но одно оставалось неизменным. Постоянная тревога.

И потому новости, которые принесла Доцилоза, удивили Фабиолу.

– В Трансальпийской Галлии начался мятеж, – сообщила Доцилоза. – Во многих местах идут тяжелые бои. Вероятно, в завоеванных городах убивают римских поселенцев и торговцев.

Узнав о новой опасности, нависшей над Брутом, Фабиола почувствовала приступ паники. Медленно вдохнула и выдохнула – это ей всегда помогало успокоиться. Подумай о том, чего тебе удалось избежать, сказала она себе. Бывало и хуже. Много хуже. Ей было тринадцать лет, когда первый хозяин, злобный садист Гемелл, продал ее в дорогой публичный дом. Сохранив ей девственность – как позже выяснилось, к счастью. И, что всегда терзало ее еще сильнее, в тот же день в школу гладиаторов был продан ее брат-близнец Ромул. Стоило вспомнить об этом, и сердце резанула боль. А она была вынуждена почти четыре года продавать свое тело в Лупанарии. *Тогда я не позволяла себе терять надежду.* Фабиола благоговейно взглянула на

---

¹ *Манумиссия* (лат. освобождение из-под власти) – юридический акт, в результате которого раб становился вольноотпущенником, а господин – его патроном.

изваяние, стоявшее на алтаре. И Юпитер спас меня от той жизни, которую я так презирала. Спасение явилось в облике Брута, самого восторженного из поклонников красавицы-проститутки, который за большие деньги выкупил ее у Йовины, хозяйки публичного дома. Невозможное всегда возможно, говорила себе Фабиола, чувствуя, как к ней возвращается спокойствие. С Брутом все будет в порядке.

– Я-то думала, что Цезарь завоевал всю Галлию, – сказала она.

– Ну да, так всегда говорили, – пробормотала Доцилоза.

– Но там же никогда не прекращались волнения, – парировала Фабиола. Самый отважный из всех римских военачальников, которому издавна помогал Брут, не раз умирал возмущения в покоренной провинции. В Риме уже считали, что эта кровопролитная кампания наконец-то завершилась. – Что же там стряслось?

– Вождь Верцингеторикс созвал ополчение племен, – ответила Доцилоза. – И под его знамена собрались уже десятки тысяч.

Фабиола нахмурилась. Нет, не такие новости она рассчитывала услышать. Большая часть сил Цезаря находилась на зимних квартирах в Трансальпийской Галлии, и потому военачальник действительно мог попасть в трудное положение. Галлы были могучими и доблестными воинами, они отчаянно сопротивлялись римским завоевателям и терпели поражения лишь из-за выдающегося тактического искусства Цезаря и великолепной дисциплины легионов. Если племена и в самом деле объединились, то восстание могло обернуться катастрофой для римлян.

– И это еще не все, – продолжала Доцилоза. – В горах на границе выпало много снега.

Фабиола поджала губы. В одном из последних писем Брут сообщал, что собирается вскоре навестить ее. Теперь же визит, судя по всему, откладывается.

А если Цезарю не удастся вовремя добраться до своих войск и подавить мятеж до весны – жди больших и самых разных бед. Верцингеторикс ловко выбрал время, сердито думала Фабиола. Если восстание окажется успешным, то все ее так тщательно продуманные планы пойдут прахом. Несомненно, в будущей войне предстояло погибнуть многим тысячам, но ей не следовало думать о цене победы. Этим людям суждена была смерть, независимо от ее желаний. Удастся Цезарю одержать скорую победу – меньше будет кровопролития. Фабиола отчаянно желала полководцу успеха, потому что тогда Брут, его преданный сторонник, заслужил бы новую славу. Но дело было не только в этом. У Фабиолы имелись собственные планы, и ей было не до жалости. Если Цезарь преуспеет, то ее звезда взойдет еще выше.

Она почувствовала укол совести из-за того, что первая ее мысль была не об опасности, угрожавшей Бруту. Он ведь не только опытный, умелый воин, но и выдающийся храбрец. В предстоящей войне его могли ранить или даже убить. Такое было бы нелегко перенести, сказала она себе и вновь мысленно обратилась к богам. Фабиола никогда не позволяла себе любить кого бы то ни было, но к Бруту испытывала искреннюю привязанность. Он всегда был добрым и нежным, даже в день их первого знакомства, когда лишил ее девственности. Она улыбнулась. Решение обратить свое очарование именно на него оказалось очень разумным.

В прошлом у нее было много подобных клиентов, могущественных аристократов, покровительство любого из них гарантировало бы продвижение в высшие слои римского общества. Фабиола же все время думала о своей цели, и это помогло ей не опуститься, несмотря на всю изменчивость ее занятия. Мужчины использовали тело Фабиолы, а она научилась получать от них то, что они могли дать взамен: золото, сведения и, самое главное, влияние. Брут отличался от большинства клиентов, и потому отношения с ним давались Фабиоле много легче. А окончательно склонила чашу весов в его пользу близость Брута к Цезарю, видному политику, интерес к которому возник у Фабиолы, когда она подслушивала беседы аристократов, отдыхавших в бассейне Лупанария. В «постельных» разговорах, которыми она развлекала своих утомившихся клиентов, также то и дело возникали многообещающие намеки на Цезаря. Возможно,

сам Юпитер повелел, чтобы она стала любовницей Брута, думала Фабиола. Однажды, побывав вместе с Брутом на приеме у одного из высших сановников Рима, она увидела статую Цезаря, который показался ей очень похожим на Ромула. И с тех пор в уме Фабиолы угнездились жгучее подозрение.

Но Доцилоза вновь заговорила и вернула ее к действительности:

– Когда новость о мятеже Верцингеторикса дошла до Рима, оптиматы устроили торжество. Почетным гостем там был Помпей Великий.

– О всевышние боги... – пробормотала Фабиола. – Неужели это еще не все?

Врагов у Цезаря хватало с избытком, они имелись повсюду, но больше всего их было в столице. Триумвират, управлявший Республикой, распался после гибели Красса, и с тех пор Помпей, судя по всему, не знал, что предпринять, чтобы принизить военные успехи Цезаря. А они сопутствовали Цезарю постоянно. Теперь же оптиматы, группа политиков, давно уже боровшихся против Цезаря, принялись откровенно обхаживать Помпея, его единственного соперника. У Цезаря все еще оставались шансы сделаться новым правителем Рима, но только если удастся быстро подавить восстание Верцингеторикса и сохранить достаточную поддержку в Сенате. Внезапно Фабиола почувствовала себя беззащитной. В маленьком мирке Лупанария она была важной персоной. Вне его, в реальном мире, – никем. Если Цезарь утратит влияние, то и Брут – также. А без его поддержки останется ли у нее хоть какой-то шанс преуспеть в жизни? Если, конечно, она не продаст себя кому-то другому. От этой мысли Фабиолу даже замутило. Лет, проведенных в Лупанарии, хватило ей на всю жизнь.

Нужно было принимать решительные меры.

– Я должна посетить храм на Капитолийском холме, – объявила Фабиола. – Нужно принести жертвы и помолиться, чтобы Цезарь смог побыстрее разгромить мятежников.

Доцилоза постаралась не выдать своего изумления.

– Плавание в Рим займет самое меньшее неделю. А если море бурное, то и больше.

Фабиола сохранила внешнюю безмятежность.

– В таком случае отправимся по суше.

Теперь уже ее немолодая собеседница по-настоящему опешила.

– Так ведь нас изнасилуют и убьют! Этим и кончится путешествие. Дороги полны грабителей.

– Не больше, чем улицы Рима, – быстро ответила Фабиола. – Кроме того, мы можем взять троих телохранителей, которых оставил нам Брут. Они надежно защитят нас.

«Конечно, не так надежно, как Бенигни или Веттий», – подумала она, с нежностью вспомнив силачей-привратников из Лупанария. Они были всецело преданы Фабиоле, но Йовина тоже очень высоко ценила их и наотрез отказалась продать. Вернувшись в столицу, она могла бы повторить попытку выкупить их. Эти двое богатырей ей бы оченьгодились.

– А что скажет Брут, когда узнает?

– Он поймет, – уверенно сказала Фабиола. – Я делаю это для него.

Доцилоза вздохнула. Спорить было бесполезно. В их жизни почти ничего не происходило, разве что случались поездки в Помпеи – в термы или на рынок, – и жизнь на их почти безлюдной вилле сделалась очень унылой. А уж в Риме найдется чем пощекотать нервы – так всегда бывало.

– Когда ты хочешь уехать?

– Завтра. Сообщи в порт, чтобы капитан начал готовить «Аякса». Утром он будет точно знать, можно ли плыть.

Вернувшись на север, Брут сразу же отправил свою драгоценную либурну обратно и предоставил ее в полное распоряжение возлюбленной. Либурны, короткие, низко сидящие в воде, приводимые в движение сотней рабов, которые гребли расположенными в один ряд веслами, были самыми быстрходными из всех судов, какие строили римляне. «Аякс» праздно

лежал на подпорках в сухом доке помпейского порта, и Фабиола не рассчитывала, что он может понадобиться раньше будущей весны. Но положение резко изменилось.

Доцилоза поклонилась и ушла, оставив свою госпожу размышлять в одиночестве.

Посетив храм, Фабиола получила бы еще и дополнительную возможность спросить Юпитера, кто же изнасиловал их мать. Вельвинна лишь раз-другой упомянула мимоходом об этом случае, но дочь по очевидным причинам не забыла этих слов. И с тех пор своей главной целью в жизни Фабиола считала выяснение того, кто же был ее отцом. И как только она это узнает, месть свершится.

Любой ценой.

Необходимость управлять хозяйством изрядно запущенной латифундии после отъезда Брута всерьез напугала Фабиолу. Но она посчитала это воздаянием за былое. То, что в ее владении оказалось большое поместье, окружающее виллу, служило вещественным доказательством того, что начала вершиться ее месть Гемеллу, который еще не так давно владел всем этим. И потому она сразу же взялась за дело. После первого же осмотра дома ей стало ясно, что вкус Гемелла остался таким же грубым и вульгарным, каким она запомнила его в детстве, когда жила в римском доме торговца. Тем большее удовольствие она получила от переделки каждой роскошной спальни, зала для приемов и рабочего кабинета. При этом было разбито множество статуй Приапа, установленных по заказу торговца: их громадные торчащие члены слишком сильно напоминали Фабиоле о тех мучениях, которые претерпела ее мать от Гемелла и которым она сама была свидетельницей. Толстый слой пыли, покрывавшей мозаичные полы, смели, фонтаны вычистили, выгребли из них палые листья. Даже пришедшие в упадок растения во внутренних дворах заменили. И что, пожалуй, было лучше всего, стены бассейна, куда подавали подогретую воду, заново украсили яркими изображениями богов, мифических морских тварей и рыб. Фабиола на всю жизнь запомнила, как в первый же день своего пребывания в Лупанарии увидела в тамошней бане такие картины. И решила, что они будут когда-нибудь и в ее собственных владениях. Теперь мечта претворилась в реальность.

И все же ей никак не удавалось избавиться от чувства вины. Она здесь купается в роскоши, а Ромул, по всей вероятности, мертв. Глаза Фабиолы наполнились глгучими слезами. Еще находясь в Лупанарии, она делала все возможное, чтобы отыскать брата. И как ни трудно было в это поверить, уже через год с лишним ей удалось узнать, что Ромул еще жив. Юпитер уберег его от гибели в кровавых боях на гладиаторской арене. Следующее известие – о том, что Ромул завербовался в легионы Красса, – не поколебало духа Фабиолы, но затем стряслась беда. За несколько месяцев до ее освобождения Рим облетела ужасная весть о катастрофе под Каррами. Тут-то Фабиола разом утратила всяческую надежду. Преодолеть столько ужасов лишь для того, чтобы погибнуть в обреченной армии, – такая участь казалась ей невысказанно жестокой. Брут горел желанием помочь ей и приложил массу усилий для того, чтобы узнать хоть что-то, но сведения приходили одно другого хуже. Поражение было страшным, едва ли не самым тяжелым за всю историю Республики, погибло огромное количество воинов. Совершенно точно установили, что Ромула не было среди остатков вернувшегося легиона легата Кассия Лонгина. Ветеранам Восьмого раздали много денег, но все понапрасну. Фабиола вздохнула. Выбеленные солнцем кости ее брата-близнеца, по всей вероятности, до сих пор так и лежат в песке, на который он упал. А может быть, его угнали на край земли – в какое-то никому не ведомое место под названием Маргиана, куда парфяне послали десять тысяч легионеров, попавших к ним в плен. Оттуда никто никогда не возвращался.

Фабиола редко плакала, но сейчас по ее щекам побежали слезы. Пока оставался хоть какой-то шанс вновь увидеть Ромула, она не поддавалась отчаянию, но теперь вместо веры ее поддерживало только упорство. Юпитер Оптимус Максимус, услышь меня, горестно думала она. Пусть мой брат останется в живых, что бы ни случилось. Впрочем, Фабиола тут же взяла

себя в руки, вытерла глаза и отправилась искать Корбуло, немолодого уже виликуса – управляющего ее латифундией. Как обычно, он был при деле: надзирал за работниками. Фабиола никогда не жила в деревне, ничего не знала о сельском хозяйстве и потому много времени проводила в обществе Корбуло. И новости из Галлии не могли изменить заведенного порядка. Теперь она отвечала за латифундию.

Фабиола узнала от Корбуло, что дни земледельцев-плебеев, которые трудились на собственных полях, сочтены – дешевое зерно, поступавшее из Сицилии и Египта, разоряло их. На протяжении жизни уже целого поколения, а то и дольше возможность вести сельское хозяйство переходила к богачам, которые могли скупать земли и содержать рабов, чтобы ее обрабатывать. К великой радости таких людей, воинственный нрав Республики обеспечивал постоянный приток несчастных со всех концов света, чтобы те помогали своим хозяевам богатеть. И в бывшем поместье Гемелла положение было точно таким же.

Сама только недавно освободившаяся, Фабиола ненавидела рабство. На первых порах положение хозяйки нескольких сотен человек – мужчин, женщин и детей – очень тревожило ее. Но она ничего не могла поделать. Освободив греков, ливийцев, галлов и нумидийцев, она не добилась бы ничего, кроме моментального разорения ее нового имения. И она решила вместо этого укреплять позицию любовницы Брута, заводить по возможности друзей среди аристократии и пытаться выяснить личность своего отца. Возможно, в будущем, с помощью Ромула, ей удастся добиться большего. Фабиола помнила, как ее брат-близнец восхищался Спартаксом, гладиатором-фракийцем, поднявшим восстание рабов, которое до основания потрясло Римскую империю за считанные годы до их рождения.

При мысли об этом Фабиола улыбнулась и так, улыбаясь, вышла на просторный задний двор виллы. Находившиеся здесь жалкие, сырые хижины рабов входили в вопиющее противоречие с массивными, прочными даже на вид хозяйственными постройками. Нужно что-то сделать с этим, решила Фабиола. Здесь же, на заднем дворе, располагались конюшни, двухэтажная мельница и множество каменных сараев. Они, судя по всему, стояли на кирпичных сваях, чтобы помещения постоянно проветривались и не заводились грызуны. Одни сараи были до потолка заполнены собранной пшеницей и овсом, в других хранились самые разнообразные продукты, которые получали в имении. На аккуратных стеллажах помещались запечатанные смолой фляги с оливковым маслом. Возле бочек с соленой кефалью и глиняными кувшинами с оливками рядами стояли бочонки, полные гарума, всеми любимого рыбного соуса с резким запахом. Яблоки, айва и груши были аккуратно разложены на соломенных тюфяках, чтобы без потерь храниться всю зиму. Неочищенные головки чеснока уложили небольшими пирамидками. Со стропил свисали вяленые окорока рядом со связками моркови, цикория и трав: шалфея, укропа, мяты и тимьяна.

Вино, один из главных продуктов, изготавливали и хранили в подвалах особого здания. Выжатый из винограда сок наливали в долии, громадные глиняные сосуды, обмазанные снаружи смолой, зарытые на три четверти в землю. Там он сначала бродил, а потом долии запечатывали и оставляли вино созревать. Вина лучших урожаев переливали в амфоры и переносили в главный дом, где их держали в специальном хранилище под крышей над одним из главных очагов.

Фабиола любила лично проверять все хранилища. До сих пор ее поражало то, что все эти припасы принадлежали ей. Ребенком она всегда недоедала. Теперь же у нее было столько пищи, что за всю жизнь не съесть. Хорошо понимая иронию судьбы, она заботилась о том, чтобы и ее рабы хорошо питались. Большинство землевладельцев давали рабам ровно столько пищи, чтобы те не протянули ноги, а уж о том, чтобы думать, доживет ли кто-нибудь из них до зрелых лет, и речи не заходило. Пусть Фабиола не могла освободить своих рабов, но не желала быть бесчеловечной. Да, порой нельзя добиться повиновения без применения силы, но такое случалось нечасто.

Главные работы всего года – сев, уход за посевами и сбор урожая зерна – почти закончились, но во дворе бурлила деятельность. Быстро ходил туда-сюда Корбуло, выкрикивая приказы. Кто-то чинил сломанные плуги, кто-то сшивал кожаную воловью сбрую. Рядом женщины и дети разгружали с телег последние поспевшие овощи: лук, свеклу и знаменитую помпейскую капусту. Другие, собравшись кучками, возились с шерстью, которую летом настригли с овец. Теперь ее расчесывали и мыли, чтобы после тщательной просушки спрясть.

Увидев Фабиолу, Корбуло поклонился.

– Госпожа...

Фабиола величественно склонила голову. Ей до сих пор приходилось внимательно следить за тем, чтобы правильно реагировать на все еще не ставшее привычным обращение.

На этого человека с круглым лицом под шапкой каштановых волос, среди которых уже обильно пробивалась седина, вряд ли кто-нибудь обратил бы особое внимание. И одежда у него была неприглядной. Лишь кнут с длинным кнутовищем да висевший на охватывавшем шею ремешке серебряный амулет показывали, что он не был простым сельским рабом. Еще ребенком Корбуло захватили на североафриканском побережье, и с тех пор он жил в латифундии.

То, что его хозяйкой сделалась юная женщина, почти не тревожило старого виликуса. Брут прямо и четко сказал, что в его отсутствие управлять хозяйством будет Фабиола. Корбуло был рад уже тому, что кто-то говорит ему, что делать, и пытается остановить начавшийся уже много лет назад упадок хозяйства.

– Чем занимаешься?

– Присматриваю за толпой, хозяйка, – ответил Корбуло, указывая на находившихся поблизости рабов. – Занятие для них у меня всегда найдется.

Повседневная жизнь латифундии очень интересовала Фабиолу. А вот представить себе, чтобы подобный интерес испытывал ее бывший хозяин, она никак не могла.

– А Гемелл когда-нибудь занимался этим местом?

– На первых порах, сразу же после того, как купил его, – да, – ответил Корбуло. – Приезжал сюда каждые несколько месяцев.

Фабиоле удалось скрыть удивление.

– Он привез из Греции новые масличные деревья, устроил рыбные садки, – сообщил ей виликус. – Даже указал, на каких склонах сажать виноградные лозы.

Мысль о том, что ее бывший хозяин мог обладать творческим началом, изрядно раздражала Фабиолу. В римском доме, где выросли они с Ромулом, она не замечала за ним ничего, кроме жестокости.

– И что же случилось? – небрежным тоном спросила она.

Управитель пожал плечами.

– Дела у него пошли плохо. Все началось с товаров из Египта. До сих пор забыть не могу, как узнал ту новость. – Морщинистое лицо Корбуло перекосила страдальческая гримаса. – Сразу двенадцать кораблей утонуло по пути из Египта сюда. Хозяйка, ты только представь себе!

Фабиола выразительно вздохнула, всем своим видом выражая сочувствие. На самом деле она пыталась понять, почему такому человеку, как Корбуло, небезразлично, хорошо или плохо идут дела у его хозяина. Лично она только обрадовалась, когда Брут сообщил ей, какие обстоятельства заставили Гемелла продать латифундию. Вероятно, рабы волей-неволей отождествляют себя со своими владельцами, предположила она. Фабиола хорошо помнила, насколько горд был Ромул, когда благополучно возвратился из дома Красса, удачно увернувшись от агентов ростовщиков, которые нагло торчали напротив дверей дома Гемелла. А ведь ее брат-близнец ненавидел хозяина ничуть не меньше, чем она сама. Даже в жизни невольников имелись поводы для гордости. И потому не стоило ей сейчас пытаться судить Корбуло. Тем более что виликус, проработавший на Гемелла больше двадцати лет, уже успел проявить себя надежным, трудолюбивым и верным по отношению к ней.

Корбуло между тем отвернулся от нее к рабу, который ленивыми медлительными движениями точил (или делал вид, что точит) косу.

– Ну-ка, работай как следует! – Он вынул из-за пояса кнут и погрозил. – А не то попробуешь этого на своей спине.

Раб поспешно склонился над кривым железным лезвием и принялся елозить по нему точилом.

Фабиола одобрительно улыбнулась. Корбуло никто не назвал бы жестоким, но и применять силу при необходимости он не боялся. И то, что, как правило, ему удавалось обходиться угрозами, было хорошим признаком.

– Судя по всему, Гемелл владел приличным состоянием, – сказала она, желая узнать у управителя что-нибудь еще.

– Что верно, то верно, – вздохнул Корбуло. – Но боги отвернулись от него. Настал такой день, после которого все, что ни делал хозяин, обращалось в прах. Он влез в долги и вскоре уже лишился надежды когда-нибудь расплатиться.

Она хорошо помнила громы, которые демонстративно караулили день и ночь на улице напротив входа в дом Гемелла, и вечерние разговоры на кухне, где рабы собирались посплетничать.

– Брут говорил, что последней соломинкой оказался провал затеи с животными для арены...

Корбуло кивнул – с видимой неохотой.

– Да, хозяйка. Это дело должно было принести Гемеллу громадный доход – треть от всей выручки экспедиции бестиариев, ловивших диких зверей в Южном Египте.

От очередного воспоминания на Фабиолу повеяло мимолетным теплом: ее брат часто мечтал о том, как станет бестиарием. Но тепло тут же унесло холодным дуновением скорби. Ромул стал не звероловом, а гладиатором. Впрочем, на лице Фабиолы ничего не отразилось. Лупанарий научил ее полностью скрывать свои чувства от всех, даже от Брута.

И вдруг всплыло еще одно воспоминание. Незадолго до того, как Гемелл продал их с Ромулом, они подслушали разговор торговца с его приближенным писцом. Речь как раз и шла об отлове животных для цирка, который, по словам писца, должен был принести огромную прибыль. Близнецов тогда потрясло, что торговец не мог набрать денег на оплату своей доли в экспедиции. Им, нищим домашним рабам, его богатство всегда казалось безмерным.

– Да, такое предприятие должно было погасить все его долги, – спокойно сказала она.

– Не получилось. Все корабли потонули. И ведь не в первый раз.

– Все-все?

– Все до единого, – мрачно ответил виликус. – Попали в страшную бурю.

– Действительно невезение, – ахнула Фабиола.

– Если бы только это. Его ведь предсказатели предупреждали, что сам Нептун на него разгневался. – Корбуло грубо выругался, но тут же вспомнил, с кем разговаривает, и неожиданно покраснел. – Прости, хозяйка.

Фабиола решила воспользоваться случаем и продемонстрировать рабам свою власть. Она давно уже обратила внимание на то, что Брут довольно часто так поступал и благодаря этому его не только уважали, но и боялись.

– Не забывайся! – прикрикнула она.

Корбуло склонил голову и ждал наказания. Что поделаешь? Может, его новая молодая хозяйка не так уж сильно отличается от Гемелла.

Конечно, Фабиоле в бытность в Лупанарии доводилось слышать куда более грубую брань, но Корбуло не знал об этом. Кроме того, она все еще училась отдавать приказы, и его реакция добавила ей уверенности в себе.

– Продолжай, – сказала она вновь спокойным тоном.

Виликус склонил голову, но теперь это уже был поклон, выразивший благодарность хозяйке.

– Гемелл, в общем-то, не очень верил в пророчества, но об одном частенько вспоминал. Он услышал его перед тем, как погибли корабли.

– В гаруспициях нет ничего, кроме лжи, – презрительно скривила губы Фабиола.

Едва ли не все жившие в Лупанарии девушки, рассчитывая укрепить надежду на то, что когда-нибудь им все же удастся сменить ужасное существование на что-то лучшее, тратили немалую часть своих скудных сбережений на прорицателей. Но вот того, чтобы какое-то из предсказаний сбылось, на памяти Фабиолы, почитай, и не случалось. А если что и сбывалось, то речь шла о каких-то мелочах. Все это в свое время подкрепило ее решимость полагаться только на саму себя, и ни на кого, и ни на что. Не считая, конечно, бога Юпитера, который в конце концов внял ее мольбам о свободе.

– Да, хозяйка, так оно и есть, – согласился Корбуло. – И Гемелл говорил то же самое. Только это ему предсказал не один из тех шарлатанов, которые торчат возле каждого большого храма, а совершенно незнакомый человек с гладиусом. И он еще не сразу согласился, его пришлось уговаривать. – Виликус умолк, несомненно рассчитывая, что пауза придаст его словам больше веса. – И все сбылось точь-в-точь как он сказал.

Тут Фабиолу охватило нешуточное любопытство. Прорицатели не носили оружия.

– Ну-ка, расскажи! – приказала она, чуть повысив голос.

– Он предсказал, что Красс покинет Рим и никогда уже не вернется.

Глаза Фабиолы широко раскрылись. Все в Риме знали, что третий член триумvirата ради увеличения популярности стремился к военным успехам. И назначение Красса на должность проконсула Сирии, собственно, открывало ему возможность для вторжения в Парфию. Однако мало кто мог решиться предсказать, что его путешествие окажется последним, – кроме истинного прорицателя. Такого, кто мог бы знать что-то и о Ромуле.

– Что же еще он говорил? – прошептала она.

Виликус сглотнул слюну.

– Что в море разыграется буря и корабли с животными утонут.

– И все?

Корбуло ответил не сразу, сначала посмотрел необычным для него бегающим взглядом по сторонам.

– Было еще кое-что. – Он заметно волновался. – Гемелл упомянул об этом только однажды, когда я видел его последний раз.

Фабиола кинулась на него, как ястреб на добычу.

– И что же?

– Гаруспик сказал ему, что когда-нибудь в его дверь постучит один человек.

Она внутренне напряглась. Неужели речь шла о Ромуле?

– Похоже, он никак не мог отогнать от себя мысль об этом, – добавил Корбуло.

– А какой человек, случайно, не говорились? Не гладиатор?

– Нет, хозяйка. – (Сердце Фабиолы оборвалось.) – Воин.

Она тут же вновь воспрянула духом.

Слегка встревоженный любопытством хозяйки, Корбуло взглянул на нее с таким видом, будто ожидал одобрения, но получил лишь небрежную улыбку. Фабиола не собиралась выдавать ни крупицы своей тайны.

Не гладиатор, радостно думала она. Воин, а ведь именно воином стал ее брат после бегства из Рима. Гемелл знал, насколько сильно Ромул ненавидел его, и возможность новой встречи с ним должна была ужасать торговца до глубины души. Теперь у нее появилась вторая важная причина для того, чтобы отправиться в дорогу и посетить храм Юпитера. Если ей

удастся найти этого таинственного прорицателя, то, возможно, она выяснит, жив ли Ромул. Надежды было мало, очень мало, но Фабиола давно уже научилась никогда не сдаваться.

Ведь главными опорами, на которых держалась ее жизнь, были непоколебимая вера и стремление отомстить.

Вдруг из-за наружных стен виллы донесся басовитый собачий лай. Этот звук Фабиола слышала уже не в первый раз после того, как приехала в Помпеи, но всегда издали. Постепенно лай делался громче, и она заметила, что рабы испугались.

– Что это?

– Собаки, хозяйка. И фугитиварии. – Корбуло заметил недоумение на лице Фабиолы и поспешил пояснить: – Наемные охотники. Они гонятся за беглецами.

Пульс Фабиолы забился чаще, но, конечно же, никакой паники она не почувствовала. Я свободна, твердо сказала она себе. За мной никто не гонится.

Ей захотелось увидеть, кто же это шумит, и она вместе с Корбуло вышла за ворота. От соседних строений виллу отделяли каменные стены, голые деревья и невысокие заборы, а за ними находились ровные плодородные поля, большая часть которых лежала в это время года под паром. Две недели назад землю вспахали, и теперь она отдыхала в ожидании весеннего посева. Лишь кое-где робко зеленела озимая пшеница, маленькие ростки, поднимавшиеся над землей от силы на ладонь.

Обычно Фабиола с удовольствием обозревала окрестности. В это время года пейзаж казался суровым, но ей нравились и крикливые галки, летящие к своим гнездовицам, и свежесть холодного воздуха, и отсутствие людей. Улицы Рима всегда были заполнены народом; в Лупанарии уединение тоже являлось редким удовольствием. Латифундия же служила укрытием от грубой действительности.

Вплоть до этого момента.

Корбуло первым увидел движение.

– Вот-вот! – Он указал пальцем.

Через просвет в заборе, в паре сотен шагов от себя, Фабиола разглядела бегущего человека. Корбуло угадал верно. Человек был молод, его тело еле прикрывало какое-то тряпье. Раб. Даже издали Фабиола увидела, что он донельзя измучен. Нижняя половина его тела была перемазана грязью, а на лице отчетливо вырисовывалось отчаяние.

– Наверно, попытался удрать по реке, – пояснил виликус, не дожидаясь вопроса.

Фабиола с удовольствием гуляла вдоль небольшой речки, отделявшей ее латифундию от имени ближайшего соседа. Но теперь, похоже, ее прогулки потеряют прежнюю безмятежность.

– Это никому еще не помогло, – поморщившись, продолжил Корбуло. – Фугитиварии умеют обшаривать шестами все укромные места под берегом. А если и промахнутся, то от собак никто не укроется.

Фабиола не могла отвести взгляд от беглеца, который обреченно бежал дальше, то и дело испуганно оглядываясь через плечо.

– Почему за ним гонятся? – спросила она, хорошо зная, каким будет ответ.

– Потому что он сбежал, – ответил Корбуло. – А ведь раб – собственность его хозяина.

С этой жестокой истиной Фабиола была знакома не понаслышке. Из-за нее Гемелл имел право насиловать ее мать, как только у него возникало такое желание. Продать ее и Ромула. Казнить Юбу, богатыря нубийца, учившего ее брата пользоваться мечом. Хозяева обладали абсолютной властью над своими рабами вплоть до права распоряжаться их жизнью и смертью. Подкреплялось их самодурство тем, что в римском праве, которым так гордилась Республика, за любое издевательство над рабом и даже за его убийство не предусматривалось никакого наказания.

Из ближней роши вырвалась свора громадных собак. Одни бежали, держа носы у самой земли, другие, наоборот, принохивались к воздуху. И все они чуюли беглеца. Фабиола услышала, как молодой человек громко закричал от страха. Ужасный звук. Она и Корбуло продолжали молча наблюдать за происходившим.

Следом за собаками показалась кучка вооруженных до зубов мужчин. Они криками и свистом подгоняли собак. Увидев совсем близко обессиленного беглеца, преследователи принялись вопить с удвоенной силой.

– Откуда он?

– Кто же знает? – пожал плечами виликус. – Наверное, дурак этот бежит уже не первый день. Молодой, сильный... Я слышал, что, бывает, гоняются и неделю, и больше. – Корбуло явно сочувствовал беглецу. – Но эти... Они если уж погнались, то не отстанут. А с пустым брюхом быстро не побежишь.

Фабиола вздохнула. Беглому рабу никто не предоставит убежища, не даст пищи. С какой стати? Благополучие Рима держалось на войнах и рабстве. И поводов для сочувствия тем, кто пытался бежать из неволи, у его граждан не было. Ужасные условия жизни впроголодь, жестокие наказания за самую малую провинность – такова была участь рабов, а остальных это нисколько не касалось.

Конечно, не со всеми рабами обращались одинаково плохо, но именно они представляли собой ту кровь, которая пульсировала в венах Республики, их руки возводили великолепные здания, они трудились в мастерских и выращивали все то, чем Рим питался. Рабы нужны были Риму позарез. И никто из рабов ничем не мог помочь несчастному, с горечью думала Фабиола. Помощь беглецу каралась смертью. А кому охота умереть распятым на кресте?

Драма стремительно близилась к развязке. Шагах в пятидесяти от них беглец споткнулся, упал на колени на мокрую землю и застыл, воздев руки в безмолвной мольбе. Фабиола зажмурилась. Попытка встать между беглым рабом и людьми, которые, согласно закону, преследовали его, не привела бы ни к чему хорошему. Самой малой из неприятностей, которые ожидали бы ее в таком случае, стала бы судебная тяжба с хозяином раба. Поэтому она ничего не могла поделать.

И тут беглеца настигли.

Собаки накинулись на него и принялись валять по земле, словно куклу. Несчастный снова истошно заорал. Фабиола, сама того не желая, во все глаза смотрела на происходящее. И возблагодарила богов, когда почти сразу же предводитель охотников разогнал собак плеткой. Постепенно подтянулись и остальные фугитиварии; их было больше дюжины – грубые на вид люди в темных одеждах, вооруженные луками, копьями и мечами. Из-под шерстяных плащей виднелись кольчуги. Собравшись вокруг лежавшего на земле молодого раба, они громко смеялись над глубокими ранами на его руках, которые успели нанести ему собаки. Для них это было лишь дополнительной забавой.

Фабиола с трудом сдерживалась, чтобы не вмешаться. Но что она могла поделать?

Довольные своим успехом фугитиварии, казалось, даже не замечали, что они не одни. Их могучие пятнистые собаки разлеглись на земле, разинули громадные пасти и свесили красные языки. Похожие на них зверюги бродили по ночам вокруг виллы Фабиолы, охраняя ее от разбойников и воров. Эти же псы были крупнее сторожевых и выглядели еще более злобными.

Ловцы окружили раба и принялись бить его, он же сжался в комок и лишь негромко вскрикивал при каждом ударе. А потом положение изменилось. Ближайший из головорезов заметил наконец Фабиолу и Корбуло. Он сразу разглядел и богатую одежду, и драгоценности на женщине, но ничего не сказал ей, а лишь шепнул что-то своему коренастому предводителю. Тот вместо ответа со всей силы пнул раба в грудь.

Раздался очередной приглушенный вскрик.

Фабиола в ужасе смотрела на происходившее. Таким ударом вполне можно было сломать ребра.

– Прекрати! – не выдержала она. – Он тяжело ранен!

Корбуло тревожно кашлянул у нее за спиной.

Круг разомкнулся, суровые, неумолимые лица повернулись к обескураженной женщине и ее управителю. Фугитиварии не могли не заметить ее красоту, их грубые черты исказились издевательскими ухмылками. Послышались и весьма нескромные замечания, правда шепотом. Богатых все еще уважали.

Фабиола сделала вид, будто ничего не слышала; Корбуло густо покраснел.

Как ни странно, рабу позволили подняться на ноги. А потом один из фугитивариев вынул меч и ткнул беднягу острием, заставляя его сделать шаг в сторону – к Фабиоле. Ничего не понимающий молодой раб не пошевелился. Последовал новый укол; пленник громко всхлипнул, но, поняв, чего от него требуют, побрел нетвердыми шагами в сторону виллы. Раздался издевательский хохот, и в спину ему полетело несколько комьев земли. Раб попытался прибавить шагу.

– Что они делают? – испуганно спросила Фабиола у своего виликуса.

– Играют с ним. И с нами. Хозяйка, надо уйти в дом, пока не поздно, – пробормотал побледневший Корбуло.

Но у Фабиолы ноги словно приросли к земле.

Раб подошел ближе, и стало видно, что кровь на его теле – не только от укусов собак. Сквозь дыры в старой, изодранной в клочья тунике виднелись продолжавшие кровоточить раны, покрывавшие и грудь, и спину наподобие уродливой решетки. Нельзя было не узнать отметины кнута, наглядно говорившие о том, каким зверем был хозяин этого человека. Наверно, потому-то он и сбежал. Беглец был молод, Фабиола решила, что ему не больше пятнадцати. Совсем мальчишка. Пот и слезы промыли светлые полосы на покрытом грязью, осунувшемся от усталости и голода лице, не выражавшем ничего, кроме ужаса.

– Госпожа! – немного повысил голос Корбуло. – Это опасно.

Но Фабиола не могла отвести глаз от беглеца, который не смел взглянуть на нее.

Словно в трансе, он прошел мимо них в направлении внутреннего двора имения. Но как у мыши, раненой и отпущенной для забавы котом, у него не было шансов далеко уйти.

Фугитиварии сдвинулись с места, и Фабиола почувствовала болезненный спазм в желудке. Она оглянулась по сторонам, но не увидела никого из телохранителей. До сих пор необходимости в их помощи не возникало ни разу, и они по большей части сидели в кухне у очага, обмениваясь непристойными шутками. Даже рабы, находившиеся во дворе, не показывались.

Корбуло настолько испугался, что осмелился дернуть хозяйку за рукав.

Но Фабиола почувствовала непреодолимое желание помочь несчастному и повернулась к неторопливо приближавшимся людям. Да, она боялась, но броситься бегом под спасительную крышу своего дома, чтобы спрятаться там от этих нелюдей, было ниже ее достоинства. А они все приближались – тихо, угрожающе.

– Кто тут старший? – крикнула Фабиола. Ей пришлось крепко сцепить руки, чтобы они не дрожали.

– Получается, госпожа, что я. Сцевола, стало быть, главный фугитиварий, – с наглым полупоклоном произнес, растягивая слова, предводитель – низкорослый, крепко сложенный человек с короткими каштановыми волосами и глубоко сидящими глазами. Его туловище от шеи до середины бедер покрывала кольчуга, какие носят легионеры. На поясе висели гладиус в богато изукрашенных ножнах и кинжал. Запястья охватывали массивные серебряные браслеты, говорившие о его статусе. Похоже, охота на беглых рабов была выгодным делом. – Хочешь, чтобы я тебе чем-нибудь услужил?

Эта простая фраза была довольно двусмысленным намеком. Это была грубость. И потому фугитиварии отозвались на нее довольными ухмылками.

Прекрасно сознавая свое бессилие, Фабиола все же выпрямилась, чтобы казаться выше ростом.

– Объясните, что вы делаете на моей земле.

– На твоей земле? – Он прищурил глаза. – А как же Гемелл? Ты его последнее приобретение, что ли?

На сей раз его спутники хохотали не сдерживаясь.

Фабиола окинула их ледяным взглядом.

– Поместье больше не принадлежит этому жирному уроду. Теперь я хозяйка, и отвечать ты будешь мне!

Ее слова, похоже, удивили Сцеволу.

– Не слышал об этом, – признался он. – Мы много месяцев были на севере, в Галлии. Пожива там была отличная. Из поганых галльских племен драпало столько народу...

– Очень жаль, что вы вернулись.

– Вернулись – значит, надо, – ответил фугитиварий. – Хотя гоняться три дня за этим мерзавцем – не стоит он того, верно, парни? Но от старого Сцевола и его команды никто не уйдет!

– Тебе так приятно мучить рабов, которых ты ловишь? – язвительно спросила Фабиола. Сцевола ухмыльнулся, показав острые зубы.

– Это нравится моим парням, – ответил он. – И мне тоже.

Его спутники снова захохотали.

Фабиола строго взглянула на него.

– Было бы потеплее, эта мразь еще не так орала бы, – с деланным дружелюбием сообщил Сцевола. – Мне нужен хороший, сильный огонь – железо нагреть. Но это можно сделать и попозже, в лагере.

Фабиола кипела от гнева. Она отлично знала, о чем говорил Сцевола. Одной из самых распространенных кар для беглых рабов было клеймение. На лбу человека раскаленным железом выжигали букву «F» – fugitivus, беглец. Клеймо должно было служить жестоким предупреждением другим рабам. А если несчастный предпринимал повторную попытку сбежать, его, вероятнее всего, ожидала казнь на кресте. Потому-то большинство рабов вынуждены были мириться со своей участью. Но не я, напомнила себе Фабиола. И не Ромул.

– Убирайтесь! – Она ткнула рукой туда, откуда явились фугитиварии. – Сейчас же!

– И кто же, интересно, меня выгонит, а, госпожа? – глумливо осведомился Сцевола, указав подбородком в сторону Корбуло. – Неужто этот старый болван?

Его спутники сразу же взялись за оружие.

Виликус еще сильнее побледнел.

– Хозяйка! – чуть слышно прошептал он. – Нужно скорее вернуться на виллу!

Фабиола глубоко вздохнула, стараясь успокоиться. Она твердо решила не уступать Сцеволе, а бегство означало бы позорное поражение.

– Я любовница Децима Брута, – громким, ясным голосом сообщила она. – Известно тебе, крыса помойная, кто он такой?

Лицо Сцевола превратилось в холодную непроницаемую маску. Он что-то прикидывал в уме.

– Брут – один из главных командиров Юлия Цезаря, – гордо добавила Фабиола и окинула фугитивариев суровым взглядом. Все опустили глаза. Кроме Сцевола. – Если со мной что-нибудь случится, он Гадес поставит вверх дном, но найдет виновного.

В первое мгновение Фабиоле показалось, что ее слова дали желаемый эффект. Она повернулась, чтобы уйти.

– А-а, так ты шлюха одного из Цезаревых прихвостней... – растягивая слова, проговорил у нее за спиной Сцевола.

Щеки Фабиолы вспыхнули, она не нашлась что ответить.

– В Риме кое-кто готов заплатить хорошие деньги, если какой-нибудь сторонник Цезаря, – Сцевола широко улыбнулся, отчего его слова прозвучали еще страшнее, – выйдет из игры.

Остальные фугитиварии сразу оживились.

У Фабиолы сердце екнуло. В Помпеях совсем недавно говорили о зверских убийствах многих небогатых сторонников Цезаря – тех, у кого прежде не было никакой необходимости содержать многочисленную охрану. И у нее самой было лишь трое телохранителей.

– Скоро Брута ждешь?

Фабиола ничего не ответила. К горлу подкатил ком, она была близка к панике.

– Не волнуйся. Все будет как надо. – Сцевола наклонил голову и вновь прищурился. – Парни!

Фугитиварии как один шагнули вперед.

Фабиола испуганно взглянула на Корбуло. К его чести, он не заторопился к дому, а, напротив, сжал в кулаке кнут и встал перед своей хозяйкой, загораживая ее.

Сцевола расхохотался басовитым неприятным смехом.

– Прикончить старого глупца, – приказал он. – Но сука чтоб осталась жива и невредима. Она моя.

«Юпитер, благой и величайший! – мысленно взмолилась близкая к отчаянию Фабиола. – Опять мне так нужна твоя помощь!»

Ответом ей был только звук извлекаемых из ножен мечей.

Корбуло расправил плечи и сделал еще шаг.

Несмотря на весь ужас своего положения, Фабиола преисполнилась гордости за безнадежный героизм ее виликуса. Но потом вновь взглянула на толпу головорезов, и у нее перехватило дыхание. Они оба погибнут. Только ее, перед тем как убить, еще и изнасилуют. И ведь у нее нет никакого оружия, чтобы попытаться защитить себя.

Не дойдя нескольких шагов до Корбуло, фугитиварии вдруг остановились. Лицо Сцеволы побагровело от гнева.

Фабиола и Корбуло растерянно переглянулись. За своими спинами они ощутили какое-то движение.

Повернув голову, Фабиола увидела, что к ним бегут едва ли не все мужчины-рабы, находившиеся в латифундии. Их было человек сорок, и у каждого был топор, молоток или коса, несколько человек просто подхватили лежавшие во дворе доски. Они поняли, что происходит, и спешили защитить свою хозяйку, хотя, в отличие от фугитивариев, никто из них не умел сражаться. К глазам Фабиолы подступили слезы, когда она подумала о том риске, на который эти несчастные пошли ради нее.

Рабы поравнялись с ней и рассыпались длинной цепочкой.

Головорезы были обескуражены. Даже хорошее вооружение не давало им преимущества против такого количества врагов. К тому же после восстания Спартака прошло только двадцать лет, и все хорошо помнили, что рабы способны героически сражаться.

Фабиола вновь повернулась к Сцеволе.

– Убирайтесь из моей латифундии! – приказала она. – Живо!

– Без беглеца не уйду, – проворчал Сцевола. – Приведи его.

Корбуло склонил голову и покорно шагнул к входу во двор.

– Стой! – прикрикнула Фабиола.

Виликус замер.

– Не получишь ты этого беднягу, – сказала Фабиола, дав волю ярости. – Он останется здесь.

Корбуло глянул на нее так, словно не понял услышанного.

– Что ты сказала? – Сцевола поднял брови.

– Что слышал, – огрызнулась Фабиола.

– Этот сукин сын принадлежит торговцу Сексту Росцию, а не тебе! – взревел фугитиварий. – Это незаконно!

– Нападать на римских граждан еще незаконнее. Но тебя это не удержало, – резко парировала Фабиола. – Спроси Росция, сколько он хочет за мальчишку. Я сразу же отправлю ему деньги.

Сцевола, судя по всему, не привык встречать отпор и идти на попятный. Он в гневе сжимал и разжимал кулаки.

Короткое мгновение – один перестук сердца – они смотрели в глаза друг другу.

– Мы еще встретимся, – угрожающе пробормотал сквозь стиснутые зубы фугитиварий. – Никто еще – слышишь, никто не вставал на дороге у Сцевола без того, чтобы не поплатиться за это. А уж какая-то сучка, выскочка...

Фабиола вздернула подбородок и ничего не ответила.

– Надеюсь, у вас с любовником крепкие замки на дверях, – угрожающе добавил Сцевола. Будто из ниоткуда в его правой руке появился нож. – И стражи хватает. Вам все это ой как понадобится.

Его спутники гнусно засмеялись, а Фабиоле пришлось сделать над собой усилие, чтобы не задрожать.

Заразившись смелостью от своей хозяйки, Корбуло кивнул рабам. Они подались вперед. Сцевола окинул их презрительным взглядом.

– Мы еще вернемся, – сказал он и, знаком подозвав своих людей, направился во главе маленького отряда через раскисшее поле. Собаки трусили следом.

Виликус медленно, с усилием выдохнул.

Фабиола стояла не шевелясь, пока фугитиварии не скрылись из виду. Душа ее была охвачена паникой. Что я наделала?! Нужно было позволить ему забрать мальчишку. В то же время она радовалась своему поступку. А насколько он разумен, покажет будущее.

– Госпожа!

Она повернулась к виликусу.

– Сцевола – очень опасный человек. – Корбуло немного помолчал и добавил: – Он на жалованье у Помпея.

Фабиола ответила ему полной благодарности улыбкой, и старый виликус окончательно и бесповоротно сделался пленником ее обаяния.

– Этот паршивый пес правду сказал, – извиняющимся тоном объяснил он. – Его враги попросту исчезают. Наши люди... – Он указал на продолжавших толпиться вокруг рабов. – В следующий раз их будет недостаточно.

– Я знаю, – ответила Фабиола, больше всего жалеющая, что рядом с нею нет Брута.

Она обзавелась настоящим врагом. И путешествие в Рим сделалось необходимостью.

Глава III

Вахрам

Восточная Маргиана, зима 53/52 г. до н. э.

С устрашающими боевыми криками скифы кинулись на двоих друзей. Бренн, изловчившись, забрал лук у убитого телохранителя-парфянина и уложил уже четверых нападавших, включая стрелков, которые ранили Пакора.

Но врагов все равно оставалось слишком много – по девять на каждого из них, если не больше. Пропали, потерянно думал Ромул. Задавят. Он внутренне напрягся, готовясь к неизбежному.

Бренн стрелял, пока было возможно, стараясь выпустить побольше стрел. Потом он, выругавшись, бросил лук и выхватил гладиус. Они с Ромулом встали плечом к плечу.

И тут, к великому удивлению Ромула, над их головами, странно осветив площадку у входа в храм, пролетел один, а за ним второй яркий огненный шар. Первый упал и превратился в мощный всплеск пламени прямо перед скифами. Было видно, что те испугались. Второй попал одному из воинов в руку; войлочная одежда сразу вспыхнула, пламя рванулось вверх, опалив шею и лицо. Обожженный заорал от боли и страха. Несколько товарищей кинулись ему на помощь, но их остановила следующая пара горящих снарядов. Атака скифов резко захлебнулась.

– Это же светильники! – сообразил Ромул.

– Тарквиний, – ответил Бренн, накладывая на тетиву следующую стрелу.

Ромул оглянулся и увидел гарусника в нескольких шагах у себя за спиной.

– Почему ты задержался?

– Мне было видение Рима, – сообщил Тарквиний. – Если нам удастся выбраться отсюда, то останется и надежда.

Сердце Ромула на мгновение остановилось, а потом заколотилось с новой силой. Бренн громко рассмеялся.

– Что ты видел? – спросил Ромул.

Тарквиний будто не слышал вопроса.

– Поднимайте Пакора, – приказал он. – Быстрее.

– Зачем? – вполголоса осведомился Ромул. – Все равно помрет поганец. Давай лучше деру дадим под шумок.

– Нет, – ответил Тарквиний, швыряя еще два масляных светильника. – Если мы по такой погоде пойдем на юг, то наверняка погибнем. Нужно остаться в форте.

Светильники ударились о землю, и скифы вновь закричали в ужасе.

– Больше нет.

Ничего не оставалось, кроме бегства. Выругавшись себе под нос, Ромул ухватил Пакора за ноги, Бренн – за руки. Подняв командира как можно осторожнее, они взвалили тело на плечо Бренну. Руки и ноги Пакора болтались, как у тряпичной куклы; кровь, текущая из его ран, впитывалась в плащ галла. Только такой богатырь, как Бренн, мог далеко убежать с подобным грузом.

– Куда? – крикнул Ромул, оглядываясь по сторонам.

За спинами друзей возвышался утес, так что уйти они могли на север, юг или восток.

Тарквиний молча показал рукой.

На север. Ромул и Бренн, как и прежде, доверяли гаруснику. Вот и сейчас они, без слов подчинившись его решению, бросились во тьму, оставляя позади хаос.

К счастью, погода не препятствовала их бегству, а, напротив, помогала. Повалил густой снег, резко ограничивший видимость и быстро скрывший их следы. Впрочем, погони не было; Ромул предположил, что скифы знали, насколько близко лагерь противника. Сам он знал это точно, однако вскоре утратил способность ориентироваться, хотя обычно легко находил дорогу даже в малознакомых местах. Оставалось радоваться, что Тарквиний, похоже, точно знал, куда идти. По мере того как снег укрывал землю, становилось все холоднее и холоднее. Если они хоть немного уклонились от верного пути, шансов найти лагерь легиона почти не оставалось. Кроме него да кучки глинобитных хижин, на много миль вокруг не было никакого жилья. Близ восточной границы обитало около десятой части и без того немногочисленного населения Парфянского царства. Мало кто стремился в эти места, за исключением военных гарнизонов и военнопленных, у которых не было выбора.

Друзья шли молча, изредка останавливаясь, чтобы прислушаться, не погнались ли за ними скифы. Наконец из мрака появилось знакомое прямоугольное строение. Это был форт.

Ромул вздохнул с облегчением. Пожалуй, еще никогда в жизни ему не случалось так сильно замерзнуть. Когда они окажутся внутри и немного отогреются, Тарквиний сможет рассказать, что видел. Только желание узнать об этом давало ему силы идти.

Бренн усмехнулся. Даже он с нетерпением ждал, когда же можно будет перевести дух.

По обеим сторонам массивных ворот возвышались деревянные сторожевые башни. Вдоль периметра на равном расстоянии друг от друга возвышались такие же, разве что немного пониже, наблюдательные вышки. Защитный вал был сложен из плотно утрамбованной земли, вынудившей при прокладке фосс – трех глубоких рвов, которые опоясывали форт. Густо усыпанные железными шипами, не позволявшими никакой коннице с ходу преодолеть преграду, фоссы находились на расстоянии прицельного выстрела из лука с деревянной галереи, тянувшейся поверх валов изнутри. С каждой из четырех сторон форта имелся единственный вход, к которому вела утоптанная дорога.

По одной из таких дорог они спешили сейчас, ожидая, что их вот-вот окликнут.

Как это ни удивительно, огромный форт не предназначался для отражения штурма – легионеры всегда предпочитали не отсиживаться за стенами, а сражаться в открытом поле. Внушительные оборонительные сооружения были нужны лишь на случай неожиданного нападения. Если о появлении врагов удавалось узнать заблаговременно, командиры собирали воинов на интерваллуме – открытом пространстве, отделяющем защитный вал от лагерных построек, – и войско, в заученном порядке, выходило на бой. В поле легионерам не было соперников. Хорошо обученные да с тактикой Тарквиния, горделиво думал Ромул, они могли разгромить любого противника, пешего или конного.

В битве лицом к лицу Забытый легион был непобедим.

– Стой! – Тарквиний подошел к Бренну и пощупал пульс Пакора.

– Живой? – осведомился галл.

– Еле-еле, – ответил, поморщившись, Тарквиний. – Нужно торопиться.

Ромул взглянул в пепельно-серое лицо Пакора и внезапно осознал, что они оказались в совершенно отчаянном положении. Времени прошло немало, и скифион вполне мог сделать свое черное дело. Командир легиона, несомненно, скоро умрет, а их, как единственных уцелевших, обвинят в его смерти. Ни один из высокопоставленных командиров парфянского войска, тем более если он чего-то стоил как воин, не упустил бы случая покарать людей, которые допустили подобный исход. Они убежали от скифов только для того, чтобы их казнили свои.

Тарквиний, безусловно, понимал все это, однако хотел спасти Пакора. А Митра указал ему обратный путь в Рим.

Как тонущий цепляется за подвернувшееся бревно, так Ромул уцепился за эту мысль.

От ворот их отделяло менее тридцати шагов, дальность броска пилума, но их все еще никто не окликнул. Это был непорядок. Подходить к форту, не назвавшись, не должен был никто.

– Псы ленивые. У огня небось валяются, – пробормотал Ромул.

Действительно, стражам разрешалось ненадолго спускаться в теплое караульное помещение, имевшееся в каждой башне, чтобы отогреть заочиненные руки и ноги. На деле же они торчали в тепле столько времени, сколько позволял караульный начальник.

– Значит, пора их разбудить. – Тарквиний вышел вперед и несколько раз стукнул рукоятью своей боевой секиры по толстым доскам ворот. Глухой звук далеко разносился в морозном воздухе.

Они ждали молча.

Этруск приготовился снова колотить в ворота, но тут сверху донесся безошибочно узнаваемый топот подбитых гвоздями сандалий по деревянному настилу. Через несколько мгновений наверху показалось бледное лицо.

– Кто идет? – В голосе часового, разглядывавшего сквозь продолжавшуюся метель стоявших внизу, отчетливо слышался страх. Форт редко посещали посторонние, а среди ночи вообще никто ни разу не приходил. – Назовитесь!

– Открывай, дурак! – нетерпеливо крикнул Ромул. – Пакора ранили.

Ответом было молчание, словно воин не верил своим ушам.

– Шевелись, ты, кусок дерьма! – потребовал Тарквиний.

Часовой был потрясен.

– Слушаюсь! – Он повернулся и сбежал по лестнице, на ходу громко вызывая гревшихся в помещении товарищей.

Тут же заскрипел толстый брус, запиравший ворота. Одна из створок распахнулась, появились несколько легионеров и взволнованный оптион. Больше всего их, конечно же, тревожило то, что за нарушение дисциплины в карауле полагалось серьезное наказание.

Но Тарквиний быстро прошел мимо них, не говоря ни слова. Ромул и Бренн следовали за ним. Когда же часовые разглядели фигуру, безжизненно свешивавшуюся с плеча галла, они совсем перепугались.

– Ворота закройте! – рявкнул Тарквиний.

– А где же воины Пакора? – осмелился спросить оптион.

– Погибли, – бросил Тарквиний. – Скифы устроили засаду возле храма Митры.

Все только испуганно ахнули.

Пояснять что-либо Тарквиний не пожелал.

– Доложите дежурному центуриону и возвращайтесь на посты. И не зевать!

Оптион и караульные легионеры поспешно разбежались по местам. Как-никак Тарквиний тоже был центурионом и мог своей властью наказать их так же строго, как сделал бы это Пакор. О том, что случилось, они все равно скоро узнают.

Тарквиний быстро шел по главной улице форта. Ромул и Бренн следовали за ним. По обеим сторонам улицы тянулись ряды длинных приземистых деревянных казарм, предназначенных для одной центурии – восьмидесяти человек – каждая. Внутри все они были устроены совершенно одинаково: большая комната для центуриона, комнаты поменьше для младших командиров и по десятку помещений для рядовых легионеров – контуберниум, – рассчитанных на восемь человек. Там только-только помещались двухъярусные нары, вооружение обитателей и съестные припасы. Как и гладиаторы, легионеры жили, спали, учились и сражались вместе.

– Ромул!

Молодой легионер обернулся на негромкий окрик и, несмотря на темноту, узнал в человеке, стоявшем возле одной из казарм, Феликса, их товарища с самого начала похода Красса.

– Что ты тут делаешь?

– Так и не смог уснуть, – усмехнувшись, ответил Феликс. Он был полностью одет и при оружии. – Беспокоился из-за вас. Что случилось?

– Ничего. Шел бы ты спать, – коротко ответил Ромул. Чем меньше народу будет знать о случившемся, подумал он, тем лучше.

Но Феликс не послушался, а кинулся к Бренну и ахнул, увидев торчавшие из тела Пакора стрелы.

– Всесильные боги! – воскликнул он. – Что случилось?

Ромул на ходу в нескольких словах рассказал ему о засаде. Феликс кивал и морщился. Галл был куда меньше ростом, чем Ромул, намного уступал силой Бренну, но это не мешало ему быть прекрасным солдатом. Стойкость и упорство Феликса вызывали уважение. Когда во время первого сражения при Каррах когорту наемников окружили парфянские лучники, галл остался в строю. Не так уж много воинов тогда осмелились встать плечом к плечу с Бассием, центурионом, который позже погиб в парфянском плену, и тремя друзьями. Феликс был одним из этих смельчаков. Он сам решает, как поступить, думал Ромул. А чувствовать рядом плечо надежного товарища всегда приятно.

Больше их никто не остановил. Стояла глухая ночь; почти все легионеры крепко спали. Кроме того, приставать с вопросами к Тарквинию мог решиться лишь кто-нибудь из старших командиров легиона, но никто из них не попался друзьям по пути. Да и нечего им было сейчас делать снаружи. Вскоре маленькая группа добралась до принсипии, штаба легиона, находящейся на перекрестке виа Претория и виа Принсипия, соединявшей восточные и западные ворота. Эти главные улицы делили лагерь на четыре равные части. Здесь же стояли роскошный дом Пакора и более скромные жилища старших центурионов, командовавших когортами; эти, все до одного, были парфянами. Рядом находились валетудинариум, лагерьный лазарет, и мастерские плотников, сапожников, гончаров и ремесленников множества других специальностей, жизненно необходимых легиону.

Римские легионеры были не только воинами, но еще и искусными мастерами и строителями. Ромул думал, что это одна из главных причин, позволивших Риму достичь такого величия. А несчастный Красс в решающий момент подставил под удар едва ли не единственную слабую сторону республиканской армии – в ней почти не было кавалерии, тогда как у парфян конники составляли подавляющее большинство войска. Тарквиний указал на это задолго до прихода в Карры, и Ромул очень скоро убедился, что гаруспик прав. Но простых воинов не заслушивали на военных советах, сердито думал он. Красс то ли не желал, то ли был неспособен думать об участии своих солдат и бестрепетно вел войско навстречу гибели.

И поэтому у Забытого легиона появились новые командиры. Очень жестокие.

Ромул вздохнул. Если не считать Дария, командующего той когортой, куда попал юноша, большинство командиров-парфян были совершенно безжалостными. И что случится, когда они увидят Пакора, ведали одни только боги. Но хорошего ждать не приходилось.

Обнесенный высокой стеной дом Пакора находился рядом с принсипией. По форме он походил на римскую виллу – замкнутый квадрат с внутренним двором. Сразу за входными дверьми располагались атриум – вестибюль – и таблинум – зал для приемов. Оттуда проходили во внутренний двор, опоясанный колоннадой, через которую можно было войти в пиршественный зал, спальни, бани или святилище. Ромул побывал в Селевкии и знал, что новые властители не были нацией архитекторов и строителей, подобно римлянам. В парфянской столице все здания, кроме циклопической арки главных ворот и великолепного дворца Орода, представляли собой маленькие, примитивные глинобитные хижинки. Он хорошо запомнил, как изумился его нынешний командир, когда впервые вошел в свой свежестроенный дом. В тот момент парфянин больше всего походил на ребенка, которому дали новую игрушку. Теперь же Пакор оказался перед воротами, которые охраняла дюжина парфян, вооруженных луками и

копьями, – легионерам-пленникам никогда не доверяли эту обязанность, – свисая безжизненным кулем с могучего плеча Бренна.

– Стойте! – крикнул смуглый командир караула, подозрительно всматриваясь в тело, которое нес Бренн. – Кого вы притащили?

– Пакора, – ответил Тарквиний, не меняясь в лице.

– Что с ним? Ему плохо?

Гаруспик кивнул.

– Он тяжело ранен.

Парфянин кинулся вперед и громко ахнул, увидев серое лицо Пакора.

– Как?! – Он выкрикнул короткий приказ, и стражники рассыпались, взяв римлян в кольцо и направив на них копья.

Окруженные старались не шевелиться. Отношения между римлянами и парфянами и при обычных обстоятельствах были напряженными, а сейчас, когда они принесли тяжелораненого Пакора, можно было ожидать чего угодно.

Офицер выхватил кинжал, шагнул к Тарквинию и приставил лезвие к его шее.

– Говори, как это произошло! – прошипел он сквозь оскаленные зубы. – Живо!

Ответа он не получил, и у него от гнева вылезли глаза из орбит. Он пошевелил острым как бритва клинком, и сразу из узкого пореза на шее Тарквиния выступила кровь.

У часовых от смелости их командира дух перехватило. Большинство парфян не на шутку боялись гаруспика.

Молчать, как будто все это меня не касается, – единственное, что может дать мне перевес, думал Тарквиний. К тому же мне еще не суждено умереть.

Феликс напрягся, но Ромул качнул головой, запрещая ему пытаться что-либо предпринять. Их друг лучше знал, что делать. Низкорослый галл опустил руки, и Ромул почувствовал, что ему чуть-чуть полегчало.

– На нас напали скифы, командир, – громко сказал Ромул. – Посмотри на его раны.

Офицер шагнул к Бренну и его ноше. Все молчали. Вблизи скифские стрелы нельзя было не узнать. Но подозрения парфянина не улеглись.

– Где остальные люди? – резко спросил он.

– Все погибли.

Парфянин широко раскрыл глаза.

– Тогда почему вы все невредимы?

– Они стреляли из темноты, – ответил Ромул, не теряя самообладания. – Нам повезло: мы взяли щиты.

Парфянин испытующе взглянул на Бренна и Феликса, но галлы дружно кивнули. Напоследок офицер посмотрел на Тарквиния, в темных глазах которого ничего нельзя было прочесть, и вновь повернулся к Ромулу.

– Командир и Тарквиний уцелели, потому что были в святилище, – добавил Ромул. – Мы с Бренном пробились ко входу и спасли их.

Офицер молча ждал продолжения.

– Пакора ранили, когда мы собирались бежать оттуда, – продолжал Ромул. Ему было не по себе, потому что он помнил, как замешкался, когда командир потребовал, чтобы он отдал ему skutum. Пакор, если выживет, не простит его. Но беспокоиться об этом пока что не стоило. По крайней мере три отравленные стрелы достались не ему. – Ну а Бренн его вытащил.

– Зачем же он надрылся? – с издевкой осведомился парфянин. – Командир все равно умрет – от скифиона нет спасения.

На это Ромул не нашелся что ответить.

– Он наш командир, – вмешался в разговор Тарквиний. – Не будет его, и легион пропадет.

Парфяне уставились на него, не скрывая недоверия.

– Думаешь, я в это поверю? – проворчал офицер.

Никто из парфян не ожидал, что кто-либо из римлян будет заботиться о здоровье своих угнетателей. В особенности Пакора. И все присутствующие это знали.

– Я могу помочь Пакору, – громко заявил Тарквиний. – А если вы продолжите меня задерживать, его смерть будет на вашей совести.

Офицер шагнул в сторону. Понимая, насколько тяжелы раны командира, парфянин вовсе не хотел, чтобы его обвинили в том, что он помешал спасти Пакора. Что ни говори, но во всем форте лишь у одного человека был шанс вылечить командира легиона.

У Тарквиния.

– Пропустите их! – приказал парфянин.

Его подчиненные подняли оружие, один поспешно открыл тяжелые ворота и впустил римлян внутрь. Атриум был простым, с полом, вымощенным обожженным кирпичом, а не затейливой мозаикой, какие выкладывали в подобных домах Рима. Никого из прислуги не оказалось, но в этом не было ничего удивительного. Пакор считался аскетом среди парфянских вельмож и держал мало слуг.

– Принесите из валетудинариума мою кожаную сумку! – крикнул гаруспик, направляясь через таблинум во внутренний двор. – Быстрее!

Начальник стражи тут же еще громче заорал на своих подчиненных; один из них сорвался с места и опроретью помчался выполнять приказание.

Сейчас доложат старшим центурионам, встревоженно думал Ромул. Если уже не доложили. В таком случае они появятся через несколько мгновений. Он сглотнул подступивший к горлу комок и молча вознес молитву Митре. Он знал об этом боге не так уж много. Ему поклонялись парфяне, но Тарквиний говорил, что именно Митра указал ему путь. Значит, и из того отчаянного положения, в каком они оказались сейчас, должен найтись выход. Но Ромул его не видел. Помоги нам, великий Митра, молился он. Научи нас, что делать.

В большой спальне Пакора уже горел огонь, освещавший висевшие на стенах толстые ковры и множество вышитых подушек, разбросанных по полу, несколько окованных железом сундуков да широкую кровать, покрытую звериными шкурами. Больше никаких вещей в комнате не было. Трое слуг, сидевших на кирпичном полу перед очагом, напуганные внезапным появлением нескольких человек, с виноватым видом вскочили на ноги; один из них воровато шмыгнул в заднюю дверь. Греться у огня в хозяйской комнате было дерзким проступком, за который их ждала в лучшем случае суровая трепка. Когда Бренн внес безжизненное тело Пакора, они не сказали ни слова, но видно было, что им полегчало. Наказания сегодня не будет.

– Зажгите светильники! – резко скомандовал Тарквиний. – Принесите чистые одеяла и простыни. И вскипятите побольше воды.

Перепуганные слуги не посмели возразить. Один умчался прочь, а второй принялся разжигать бронзовые светильники, стоявшие вдоль стен. Стало видно, что в одном углу комнаты помещался деревянный алтарь со множеством огарков свечей, – как и всем остальным, Пакору частенько приходилось обращаться за помощью к богам. А среди огарков стояла статуэтка, изображавшая закутанного в плащ человека в тупоконечной фригийской шапке. Одной рукой он задирает вверх голову опустившегося на колени быка, а в другой руке держал нож. Ромул никогда прежде не видел этого бога, но все же догадался, кто он такой.

– Митра? – выдохнул он.

Тарквиний кивнул.

Ромул почтительно склонил голову и произнес про себя короткую, но горячую молитву.

Бренн и Феликс подошли к кровати.

Тарквиний с любопытством разглядывал статуэтку. До того как он попал в храм Митры, ему лишь раз довелось видеть изображение бога. Еще в Риме. Та статуэтка принадлежала одному ветерану, который помогал ему искать убийцу Олиния, его наставника. Как же звали

калеку?.. Секунд! Хороший человек, но насчет веры своей предпочитал не распространяться. С тех пор Тарквиний старался узнать о митраизме как можно больше. И вот нынче ночью он попал в храм, и сам бог ниспослал ему видение. А если Пакор выживет, то можно надеяться, что откроется еще больше. Не исключено, что таким образом Тарквиний мог бы найти новые сведения о происхождении этрусков. Полено в очаге громко треснуло и распалось на две части, выбросив вверх столб оранжево-желтых искр. Тарквиний, прищурившись, внимательно следил за движением крошечных огненных точек, которые плясали в воздухе, описывая изящные спирали, прежде чем исчезнуть в дымоходе. Это был хороший знак.

Ромул увидел, что гаруспик следит за огнем, и в нем возродилась надежда.

– Великий Митра, – благоговейно молился Тарквиний. – Пусть этот раненый – мой враг, но ведь он твой последователь. Сделай так, чтобы я смог спасти его. Если ты не поможешь, он обязательно умрет.

Феликс и Бренн положили бесчувственного парфянина на кровать.

Оставшийся в комнате слуга испуганно раскрыл рот, увидев, как Тарквиний вынул кинжал.

Гаруспик заметил это и усмехнулся:

– Только не хватало мне сейчас убить его.

Тарквиний наклонился и начал разрезать пропитанную кровью одежду Пакора, оставляя стрелы на месте. Несколько мгновений – и парфянин лежал в чем мать родила. Коричневая кожа приобрела болезненно-серый цвет, грудь вздымалась слабо, почти незаметно.

При виде ужасных ран командира легиона Ромул закрыл глаза. Вокруг каждой стрелы появилась ярко-красная опухоль – первый признак того, что скифион делал свое дело. Но хуже всего выглядела рана на груди. То, что Пакор не был убит наповал стрелой, ударившей между двумя ребрами в область сердца, могло считаться чудом.

– Это смерть, – негромко сказал Бренн.

Тарквиний, погруженный в свои мысли, ничего не сказал, лишь вскинул брови.

Феликс медленно выдохнул сквозь зубы:

– Зачем вы его притащили?

– Необходимо, чтобы он выжил, – ответил Тарквиний. – Если он умрет, всем нам одна дорога – за ним.

Бренн молчал. Он полностью доверял гаруспику. Ведь он знал, хотя это было совершенно невозможно, что именно сказал ему наедине друид, перед тем как римляне поголовно уничтожили его племя.

А у второго галла, того, что поменьше ростом, был очень встревоженный вид.

Ромул понимал его чувства. И все же считал, что Тарквиний прав. В такую холодную зиму отправляться в дальний путь без хорошей одежды и большого запаса съестного слишком опасно. У них просто не было иного выбора, кроме как вернуться в форт легиона. Теперь их судьбы зависели от лежавшего перед ними полумертвого нагого человека. А вернее – от того, удастся ли Тарквинию спасти его. Он видел израненное тело Пакора, и ему казалось, что это невозможно. Взгляд юноши сам собой обратился к фигурке на алтаре. «Митра всемогущий, помоги нам!»

В этот момент в комнату вбежали несколько перепуганных слуг во главе с тем, который сбежал, когда в дом принесли его раненого хозяина. Они притащили и одеяла, и льняные простыни, и бронзовые миски с горячей водой, оставили все это возле кровати и сразу же, повинувшись приказу Ромула, вышли из спальни. Лишь двое из них – те, что были в комнате с самого начала, остались и сейчас расставляли светильники возле кровати, чтобы гаруспику было лучше видно. Еще через несколько мгновений появился охранник, отряженный за лекарской сумкой Тарквиния. При виде Пакора он побледнел как мел, попятился, бормоча себе под нос молитву, и занял место возле двери.

Порывшись в сумке, Тарквиний извлек несколько железных хирургических инструментов и ошпарил их в кипятке. Еще какие-то орудия он положил рядом на тот случай, если они понадобятся. У него были разнообразные ножички, щипчики и крючки. Вместе с палочками для зондирования ран и лопаточками лежали устрашающего вида пилки. Потом на свет появился моток коричневых ниток для зашивания ран, сделанных особым образом из овечьих кишок. Со свежей кишки Тарквиний осторожно снимал наружный слой, резал его на тонкие полоски, растягивал и просушивал. Полученные жесткие нитки годились для того, чтобы скреплять почти любые ткани человеческого тела, что Тарквиний не раз делал с помощью круглых или трехгранных иглолок. Ромулу уже доводилось видеть, как гаруспик, пользуясь своими металлическими инструментами, лечил раненых воинов. Несколько чудом уцелевших лекарей легиона сами были мастерами своего дела, но и они постоянно изумлялись искусству Тарквиния.

В умелых руках Тарквиния, казалось бы, обреченные на смерть солдаты полностью исцелялись. Он ловко перевязывал порванные артерии, спасая людей от смертельной потери крови. Он сращивал сухожилия, возвращая подвижность поврежденным членам. Однажды он даже разрешил одному из легионеров кожу на голове, распилил череп и удалил кровяной сгусток с поверхности мозга. По словам Тарквиния, ключами к успеху были хорошее знание анатомии и абсолютная чистота. Хирургические операции, которые он проводил, буквально завораживали Ромула, вот и сейчас он придвинулся поближе, чтобы посмотреть, как будет действовать его друг. Но такому испытанию, как сейчас, знания и умения Тарквиния еще не подвергались. Раньше гаруспику приходилось врачевать относительно чистые раны, нанесенные остро отточенными копьями и мечами. А у скифских стрел наконечники были зазубренными и вдобавок смазанными смертоносным скифионом.

Пакор находился уже на полпути к Гадесу.

Тарквиний отлично понимал невероятную сложность задачи, которая нынче стояла перед ним. Он вновь повернулся к изваянию на алтаре и склонил голову. «Митра, я молю тебя о помощи!»

Ромул верно истолковал это движение.

Феликс же, увидев, что Тарквиний готовится начать операцию, переменялся в лице.

– Погреться немного... – пробормотал себе под нос коротышка-галл и со вздохом уселся возле очага. Мало кто из легионеров, невзирая на боевую закалку, испытывал желание наблюдать за кровавой работой врачевателя.

Ромул и Бренн не пошевелились.

– Держите его за руки, – резко бросил Тарквиний. – Он может очнуться. Сейчас его будет сильно щипать. – Вытащив зубами пробку из маленькой глиняной фляжки, он налил на кусок чистой тряпки немного остро пахнущей жидкости.

– Ацетум? – спросил Ромул.

– Уксус, – поправил его Тарквиний. – Самое лучшее средство, чтобы предотвратить заражение крови.

Они молча смотрели, как Тарквиний осторожно промывал раны. Пакор даже не шевельнулся.

Сначала гаруспик занялся рукой командира. Отломав деревянный стержень стрелы, он с помощью металлического зонда извлек зазубренный наконечник, остановил кровотечение зажимами, а потом наложил повязку. Точно так же он обошелся с ногой. Дольше всего пришлось возиться с раной в груди. Чтобы вынуть стрелу, Тарквинию пришлось раздвинуть специальными расширителями два ребра. Рану необходимо закрыть как можно скорее, объяснил он. Если в грудную клетку Пакора попадет много воздуха, он неизбежно умрет. Ромул не впервые наблюдал за работой друга и многое понимал. Однако не мог удержаться от вопросов.

– Все, что нужно, ты уже видел, – со вздохом отозвался гаруспик. – Когда в следующий раз кого-нибудь из легионеров ранят, будешь оперировать сам.

Ромул даже вздрогнул. Перевязать рану товарища посреди сражения – несложное дело, но то, о чем говорил Тарквиний, было куда серьезнее.

– Будет еще много раненых, – уверенно сказал Тарквиний. – Я один не смогу помочь всем.

Ромул кивнул, соглашаясь. Такая перспектива его пугала, но возразить было нечего. Не единожды он замечал, что гаруспик лечил только тех, у кого был верный шанс на выздоровление. Тяжелораненых обычно оставляли умирать. Те, кому повезло, то есть если позволяли обстоятельства, получали немного обезболивающей настойки мандрагоры или папаверума, но большинство умирало в тяжких мучениях, стеная от боли. И любая попытка спасти их жизни, пусть даже предпринятая неопытным и неумелым лекарем, все равно была для них большим благом, чем тот растягивавшийся на неопределенное время ад, через который они проходили. Осознание этого укрепило решимость Ромула овладеть всей медицинской премудростью, с какой ему удастся познакомиться.

Тарквиний долго возился с раненым, но в конце концов закончил. Потом он, что-то бормоча себе под нос, вытащил маленький мешочек и присыпал его содержимым раны парфянина. Тонкий порошок издавал запах затхлой плесени.

– Никогда прежде не видел, чтобы ты пользовался этим снадобьем, – удивленно заметил Ромул.

– Оно называется мантар, – ответил гаруспик, завязывая мешочек. – Мало кто знает об этом лекарстве; оно попало мне только раз, в Египте. – Тарквиний подкинул мешочек на ладони; он казался легким как перышко. – Отдал за него три таланта.

– Сколько же его было? – спросил Ромул.

Тарквиний даже растерялся.

– Когда я его покупал? Три маленькие ложки.

Друзья уставились на него, выпучив от изумления глаза. Такого количество золота хватило бы, чтобы безбедно прожить до старости.

Тарквинию, похоже, захотелось поговорить.

– Нет ничего действеннее, чтобы убить заразу в ранах. – Мешочек снова исчез под его туникой.

– Даже заразу от скифиона? – осведомился Ромул дрожащим от напряжения голосом.

– Посмотрим, – ответил Тарквиний, вновь взглянув на изваяние Митры. – Мне уже приходилось спасать им человеческую жизнь.

– А что же это такое?

Гаруспик усмехнулся.

– Тонко размолотая особая плесень.

Бренн недоверчиво взглянул на него.

– Вроде той, что растет на хлебе?

– Да, пожалуй. И еще на некоторых фруктах, когда они перезреют. Вообще-то, я сам точно не знаю. – Тарквиний вздохнул. – Среди плесени много ядовитых видов, так что на людях не очень-то попробуешь.

Ромул ошеломленно покрутил головой – никак у него в уме не укладывалось, что какая-то гадость, растущая на гнилой еде, может вылечить смертельную рану, нанесенную оружием или зубами дикого зверя.

– Лучше бы ты сохранил его для наших товарищей! – воскликнул в негодовании Бренн.

– Может, так и впрямь было бы лучше. – Тарквиний твердо взглянул в глаза галлу. – Но дело в том, что наши жизни целиком и полностью зависят от того, выздоровеет ли Пакор.

Бренн тяжело вздохнул. О собственной участи он не слишком тревожился, ему куда важнее было, чтобы уцелел Ромул. А это – галл нисколько не сомневался – зависело в основном от Тарквиния. И от Пакора, раз уж так говорил гаруспик.

Пока шла операция, парфянин даже не открыл глаз. Лишь слабое дыхание показывало, что он еще жив.

Тарквиний сел на подушку и, не говоря ни слова, не шевелясь, всматривался в зашитые раны.

Ромул вопросительно взглянул на него. Точно так же гаруспик затихал, когда изучал ветер или следил за битвой облачных войск в небе.

– Шанс у него есть. Небольшой, но есть, – произнес Тарквиний после долгого молчания. – Его аура немного укрепилась. – «Благодарю тебя, великий Митра», – добавил он про себя.

Ромул с облегчением вздохнул (постаравшись, чтобы никто этого не заметил). Значит, и у них оставался шанс выжить.

– Осторожно посадите его, чтобы я смог наложить повязки.

Слуги кинулись к лежавшему без сознания Пакору, а этруск аккуратно разорвал чистую материю на несколько лент. Только-только он собрался приступить к перевязке торса Пакора, как дверь широко распахнулась. Часовой громко рявкнул, как полагалось при появлении командиров, и в комнату ввалились сразу восемь смуглых мужчин. На их лицах читались и гнев, и любопытство. Одеты командиры были в туники из тонкой ткани и штаны, украшенные роскошными вышивками, на поясе у каждого висели меч и кинжал в отделанных золотом ножнах. У всех были короткие, аккуратно подстриженные бороды и тщательно расчесанные черные волосы.

– Что случилось? – выкрикнул один из них.

Все, кроме Тарквиния, вздрогнули. Ромул, Бренн и Феликс выпрямились и замерли, глядя прямо перед собой, как на построении. К раненому пришли командиры-парфяне, старшие офицеры Забытого легиона. Те люди, которым предстояло командовать, если Пакор умрет.

Оцепеневшие слуги поддерживали Пакора в полусидячем положении, его голова упала на грудь.

Парфяне как один громко ахнули.

– Командир! – произнес один из них, наклонившись и глядя Пакору в лицо.

Ответа, естественно, не последовало.

Лицо парфянина перекошилось от гнева.

– Он умер?

Ромул почувствовал, что его сердце бешено забило. Он рискнул скосить взгляд на Пакора и почти обрадовался, увидев, что тот все еще дышит.

– Нет, – сказал Тарквиний. – Но близок к смерти.

– Что вы устроили? – рявкнул Вахрам, обладатель звания примпила – старшего центуриона Первой когорты. В этой самой когорте они все служили. Могучего сложения человек, с торсом вроде хорошей бочки, только-только вступивший в средний возраст, был вторым человеком в легионе. – Ну-ка, выкладывайте!

Изо всех сил сдерживаясь, чтобы не удариться в панику, Ромул приготовился выхватить гладиус. Бренн и Феликс тоже напряглись. Не услышать в словах Вахрама угрозы было невозможно. Сейчас римляне имели дело не с простыми стражами, которых легко испугать, а с теми, кто, как и Пакор, были вольны распоряжаться жизнью и смертью каждого из них.

Вахрам сжал рукоять меча; его ноздри яростно раздулись. Тарквиний спокойно воздел руки, обратив ладони к Вахраму.

– Я могу все объяснить.

– Ну так объясняй, – громыхнул примпил. – Да побыстрее.

Ромул медленно убрал ладонь с рукояти гладиуса и отступил на шаг. Бренн и Феликс попятнулись одновременно с ним. У всех было такое ощущение, будто они балансируют на краю глубокой пропасти.

В мертвой тишине парфяне сгрудились вокруг кровати. Вахрам слушал рассказ гаруспика о том, что случилось, то и дело с подозрением поглядывая на троих легионеров. Конечно, о предстоящем возвращении в Рим Тарквиний не упомянул.

Когда гаруспик закончил, все некоторое время молчали. Трудно было понять, поверили ли парфяне услышанному. Ромула снедала тревога. Но немедленной казни, кажется, удалось избежать. Теперь оставалось только ждать. И молиться.

– Ладно... – протянул в конце концов Вахрам. – Могло быть и так.

Ромул очень медленно незаметно выдохнул.

– Но вот что еще... – Рука Вахрама вновь потянулась к мечу. – Гаруспик, ты знал, что произойдет?

Мир остановился, сердце Ромула замерло в груди. Снова все взгляды обратились к Тарквинию. Вахрам ждал. И тут, к всеобщему изумлению, гаруспик рассмеялся.

– Я не могу предвидеть всего, – сказал он.

– Отвечай на вопрос, – буркнул Вахрам.

– Да, я знал о большой опасности, – пожал плечами Тарквиний. – Но в Маргиане всегда опасно.

Примпил не удовольствовался этим объяснением.

– Говори прямо, сын шлюхи! – заорал он, наполовину вытащив меч из ножен.

– Мне казалось, что-то может случиться, – признался гаруспик, – но что именно, я понятия не имел.

Ромул хорошо запомнил разглядывавшего отряд шакала и то, как они с Бренном отошли от огня, чтобы лучше видеть зверя. Благодаря чему и остались в живых. Неужели это не было доказательством благосклонности бога? Он посмотрел на статуэтку Митры, склонившегося над быком, и содрогнулся от благоговейного страха.

– И все? – строго спросил Вахрам.

– Да, командир.

Ромул настороженно следил за лицом примпила. Увы, оно было столь же непроницаемо, как и лицо Тарквиния. И Ромул, сам не понимая почему, преисполнился подозрениями.

– Ну хорошо. – Вахрам слегка расслабился и позволил клинку скользнуть в ножны. – Долго Пакор будет поправляться?

– Может быть, он вообще не поправится, – бесстрастно ответил гаруспик. – Яда сильнее скиффона мы не знаем.

Эти слова заметно взволновали старших центурионов. На шее Вахрама набухла и запульсировала жила.

Пакор застонал, нарушив наступившую тишину.

– Осмотри его еще раз! – потребовал один из командиров.

Тарквиний склонился над кроватью, пощупал пульс Пакора, оттянул губу и взглянул на цвет десен.

– Если он выживет, то будет поправляться несколько месяцев, – наконец произнес он.

– Сколько? – резко спросил Ишкан, человек средних лет, с черными как уголь волосами.

– Два, возможно, три.

– Пока он не поправится, ты не выйдешь из этого дома, – объявил примпил. – Ни под каким предлогом.

Остальные закивали.

– А как же моя центурия? – осведомился Тарквиний.

– Да пропади она пропадом! – крикнул Ишкан.

– Ею будет командовать твой опцион, – сказал примпил.

Тарквиний покорно склонил голову.

Бренн и Феликс, похоже, совсем успокоились, решив, что в ближайшее время им ничего не грозит. Только Ромул не мог отделаться от мысли, что радоваться рано. Позднее он с горечью понял, что в нем говорила интуиция.

– А ты останешься здесь, – повторил Вахрам.

Он шагнул было к двери, но вдруг резко повернулся и, молниеносным движением выхватив меч, ринулся, рыча сквозь зубы, к Феликсу. Маленький галл не смог ни увернуться, ни выхватить свой гладиус. Его друзья – тоже.

Вахрам вонзил клинок глубоко в грудь Феликса. Смертоносное, остро отточенное железо легко вошло между ребрами галла и вышло, окровавленное, из спины.

Феликс успел лишь широко раскрыть глаза в ужасе и разинуть рот, из которого так и не вырвалось ни звука.

Командиры-парфяне оторопели.

Тарквиний тоже был ошеломлен. За последнее время он как-то позабыл о том, что боги зачастую требуют за свою помощь высокую цену. А даром не дают вообще ничего. Желая что-то узнать у богов, он обычно приносил в жертву какое-нибудь животное. Этой ночью Митра открыл ему многое, вроде бы не потребовав ничего взамен. Душа гаруспика разрывалась от боли. Как он мог оказаться таким глупцом? Ликовать оттого, что узрел шанс на возвращение в Рим, оттого, что ему после долгого перерыва явилось откровение, – и не увидеть того, что произойдет в ближайшие часы. Стоило ли все это жизни Феликса?

Но тут перед его мысленным взором вновь появился образ Ромула: юноша стоял на палубе корабля, входившего в римский порт Остию. После тяжелых последних месяцев Тарквиний воспринял видение, как зеленый побег – ливень после долгой засухи. Нет, Феликс погиб не зря, думал гаруспик.

Но Ромул ничего этого не знал. Его захлестнула волна горя. Феликс не был никоим образом причастен к случившемуся, он даже не ходил в храм Митры. Не отдавая себе отчета, Ромул выхватил меч и шагнул к примпилу. Бренн с искаженным гневом лицом двинулся за ним. Против них двоих было восемь человек, но сейчас это ничего не значило.

Вахрам поднял левую руку и оттолкнул Феликса; тело безжизненно рухнуло на пол. Из оставленной клинком раны хлынула кровь, и сразу же вокруг трупа образовалась красная лужица.

Чувствуя, как из глаз льются обжигающие слезы, Ромул шел вперед, готовый убивать. Его отделяло от Вахрама лишь шесть шагов. Два удара сердца.

Тарквиний молча наблюдал за происходящим. Ромулу предстояло самому решить свою судьбу. И Бренну тоже. А ему вмешиваться не следовало. Ромул мог вернуться в Рим, но мог и не вернуться. Не исключено, что Митра, как и многие боги, был непостоянен в своих симпатиях. Возможно, всем нам предстоит умереть до исхода ночи, думал Тарквиний.

Но Вахрам даже не поднял свой окровавленный меч, чтобы защититься.

Спокойствие коренастого примпила подействовало на Ромула, и ему удалось сдержаться. Происшествие в храме Митры лишней раз напомнило юноше о том, что первая, естественная реакция не всегда бывает лучшей. Убив сейчас Вахрама, они разом сожгли бы все мосты. К тому же это означало верную смерть. Но был и другой вариант: уйти отсюда. Если это удастся сделать, то за Феликса можно будет отомстить – позже. Почему-то Ромул был совершенно уверен в этом. Он поспешно протянул руку, чтобы остановить Бренна. К счастью, галл сразу послушался его.

Это не то сражение, в котором не сможет победить никто, кроме меня, думал Бренн; пророчество гаруспика накрепко врезалось ему в память. А когда оно начнется, я сразу пойму.

Тарквиний, задержавший было дыхание, с облегчением выдохнул. Благодарю тебя, Митра!

– Головы у вас еще работают, – прорычал Вахрам. – Снаружи ждут двадцать лучников. Ромул нахмурился. Парфяне обманули их всех. Даже Тарквиния.

– Стоит кому-нибудь из нас подать голос, и всех вас сразу перебьют, – добавил парфянин. Ромул убрал оружие в ножны; Бренн медленно последовал его примеру. А Ромул взглянул на статую Митры и дал в душе клятву. Если боги позволят, наступит и мой день, думал молодой воин. Я отомщу ему за Феликса, а Гемеллу – за своих родных.

– Возвращайтесь в казармы, – рявкнул Вахрам. – И радуйтесь, что вас не повесят на крестах.

Ромул стиснул кулаки, но не пошевелился.

«О великий Беленус, – молился в это время Бренн. – Возьми Феликса прямо в рай. Там я встречу с ним».

Но Вахрам еще не все сказал. Он ткнул коротким пальцем в Тарквиния.

– Если Пакор умрет, ты умрешь вместе с ним. – Глаза припила злобно сверкнули. – И твои дружки тоже.

Тарквиний побледнел. Вахрам повторил, естественно не зная того, угрозу Пакора. Но видение, в котором Ромул приплывал на корабле в Остию, придавало гаруспику силы. Возможно, ему самому и не доведется вернуться в Рим, но его ученик вполне мог попасть туда. Как именно это случится, Тарквиний пока что не знал. Ему оставалось лишь полагаться на Митру.

А у Ромула екнуло сердце. Гаруспик сказал, что надежды на выздоровление Пакора были призрачными. И как туман рассеивается под лучами восходящего солнца, забрезживший просвет, в котором открывался путь в Рим, снова исчез. Ну на что им оставалось надеяться?

Бренн молча взял его за руку и отвел от трупа Феликса, но в дверях Ромул все же остановился и оглянулся.

Положись на Митру, одними губами произнес гаруспик и чуть заметно кивнул в сторону стоявшей на алтаре статуэтки. Он укажет тебе путь.

Митра... – потерянно думал Ромул. Теперь ему мог помочь только бог.

Глава IV

Фабиола и Секунд

Рим, зима 53/52 г. до н. э.

На последних ступенях лестницы, которая вела к громадному храмовому комплексу, расположенному на вершине Капитолийского холма, Фабиола почувствовала, как участился ее пульс. Она уже много месяцев не молилась здесь и чувствовала, что ей этого остро не хватало. Волнение заставило ее опередить Доцилозу и телохранителей, но теперь к волнению примешалась тревога: что могло ей здесь открыться? Возможно, вообще ничего.

Какой-то прохожий окинул ее оценивающим взглядом, восхищенно присвистнул, и мысли Фабиолы вернулись к земным проблемам.

Прежде всего заговорил здравый смысл, и Фабиола замедлила шаг. Для женщины ходить по Риму в одиночку – по любой его части – не самый разумный поступок. А для нее – в особенности. Угроза Сцеволы была не пустыми словами – уже через день после инцидента с беглецом на ее полях убили двух рабов. Свидетелей не нашлось, но под подозрение прежде всего попали фугитиварии. Опасность заставила Фабиолу поторопиться с отъездом. Впрочем, она успела нанять дюжину гладиаторов из местной лудус. Шестеро под началом Корбуло должны были охранять виллу, а остальных, вместе с тремя телохранителями, она взяла с собой в Рим. Но это не означало, что от опасности удалось избавиться. А она, как беспечный ребенок, взяла и убежала от своих защитников.

Фабиола уже обратила внимание на то, как посматривали на нее несколько слонявшихся без видимого дела сомнительных типов. Ни один не походил на Сцеволу, но страх все же пробудился, в животе противно холодело. Ей вовсе не хотелось быть замешанной в каком-нибудь дурацком происшествии. Решив не давать воли нервам, Фабиола повернулась и отправилась назад. К тому же возлагать столько надежд на таинственного прорицателя, которого еще надо обнаружить, было неразумно. Да и его пророчество Гемеллу вполне могло оказаться всего лишь совпадением. А она за время плавания на север вбила себе в голову, что тот незнакомец, которому предстояло постучаться в двери Гемелла, обязательно окажется Ромулом.

Вскоре Фабиола нашла своих спутников. Доцилоза раскраснелась не только оттого, что ей пришлось почти бежать вверх по крутой дороге, но и от недовольства опрометчивым поведением хозяйки. Отлично понимая, что на Фабиолу никакие ее увещевания не подействуют, она яростно бранила охранников за то, что те ползут как улитки. Никто из девятерых мускулистых мужчин не смел ей возразить; все безропотно выслушивали брань, понуро переминаясь с ноги на ногу. Даже новички успели усвоить, что с Доцилозой спорить не стоит. Успокоенная Фабиола опять устремилась к своей цели, несколько не сомневаясь, что Доцилоза надежно прикроет ей спину.

Над открывшейся перед Фабиолой просторной площадью возвышалась огромная мраморная статуя обнаженного Юпитера; его бородатый лик был красен, как и полагается победителю. В дни триумфов вокруг изваяния сооружали высокий деревянный помост и обмазывали все тело бога кровью жертвенного быка. Но сегодня величественная фигура, за исключением ярко-красного лика, имела более естественную, почти белую окраску. Место для статуи – над обрывом Капитолийского холма – выбрали далеко не случайно. Властный взгляд Юпитера был обращен вниз, туда, где раскинулась основная часть города. На открытых местах, например на Римском или Бычьем форуме, любой мог поднять голову и укрепить душу лицезрением Юпитера Оптимуса Максимуса Всевидящего – государственного бога Республики.

Сильное впечатление производил и стоявший позади изваяния огромный храм с золоченой крышей и треугольным фронтоном, украшенным лепным рельефом. Портик из двена-

дцати покрытых росписью колонн в десять человеческих ростов высотой каждая, расположенных в два ряда, поддерживал фронто́н. Внутри храм делился на три святилища-целлы, каждое из которых было посвящено своему боже́ству: Юпитеру, Минерве и Юноне. Конечно, святилище Юпитера помещалось посередине.

За главным храмом теснилось множество малых святиль, жилища жрецов и школы. Ежедневно сюда, в религиозный центр Рима, приходили, чтобы поклониться богам, тысячи граждан. Фабиола высоко чтит храм и была уверена, что в целлах, длинных узких залах с покрытыми росписью стенами, ощущается аура особой силы. Первыми строителями целл были этруски, истинные основатели города. Народ, некогда уничтоженный римлянами.

Фабиола невольно сморщила нос. В воздухе стоял тяжелый смрад, в котором смешались запахи ладана, мирры и навоза жертвенных животных, которых во множестве приводили сюда на продажу. Крики торговцев и разносчиков смешивались с бормотанием гаруспиков. Привязанные ягнята жалобно блеяли, сидевшие в плетеных клетках куры испуганно зыркали бусинками-глазами по сторонам. Полуодетые проститутки устремляли зазывные обольстительные взгляды на каждого мужчину, который хоть мельком посмотрел в их сторону. Прыгали и кувыркались акробаты, а заклинатели змей играли на флейтах, выманивая своих питомцев из стоявших на земле глиняных кувшинов. В ларьках продавцы предлагали хлеб, вино и горячие колбаски. Рабы, одетые в одни лишь набедренные повязки, сидели на корточках возле пустых носилок; их тела все еще лоснились от пота после быстрой ходьбы с тяжелым грузом по крутому подъему. Пока их хозяева молились в храме, рабы могли немного отдохнуть. Дети с хохотом шныряли в толпе, путаясь под ногами у взрослых.

Здесь было поспокойнее, чем на узких улочках внизу, но тревожная атмосфера все же чувствовалась. Как и во всем Риме. Сразу же по прибытии в город Фабиола прямо-таки физически ощутила тревогу. И покупателей, и лотков с товаром на улицах было не много, а крупные лавки были надежно заколочены досками. Даже нищих заметно поубавилось. Но самым очевидным знаком непорядка были многолюдные группы опасных на вид мужчин, толпившихся на перекрестках. Вероятно, именно из-за них простые римляне старались поменьше выходить на улицы. Вместо обычных дубинок и ножей у большинства были мечи. Фабиола заметила и копья, и луки, и щиты; многие даже облачились в кольчуги или кожаные куртки, обшитые бронзовыми пластинами. Часто попадались люди с забинтованными руками или ногами; эти, по всей видимости, недавно пострадали в вооруженных стычках. В городе всегда хватало преступников и воров, но никогда прежде Фабиола не видела, чтобы они собирались такими толпами при свете дня. Да еще и вооруженные, как солдаты.

По сравнению с провинциальными Помпеями столица всегда была опасным городом. А теперь это различие особенно бросалось в глаза. Неужели вот-вот должна вспыхнуть война? Глядя на все это, Фабиола решила, что недавно усиленный ею до девяти человек отряд телохранителей вовсе не так уж велик, как ей казалось поначалу, и поспешила накинуть на голову капюшон плаща, чтобы избежать ненужных взглядов. Как ни быстро шли они по улицам, от внимания Фабиолы все же не укрылось, что разные кварталы контролировали разные группы. Она решила, что одни подчиняются Клодию, а другие Милону, политику-ренегату, занимавшему в недавнем прошлом пост народного трибуна. К счастью, отношения между противостоящими группировками были настолько напряженными, что они мрачно переругивались и осыпали друг друга витиеватыми оскорблениями с противоположных сторон улиц, разделявших их владения, не обращая внимания на нескольких торопливых прохожих.

Было ясно, что за четыре месяца, прошедшие с тех пор, как Брут поспешил вывез Фабиолу из Рима, положение только ухудшилось. Все началось со скандалов, в ходе которых многих политиков обвинили в недобросовестности, а выборы отложили. Этим поспешил воспользоваться Клодий Пульхр, авантюрист, перешедший ради своих целей из сословия патрициев в плебеи. Сколотив уличные банды, он попытался подчинить себе город. Милон, его

давний соперник, не испугался и стал нанимать гладиаторов. Начались стычки, изрядно встревожившие благородное сословие и нагнавшие страху на простых горожан. Пугающие слухи дошли даже до Помпей. Все происходящее выразилось одним словом: анархия.

Фабиола не прислушивалась к досужей болтовне. В ее мирной латифундии все это казалось нереальным. Здесь же, в Риме, закрывать глаза было уже невозможно. Брут совершенно прав: Красс погиб, Цезарь находится в далекой Галлии и в столице не осталось никого, кто обладал бы достаточным влиянием, для того чтобы обуздать нараставшие волнения. Конечно, в Риме был Катон, выдающийся политик и умелый оратор, но у него не было войск, которые могли бы его поддержать. Цицерона, другого знаменитого оратора, попросту запугали. Когда он попытался протестовать против разгула банд, Клодий быстро заставил его замолчать, вывесив на Палатинском холме список с перечислением преступлений, которые Цицерон якобы совершил против Республики. Римлянам нравились издевательства над именитыми гражданами, и положение Клодия сделалось еще крепче. Политики никак не могли взять положение под контроль. Риму требовался железный кулак – человек, который не побоялся бы прибегнуть к военной силе.

Ему требовался Цезарь или Помпей.

Но Цезарь застрял в Галлии. А Помпей тем временем хитрил и выжидал, пока положение ухудшится настолько, что Сенат обратится к нему за помощью. Самому прославленному из полководцев Республики все еще не хватало имевшейся популярности, так что спасение города от кровожадных банд подняло бы его на недосягаемую высоту. По крайней мере, так утверждалось в ходивших по городу слухах.

Фабиола поняла, что не будет в безопасности, если еще больше не усилит отряд силачей, топавших за нею следом. На ум ей сразу пришли двое – Бенигн и Веттий. Привратники из Лупанария оказались бы идеальным ядром ее маленького войска. За былые годы она сумела заслужить фанатичную преданность этих суровых могучих бойцов. Брут уже пытался выкупить их, но Йовина, хозяйка публичного дома, тогда отказалась продать своих охранников. Сейчас Фабиола думала, что найдет способ переупрямить или перехитрить старую каргу. Возможно, боги подскажут ей как.

К глубокому разочарованию Фабиолы, все прорицатели, собравшиеся подле святыни, производили впечатление обычных лжецов и шарлатанов. Она могла распознать таких за сотню шагов. Одетые в затрепанные мантии, зачастую нарочно изодранные, с кожаными тупоконечными шляпами на засаленных волосах, эти люди не знали ничего, кроме нескольких несложных уловок. Каждый из них подолгу молчал, с многозначительным видом разглядывая внутренности жертвенных животных, и ловко выпрашивал у клиентов их подноготную. Такой набор хитростей работал безотказно. За прошедшие годы она видела бесчисленное множество людей, которым прорицатели обещали все, чего они желали, попутно в считанные мгновения выманивая их последние скудные сбережения. По всей вероятности, лишь ничтожное меньшинство этих людей, отчаянно нуждавшихся в знаке благосклонности богов, понимали, что происходит вокруг. Рабочих мест катастрофически не хватало, продукты были дороги, а шансов на изменение положения к лучшему почти не оставалось. И пока Цезарь стремительно богател в своих военных кампаниях, а Помпей никак не мог прожить и доли того, что ему удалось наgrabить, рядовые граждане Республики влачили жалкое существование. Так что прорицатели могли не опасаться: их доходы не уменьшатся.

Фабиола не верила этим людям. Уже давно она научилась полагаться только на себя и на Юпитера, отца Рима. И, услышав о существовании настоящего гарусника, действительно способного предсказывать будущее, изрядно удивилась. Надеясь, даже вопреки здравому смыслу, что ей все же удастся найти неведомого прорицателя с гладиусом, о котором упомянул Корбуло, Фабиола задавала вопросы, улыбалась и бросала монеты в подставленные ладони.

Но поиски оказались безуспешными. Никто из тех, к кому она обращалась, ничего не знал о нужном ей человеке. Нетрудно было понять почему: многие прорицатели яростно отрицали, что когда-либо видели этого гаруспика, желая, чтобы богатая клиентка обратилась к ним. Вконец устав отбиваться от их услуг, Фабиола присела на ступеньку храма и некоторое время наблюдала за мельтешившей вокруг толпой. Ее стражники стояли поблизости. Доцилоза купила им хлеба с мясом, и они с удовольствием ели. Чтобы поднять настроение бойцов, Доцилоза купила им и по чаше разбавленного водой вина. Из Доцилозы вышла прекрасная домоправительница, подумала Фабиола. Она не только бранила слуг, если те того заслуживали, но и регулярно поощряла их.

– Не желаешь ли, госпожа, зайти внутрь и принести жертву?

Фабиола даже вздрогнула, услышав незнакомый голос. Она опустила взгляд и увидела, что с нижней ступеньки на нее смотрит однорукий человек. Расположился он со знанием дела – тут было удобнее всего выпрашивать подавание у тех, кто входил в храм. Средних лет, коренастый, с коротко подстриженными волосами, в рваной тунике военного образца. На груди бронзовая фалера – гордое напоминание о тех временах, когда калека служил в легионах. Через правое плечо переброшен ремень, на котором висел нож в истертых кожаных ножнах. В Риме каждый должен был уметь защитить себя. Он смотрел прямо и смело, восхищенно, но не угрожающе.

– Может быть, – ответила Фабиола. – Но я хотела сначала найти настоящего прорицателя. В Помпеях нет ни одного.

– Здесь ты тоже никого не найдешь! – хохотнул ветеран.

Один из телохранителей Фабиолы заметил происходящее и подошел поближе, взявшись за меч. Хозяйка коротким кивком заставила его вернуться к остальным. В это время дня здесь можно было ничего не опасаться.

– Похоже на то, – вздохнув, ответила она калеке. Действительно, надежда встретить здесь человека, с которым Гемелл мимоходом столкнулся несколько лет назад, была пустой тратой времени. – Может быть, таких и вовсе нет.

– Лучше всего, госпожа, ни на кого не рассчитывать, – посоветовал калека и подмигнул ей. – Даже боги непостоянны. Похоже, в последнее время они отвернулись от Республики.

– Истинную правду говоришь, дружище, – простонал, взбираясь на ступеньки, обливавшийся потом толстяк в замызганной тунике. – Нас, честных граждан, все время обирают. Нужно что-то делать!

Все, кто слышал его слова, тут же согласно закивали и загомонили. От Фабиолы не укрылось, что каждый, будь он в дорогой одежде или в тряпье, думал то же самое. Положение в Риме действительно было серьезным. И все эти люди по-настоящему тревожились. Она вновь повернулась к ветерану.

– Что до меня, я уже десять лет не пропускал ни одного чествования Марса. И все равно лишился вот этого. – Он выразительно помахал культаей.

– Как же это случилось? – сочувственно прищелкнула языком Фабиола.

– Дрался в Армении против Митридата, – гордо ответил калека, но тут же погрузстнел. – А теперь прошу подавания, чтобы не помереть с голоду.

Фабиола тут же извлекла кошелек из складок толы.

– Побереги свои деньги, госпожа, – чуть слышно сказал незнакомец. – Они тебе непросто достались.

Фабиола нахмурилась. Он сказал это так, будто что-то знал о ней.

– Ну-ка, объясни! – потребовала она.

Калека вдруг смутился: его обветренное смуглое лицо пошло красными пятнами, он умолк. Фабиола впиалась в него взглядом.

– Вряд ли клиенты так уж много оставляют... – пробормотал он в конце концов.

Фабиола похолодела. Она не сомневалась, что кое-кто в Риме узнает ее, но не ожидала, что это произойдет так быстро. К тому же нищие ветераны военных кампаний не бывали в Лупанарии. Никто из них просто не мог заплатить тех денег, которые там требовались. И все же он знал ее.

– Что ты имеешь в виду?

Калека отвел взгляд.

– Я обычно сидел перед входом в Лупанарий, пока тот район не стал слишком опасным. И много раз видел, как ты выходила оттуда с тем верзилкой привратником. С Бенигном.

– Понятно...

– Нельзя было не разглядеть твоей красоты, госпожа.

– Теперь я свободная женщина, – вполголоса сказала Фабиола. – Гражданка Рима.

– Значит, боги были благосклонны к тебе, – улыбнулся ветеран. – Мало кому удастся вырваться из когтей Йовины.

– Ты ее знаешь?

– Конечно, – усмехнулся он. – Да и ей моя рожа хорошо знакома. Хотя она ни разу не подала мне ни единого аса.

Теперь уже покраснела Фабиола.

– Я тоже.

– Ничего, госпожа. Теперь меня мало кто замечает. Выходит, я попусту лишился руки, в которой держал меч.

Нельзя было не проникнуться сочувствием к ветерану. Пусть мощь легионов служила тому, что она всем сердцем ненавидела, – защите государства, основанного на войнах и рабстве. Да, этот человек прослужил в армии много лет, но ведь он дорого заплатил за это. Фабиола не могла ненавидеть его. Напротив, он ей понравился. Если Ромулу повезло, у него могли появиться как раз такие товарищи.

– Нет, не впустую, – твердо произнесла она. – Вот, возьми.

В ее руке сверкнуло золото. Калека широко раскрыл глаза от изумления. Она протягивала ему аурей – больше, чем легионер получал за месяц.

– Госпожа, я... – пробормотал он.

Фабиола положила монету на ладонь и сомкнула его пальцы вокруг нее. Нищий не пытался противиться. Злая судьба заставила храброго воина забыть о гордости, и это опечалило Фабиолу.

– Благодарю тебя, – чуть слышно прошептал калека, уставившись в землю.

Фабиола повернулась было, чтобы уйти, но интуиция подсказала, что ей следует еще немного задержаться.

– Как тебя зовут? – ласково спросила она.

– Секунд, госпожа, – ответил калека. – Гай Секунд.

– А мое имя ты, наверное, знаешь.

Секунд снова усмехался.

– Фабиола.

Она приветливо кивнула ему... и еще один мужчина сделался ее рабом на всю жизнь.

– Может, когда-нибудь еще встретимся.

Секунд благоговейно смотрел вслед Фабиоле, пока та поднималась по ступенькам, направляясь к входу в храм. За всю свою жизнь он не видел ни одной женщины, которая могла бы сравниться с нею красотой. К тому же денег, которые она дала ему, должно было хватить на несколько недель безбедной жизни. Сегодня боги улыбнулись ему.

– Может быть, Юпитер откликнется на мои молитвы, – вдруг сказала Фабиола, полуобернувшись.

– Надеюсь на это, госпожа, – отозвался Секунд. – Или Митра, – добавил он шепотом.

Полутемная целла была битком набита людьми, стремившимися умоли́ть главного римского бога о благосклонности. Молящиеся вносили деньги на жертву, и бритоголовые прислужники указывали им, где встать на колени. Негромко пели жрецы. Мигающий огонь развешанных по стенам светильников создавал зловещую атмосферу. Высоко на стене висел каменный барельеф с ликом Юпитера вдвое больше человеческого лица. У бога был крючковатый нос и саркастически искривленные полные губы. Он сурово смотрел на молящихся из-под полуприкрытых тяжелых век. Ниже помещался длинный плоский алтарь, заваленный приношениями. Из перерезанных шей кур и ягнят все еще текла кровь. Рядом стояли по две и по три крошечные, грубо сделанные статуэтки Юпитера. Валялись медные монеты, серебряные денарии, кольца с печатками, ожерелья и ломти хлеба. Маленькие глиняные кувшинчики стояли рядом с принесенным кем-то стеклянным сосудом изящной работы. Богатые и бедные, плебеи и патриции – все что-то несли сюда. Каждому было о чем молить бога.

Фабиола неторопливо подошла к алтарю и, положив на свободное место несколько ауреев, преклонила колени поблизости. Поначалу ей было трудно молиться, отвлекало раздававшееся со всех сторон громкое бормотание, сливавшееся в нечленораздельный гул. Она закрыла глаза и попыталась вообразить своего возлюбленного. Вскоре ей удалось углубиться в себя, и шум уже не отвлекал ее. Брут, как наяву, стоял перед нею – стройный, с милой улыбкой на чисто выбритом загорелом лице. Фабиола не видела его уже несколько месяцев и не переставала удивляться тому, насколько сильно ей не хватает возлюбленного. Особенно в последнее время. Сосредоточившись на представшем в уме ярком видении, она попросила Юпитера дать ей знак. Сделать что-нибудь такое, что помогло бы Бруту и Цезарю подавить мятеж галлов. И защитить ее и Брута от угроз Сцеволы.

Но надежда не сбылась. Фабиола не видела и не слышала ничего, кроме гомона богомольцев, набившихся в святилище.

Как она ни старалась, на смену мыслям о Бруте пришли мысли о Ромуле. Неужели из-за того, что она встретила Секунда? Образы властно заполнили ее сознание. Последний раз она видела брата почти четыре года назад. Ромул за это время должен был превратиться в настоящего мужчину. Стать сильным, каким, наверное, был Секунд до того, как лишился руки. Ей нравилось представлять своего брата-близнеца высоким и стройным, в кольчуге и шлеме с конским хвостом. А потом образ расплылся. Разве возможно, чтобы Ромул уцелел? Красса разгромили наголову, это поражение потрясло Республику до самой сердцевины. Фабиола нахмурилась, не желая отказываться от надежды. Но если Ромул выжил после разгрома, значит он попал в плен к парфянам и его загнали на край земли. В Маргиану, где надежде нет места. Оплакивая участь брата, Фабиола вспомнила собственное нисхождение в Гадес. Нет, ей не приходилось сражаться на арене или рисковать жизнью в каком-нибудь из легионов. Ее вынудили сделаться проституткой.

И она это выдержала. Значит, и Ромул должен выдержать все, что выпадет на его долю. В этом Фабиола была полностью уверена.

Она поднялась и протиснулась к дверям. Доцилоза и охранники ждали ее снаружи, а вот Секунда уже не было. Это почему-то расстроило Фабиолу. Место калеки-легионера на нижней ступеньке занимал теперь прокаженный, замотанный в нечистые мокнувшие тряпки. Короткий разговор с ветераном пробудил в Фабиоле новые надежды, пусть даже она не поняла этого сразу. Да, ей не удалось обнаружить никаких следов таинственного прорицателя и получить хоть какие-то знамения, которые открыли бы участь ее брата или будущее Цезаря. Но все же ее путешествие в Рим не было бесплодным. А теперь нужно вернуться в римское жилище Брута, большой удобный домус на Палатинском холме. Там она могла собраться с мыслями и изыскать способы помочь Бруту и разделаться со Сцеволой. Возможно, настало время и для того, чтобы взяться за поиски Ромула. Республика, погрязшая во внутренних неурядицах, не могла в обо-

зримом будущем отправить армию, чтобы поквитаться с парфянами. А вот торговцы постоянно путешествовали на восток за ценными товарами, которые затем перепродавали в Риме. За хорошую цену можно уговорить кого-нибудь из них навести во время странствия необходимые справки.

Обдумывая все это, Фабиола смогла на некоторое время забыть о собственных заботах.

В последующие дни Фабиола получила полное представление о поистине страшной обстановке, сложившейся в столице. Неподалеку от дома Брута располагалось довольно много лавок, в которые она могла выходить, почти не подвергаясь опасности. Там она и собирала сведения. Сцевола никак не давал о себе знать, и Фабиола решила, что он так и остался на юге, близ Помпей. Роль провинциалки, не имеющей никакого представления о том, что же происходит в городе, удавалась ей отлично. После того как она потратила немалые деньги на покупку еды и всякие другие нужды, торговцы прониклись к ней глубокой симпатией и с готовностью поставляли самые свежие сплетни. Как Фабиола и подозревала с самого начала, улицами владели банды Клодия и Милона.

Помпей и бывший некогда самым верным его сподвижником жестокий Милон напрочь расплевались уже несколько лет тому назад. Теперь Милон заключил союз с Катонем, одним из немногочисленных политиков, решительно боровшихся против прибравшего к рукам всю власть триумvirата. Пусть Красс погиб, но Цезарь и Помпей все еще управляли Республикой, и это многим не нравилось. Катон отчаянно пытался не допустить Помпея на пост консула в будущем году и выдвинул кандидатом Милона. Клодия это привело в бешенство, и в городе теперь ежедневно происходили мелкие беспорядки. Случались и серьезные столкновения, уносившие жизни многих головорезов. Гибли и простые жители, случайно подвернувшиеся под горячую руку. Сенат бездействовал, не зная, что предпринять. Народ в большинстве своем жаждал восстановления порядка, сказал Фабиоле один торговец. И ждали этого от Помпея.

И его легионов.

– Солдаты на улицах Рима? – воскликнула Фабиола. Даже мысль об этом была совершенно противозаконной. Во избежание любых попыток государственного переворота законы Республики строго-настрога запрещали вход в столицу воинам, находящимся на службе. – Этого же не бывало со времен Суллы.

– Я хорошо помню те дни, – сказал, дрожа, тощий старик, покупавший масло для светильника. – Много дней кровь текла по улицам ручьями. Никто не мог быть уверен в своей безопасности.

– Я и сам это знаю, – мрачно покачал головой лавочник. – Но делать-то все равно нечего. – Он указал рукой на пустые полки. – Если будет нечего продавать, начнется голод. И что тогда?

Возразить ему Фабиола не могла. Если бы только Брут и Цезарь явились в Рим и вмешались в происходящее. Но шансов на это не было. Из поступивших с севера известий следовало, что никто не выберется оттуда еще несколько месяцев. Невзирая на снежные сугробы выше человеческого роста, Цезарь преодолел горы и успешно воссоединился со своими легионами в Галлии. Битвы с галлами уже начались. После первых неудач Цезарь одержал решительную победу и вынудил Верцингеторикса и его армию отступить на север. Но разгромить хитроумного галльского вождя не удалось. Галлы тысячами сходились под его знамена, и Цезарю приходилось выжидать. Положение в Галлии оставалось крайне сложным, и Фабиола с каждым днем все больше и больше тревожилась о Бруте.

На улице послышались громкие крики, сразу вернувшие Фабиолу к насущным проблемам. Она направилась к выходу из лавки, но телохранители загородили перед ней дверь. Доциллозы с ними не было: у нее болел живот и она лежала дома в кровати, – но охранников она вышколила прекрасно.

– Позволь, госпожа, я посмотрю, – сказал Туллий, старший из них, хромой низкорослый сицилиец с кривыми зубами, славившийся своим умением обращаться с мечом.

Фабиола нахмурилась, но возражать не стала. В эти дни опасности подстерегали всюду.

– Клодий Пульхр мертв! – кричал на бегу громко топавший сандалиями по мостовой человек. – Убит на Аппиевой дороге!

Лавочник сделал охраняющий от зла жест, просунув большой палец правой руки между указательным и средним. Старик принялся молиться полусшепотом.

К крикам бегущего вестника присоединились голоса прохожих, рискнувших выйти на улицу. Загремели, распахиваясь, ставни окон – это обитатели верхних этажей тоже пожелали услышать новость. Их голоса вплелись в общий шум.

– Я хочу видеть, что происходит, – заявила Фабиола.

Туллий вынул кинжал и выглянул из-под навеса. Одного взгляда ему вполне хватило. С громким рыком он выскочил на улицу, ловко свалил вестника наземь, стиснул одной рукой за горло и, приставив к его боку острие ножа, втащил пленника в помещение.

Фабиола сразу поняла, что малорослый недокормленный мальчишка, одетый в тряпье, без сомнения, принадлежал к числу беднейших обитателей Рима. Наверняка он рассчитывал, что кто-то вознаградит его за такое потрясающее известие.

Пленник испуганно смотрел на обступивших его, не менее, чем он сам, потрясенных людей – лавочника, старика, Фабиолу и ее остальных охранников.

– Кто вы такие? – спросил он. – Я вас прежде не видел.

– Заткнись, засранец! – Туллий слегка ткнул его кинжалом. – Лучше расскажи госпоже, что ты там сейчас кричал.

Мальчишка с готовностью повиновался.

– Гладиаторы Милона напали на Клодия и его людей. Около гостиницы южнее города, – затараторил он. – Как накинута! Этим вдвое больше, чем тех.

– Когда?

– Час назад, не больше.

– Ты сам это видел? – спросила Фабиола.

Он кивнул.

– Госпожа, это была засада. Гладиаторы сначала метнули копья, а потом как набросились со всех сторон!

– Гладиаторы? – перебила его Фабиола; слыша это слово, она всякий раз вспоминала о Ромуле.

– Да, госпожа, люди Мемора.

Ей удалось сохранить спокойствие.

– Мемора? Какого Мемора? – переспросила она, как будто впервые услышала это имя.

Мальчишку ее неосведомленность удивила.

– Ну как же. Это ланиста Лудус магнус.

Фабиола пожала плечами, как будто это имя ни о чем ей не говорило, но в душе содрогнулась. Перед тем как Брут выкупил ее из Лупанария и дал свободу, Мемор некоторое время, к счастью недолго, числился среди ее клиентов. Жестокый бесстрастный ланиста был ей отвратителен, но он мог что-то рассказать о Ромуле. Пустив в ход все свое умение доводить вождя-делующих мужчин до потери рассудка, ей удалось выяснить, что ее брата действительно продали в школу Мемора, откуда он позднее убежал вместе с сильнейшим из ее бойцов. Галлом. Но все это осталось в прошлом. А сейчас ей следовало думать о настоящем. События приняли серьезный оборот, и Мемор, судя по всему, был причастен к продолжавшимся беспорядкам. Но почему? Хотя Фабиола и не подавала виду, ее переполняла ярость.

– Он был там?

– Я его не видел, госпожа.

– А Милон?

– Этот был сначала, подначивал своих людей, а потом смылся, – сообщил подросток.

– Милон не дурак, – заметил лавочник. – Он отправился куда-нибудь, где много народу, чтобы его видело побольше свидетелей.

И Мемор поступил точно так же, подумала Фабиола.

– Что же дальше?

– Клодию пилум попал в плечо, он упал. Его отнесли в таверну поблизости. Люди Клодия пытались остановить нападавших, но их было слишком мало. Дверь вышибли, Клодия выволокли наружу. Он кричал, просил пощады.

Фабиола содрогнулась, представив себе это кровавое избиение.

– Ты уверен, что он погиб?

– Госпожа, он никак не мог спастись. Они накинулись на него, как свора диких псов. – Мальчишка сглотнул слюну. – Все было залито кровью. Люди Клодия несут его тело в город, – продолжал он. – А жена еще не знает.

– Когда узнает, разверзнутся врата Гадеса, – мрачно сказал лавочник. – Фульвия этого так не оставит.

– Ты с ней знаком? – поинтересовалась Фабиола.

– Не то чтобы знаком... Но знаю, что она настоящая аристократка. Ничего в себе не держит. Ну, ты же понимаешь, о чем я? – добавил он, взглянув на Фабиолу.

Та вопросительно вскинула брови. Старик захихикал. Сообразив, что сказал, лавочник покраснел.

– Я вовсе не хочу оскорблять благородных матрон...

Фабиола улыбнулась ему, чтобы дать понять, что он несколько не обидел ее.

– Отпусти мальчишку, – приказала она Туллию.

Сицилиец нехотя повиновался.

Не понимая, что может последовать дальше, подросток переминался с ноги на ногу. Фабиола бросила ему денарий; глаза мальчишки, по-видимому ожидавшего чего угодно, только не награды, радостно сверкнули.

– Благодарю тебя, госпожа! – Он торопливо поклонился и убежал, продолжая выкрикивать на ходу новость.

– Госпожа, надо поскорее вернуться домой, – озабоченно сказал Туллий. – Вот-вот начнутся беспорядки.

Фабиола согласилась. Лавка, не имевшая даже нормальной стены, была отнюдь не лучшим укрытием. Попрощавшись с лавочником, они быстро вышли на улицу. От дома Брута с толстыми высокими стенами и окованными железом воротами их отделяло не больше сотни шагов. Но даже это короткое расстояние оказалось чересчур длинным.

На ближайшем перекрестке собралась толпа головорезов, вооруженных дубинками, копьями и даже мечами. А между ними, как стадо среди овчарок, стояли испуганные мужчины, женщины и дети – обычные граждане. Серdito переговаривавшиеся между собой предводители группы не сразу заметили Фабиолу и ее стражу.

– Быстрее! – прошипел Туллий и энергично взмахнул рукой. – Назад, в лавку!

Фабиола сделала шаг назад, но споткнулась о валявшуюся в грязи мокрую ветку и упала. Головорезы услышали звук падения и в мгновение ока оказались рядом. Сицилиец едва успел помочь Фабиоле подняться, а их уже окружили. К счастью, громилы были настроены относительно добродушно. Люди с грубыми небритыми лицами громко смеялись над ее незадачей.

– Пошли с нами! – рявкнул высокий бородач, бывший, вероятно, одним из заводил. Судя по его тону, об отказе лучше было и не думать.

Туллий беспомощно посмотрел на свою хозяйку. Сопротивляться не следовало ни в коем случае – если бы он или кто-то из его людей взялся за оружие, всех убили бы на месте.

Фабиола тоже понимала это. Чувствуя, как отчаянно бьется сердце, она оправила одежду.

– Куда?

– На Форум! – последовал мгновенный ответ.

Фабиола окинула взглядом людей, которых силой, как и ее саму, заставили идти, – их лица были искажены страхом. Ни закона, ни порядка больше не существовало, и выступить на защиту обычных людей было некому.

– Зачем? – задала краткий вопрос Фабиола.

– Чтобы рассказать всем, что эти подонки сделали с Клодием! – выкрикнул бородатый вожак. – Пусть все видят его тело!

Ответом ему послужили разъяренные крики. Сердце Фабиолы екнуло. Известие об убийстве уже достигло города. Кому-то удалось обогнать мальчишку.

– Мертвым следует воздать почести! – Меч вожака банды со свистом рассек воздух. – Но сначала разделаемся с мерзавцем Милоном. И прикончим всех, кто следует за ним!

На сей раз толпа откликнулась невнятным ревом. Первобытным. Ужасающим.

Фабиола явственно ощущала, как под гневным натиском толпы расшатывается основание Республики. От страха ее сердце билось с перебоями, но любое сопротивление казалось тщетным.

Толпа устремилась дальше, унося Фабиолу и ее спутников с собой.

Глава V

Разоблачение

Маргиана, зима 53/52 г. до н. э.

На рассвете вся когорта отправилась в храм Митры, но нашла там только трупы. Уцелевшие скифы давно умчались. Судя по всему, они ставили себе цель убить Пакора. По стране пустили в дальний поиск усиленные конные разъезды, но врага так и не обнаружили. Постепенно напряженность в форте спала, хотя Вахрам, командовавший теперь легионом, приказал удвоить численность караулов и днем и ночью.

Скифы больше не давали о себе знать.

Шли недели, а о Тарквинии не было ни слуху ни духу. Ничего не говорили и о Пакоре – что с ним творилось, держали в тайне, в его дом допускали только парфян. Старшие центурионы все еще пребывали в бешенстве из-за того, что случилось, и разговаривали только с теми, кому верили; другими словами, общались только со своими соплеменниками. Конечно, Ромул и Бренн рассказали соседям по казарме о нападении; новость распространилась, как пожар. В лагере, что ни день, рождались новые слухи. Ясно было только одно: парфяне пока не начали репрессий, а это значило, что Пакор еще жив. То есть усилия Тарквиния приносили какие-то плоды, но какие именно, никто из римлян не знал.

Чтобы Ромул и Бренн не могли убежать, за ними постоянно следили. Новых откровенных угроз никто не произносил, но положение друзей оставалось отчаянным. Вахрам не разбрасывался словами попусту, и многие парфяне при любой подвернувшейся возможности старались напомнить им об этом. И, что еще хуже, их постоянно упрекали за смерть Феликса. Это несчастье обернулось тяжелейшим ударом по их гордости, тем более что они не отомстили за смерть друга и было маловероятно, что это им вообще удастся. Бренн сносил угрозы и оскорбления молча, лишь крепко стискивал зубы. Ромул ежедневно молился Митре. Он никак не мог отделаться от мыслей о доме и о том, что же мог увидеть Тарквиний. Брошенная гаруспиком фраза о возможном возвращении в Рим поддерживала его дух.

В мозгу юноши рождалось множество разнообразных видений. В одних он находил мать и Фабиолу. В других – пытал Гемелла. Часто он в своих фантазиях сходил в поединке с Вахрамом и медленно убивал его. Ромул также неоднократно возвращался мыслями к той стычке, которая послужила причиной их бегства из столицы. Тогда он в драке убил аристократа, по видимому расколов ему череп рукоятью меча. Сначала, перепуганный и озабоченный лишь тем, чтобы избежать неминуемой казни – распятия на кресте, Ромул не слишком задумывался о происшедшем. Теперь же, пройдя через множество сражений, он знал, что, даже если он и не соразмерил тогда силу, все равно убить человека таким ударом, пожалуй, нельзя было. Когда он спросил Бренна, тот подтвердил, что ни разу не ударил толком взбесившегося нобилия, лишь пару раз толкнул. Все это наводило на размышления, прежде всего на вывод, что он, Ромул, ни в чем не виноват. А это значило, что у него на самом деле не было причины для бегства. В таком случае кто же убил Руфа Целия? Теперь узнать это было невозможно, но Ромул частенько погружался в размышления о том, как могли повернуться события, если бы всадник остался жив. Он неоднократно обсуждал то давнее происшествие с Бренном, но галла, в отличие от него, такие вопросы не беспокоили. Ему было на роду написано предпринять великое странствие, и Бренн был убежден, что именно поэтому он и оказался в Маргиане. У Ромула такого утешения не было.

У него не было вообще никакой опоры, кроме совета Тарквиния верить в Митру – бога, о котором он почти ничего не знал.

На то, что кто-нибудь из парфян расскажет ему о своем боге, надежды не было. Посетить храм он не мог – его ни за что не выпустили бы из лагеря. В конце концов Ромулу удалось обзавестись маленькой статуэткой. Он купил ее у художника, как щепка, старика, который регулярно являлся в форт и торговал разными безделушками. Продавец сообщил, что Митра носил на голове фригийский колпак и что из крови быка, которого Митра принес в жертву, родились люди, звери земные и птицы небесные, травы, деревья и вся пища людская. Ромул проявил настойчивость и узнал, что в культе Митры существует семь стадий посвящения. Рассказать что-либо еще торговец наотрез отказался. Он добавил лишь несколько слов:

– Ты кажешься храбрым и честным. Если ты и на самом деле такой, Митра откроет тебе что-нибудь еще.

Эти слова всколыхнули в сердце Ромула надежду.

Изваяние он поставил на специальный алтарь, находившийся возле входа в казарму. И неважно, что алтарь был посвящен Эскулапу, богу врачевания, – римляне никогда не упускали случая помолиться еще какому-нибудь богу. И теперь Ромул проводил почти все свободное время на коленях перед образом Митры, молясь о ниспослании какого-нибудь благого знамения, касающегося Тарквиния и того, что ему предстоит увидеть по возвращении в Рим. Ответа не было, но юноша не терял веры. Сколько он себя помнил, от жизни ему всегда доставались удары, один другого тяжелее. В детстве ему ночь за ночью приходилось смотреть, как Гемелл насиловал его мать. Потом Ромула продали в страшную лудус – школу гладиаторов. Поединок с Лентулом, несравненно более опытным и сильным бойцом, чем он сам. Массовое сражение не на жизнь, а на смерть на арене. Бегство из Рима после ночной стычки. Армейская жизнь, ужас разгрома при Каррах. Парфянский плен, а затем долгая дорога в Маргиану. Но каждый раз, когда ему грозила смерть, боги защищали его от опасности. После всего, что довелось вытерпеть, Ромул был готов посвятить все свое внимание Митре. Да и что еще ему оставалось?

В последнее время юноша бывал у алтаря гораздо чаще и дольше, чем обычно. И не уставал поражаться набожности своих товарищей. При иных обстоятельствах римляне с нетерпением ожидали бы смерти Пакора – никто из них не испытывал ни малейшей симпатии к жестокому парфянину, – но теперь легионеры непрерывно молились о его исцелении. Ежедневно к алтарю приходили едва ли не все воины центурии. О том, что жизнь Тарквиния в опасности, быстро узнал весь легион, и к святилищу стали во множестве приходить воины из других подразделений. Вскоре каменная вершина алтаря оказалась завалена сестерциями, денариями и даже амулетами на счастье – их легионеры особенно ценили и могли решиться отказаться от них лишь по очень серьезной причине. Все, что было отчеканено или сделано в Италии, стало теперь бесценным. Для Ромула и Бренна это оказалось веским подтверждением того, насколько высоко оценивали в Забытом легионе то, что делал для него Тарквиний.

Одним морозным днем Ромул, как обычно, молился перед алтарем. Он закрыл глаза и глубоко ушел в себя, но вдруг услышал позади громкие голоса. Сначала он подумал, что это другие легионеры, тоже решившие обратиться за помощью к богам, и не обратил внимания на шум, но, услышав смех, все же обернулся. Прямо за дверью стояли и рассматривали его пятеро легионеров. Ромул узнал их – все они входили в один из контуберниумов той же центурии, к которой принадлежал он сам. Все много лет служили в легионах. Что характерно, он ни разу не видел, чтобы кто-нибудь молился перед алтарем.

– Просишь за прорицателя? – осведомился Кай, высокий, худой человек со зловонным дыханием изо рта, где сохранилось лишь несколько зубов. – За нашего центуриона?

Ромулу тон Кая сразу не понравился.

– Да, – бросил он. – А ты почему не молишься?

– Так ведь он нас покинул на некоторое время, скажешь, нет? – глумливо произнес стоявший прислоняясь к дверному косяку Опат. Он был высоким и сильным, почти как Бренн, но, в отличие от галла, со всеми держался очень недружелюбно.

Ромулу стало тревожно. Все пятеро пришли с учебных занятий, были одеты в кольчуги и при полном вооружении, на нем же была лишь туника, а из оружия – только кинжал.

– Похоже, что так, – медленно проговорил он, обводя взглядом всех по очереди.

– Предатель, сволочь! – рявкнул Новий, самый малорослый из пятерки. Но это не мешало ему быть отличным фехтовальщиком. Ромулу доводилось видеть его в деле. – Сговорился с Пакором!

– Сейчас небось выдумывают на пару, как побольше наших перебить, – добавил Кай. – Вроде того, что он в Каррах учинил.

Ромул не верил своим ушам, но спутники Кая решительно закивали.

– Что ты сказал?! – воскликнул он.

– Что слышал, – оскалился Кай, показав красные, воспаленные десны. – Красс не мог проиграть битву. Он был великим полководцем.

– Что же тогда случилось? – изумился Ромул.

– Предатели набатийцы удрали в самый решительный момент. А этруск, дружок твой, вызвал злых духов. – Новий взялся за висевший у него на шее амулет в виде фаллоса. – Он всегда нам несчастья готовил.

И снова его спутники одобрительно забормотали.

Потрясенный до глубины души их словами Ромул понял, что лучше всего промолчать. Похоже, впавшие в отчаяние от безысходности легионеры решили найти козла отпущения. И Тарквиний с длинными светлыми волосами, золотой серьгой в ухе и далеко не всегда понятными поступками был прямо-таки напрашивавшейся мишенью. Спорить с ними или пытаться переубедить их значило бы, вероятнее всего, еще сильнее испортить положение. Повернувшись к ним спиной, он поклонился маленькому каменному изваянию Эскулапа, стоявшему на алтаре.

Неожиданно Оптат громко присвистнул.

– Где ты это заработал?

Ромул скосил глаза, и сердце у него оборвалось. Правый рукав его туники задрался, открыв большой шрам на том месте, где находилось клеймо раба. Срезав злосчастную метку, Бренн зашил рану несколькими грубыми стежками. Когда они вербовались в армию, свежий шрам, конечно, заметили, но Ромулу удалось отшутиться и соврать, что его зацепили во время случайной стычки с грабителями. А уж в состоящей из галльских наемников когорте никому дела не было до того, кто и откуда взялся. А сейчас, потрясенный клеветническими обвинениями против Тарквиния, Ромул растерялся.

– Не помню, – ляпнул он.

– Что? – ехидно рассмеялся Оптат. – Спал, что ли, очень крепко?

Его дружки продолжали посмеиваться, но выражения их лиц изменились. Теперь они походили на свору гончих, зажавших в углу дикого кабана. Ромул мысленно выругал себя последними словами. Разве может хоть кто-нибудь забыть, когда его ранили в бою?

Новий выставил левую ногу вперед и выразительно ткнул пальцем в казавшиеся совсем белыми отметины по обеим сторонам загорелой мускулистой икры. Судя по размеру, они были оставлены прошедшим насквозь копьем.

– Понятия не имею, кто это сделал! – крикнул он, ломаясь. – Даже удара острием не почувствовал.

Ответом ему был громкий многоголосый смех. За время службы в легионах все получили немало шрамов.

– Это было очень давно, – сказал Ромул, заранее зная, что эта попытка оправдаться окажется тщетной.

– Ты всего лишь щенок сопливый, – моментально отозвался Кай. – И не провел полжизни в легионах, не прошел через дюжину войн.

– Как мы, – добавил Оптат. – А мы все помним каждое прикосновение меча, как будто это случилось вчера.

Ромул залился краской. Увы, он не мог сказать того же о двух годах, на протяжении которых он был секутором и сражался на арене. Острую боль от ножа Лентула, вонзившегося ему в бедро, он ощущал и сейчас так же явственно, как в тот миг, когда все произошло. Но упоминать об этом нельзя было ни в коем случае. Почти все гладиаторы были рабами, преступниками или военнопленными и считались презреннейшими из презренных.

– Слышал я, что есть люди, которые за хорошую цену отлично срежут клеймо и зашьют рану, – злобно бросил Кай.

– Потом и не подкопаешься, – хмуро добавил Новий.

– Признавайся, ты из этих! – потребовал, наливаясь гневом, Оптат.

– Нет, конечно! – воскликнул Ромул. – Рабы ведь не допускаются в армию.

– Под страхом смертной казни, – добавил Новий, искоса взглянув на него.

Кай переступил через порог.

– Ну-ка, напомни, откуда ты родом.

– Из Трансальпийской Галлии. – Ромулу ужасно не нравился тот оборот, который приобретали события. Он поднялся на ноги, подумав, что было бы очень неплохо, если бы сюда подошел Бренн.

– А вам-то что?

– Да просто мы же прослужили там три года, – отозвался Новий и прищурился так, что его глаза превратились в узкие щелки. – Было дело, а, парни?

Оптат ухмыльнулся.

Ромул почувствовал, что ему вот-вот станет дурно. Уроженцем той части Галлии был Бренн, сам же Ромул являлся чистокровным римлянином. Лгать понадобилось только для того, чтобы попасть в армию. И Бассий, их первый центурион, просто обрадовался, что к нему попала пара людей, которые прекрасно умели сражаться. И не стал задавать лишних вопросов. Для Бассия имели значение лишь доблесть и умение воинов. К тому же наемники в армии Красса начали общаться с римскими легионерами только в плену. Да и во время продолжительного похода на восток пленные почти не задавали вопросов друг другу. Куда важнее было уцелеть. Вплоть до сегодняшнего дня.

– Там побывала половина армии, – грубо бросил Ромул. – Коросту свою ты тоже там заработал?

Это было оскорблением, однако Новий будто не услышал его.

– Так где же ты жил?

Внимание остальной четверки было приковано к злобному недомерку, словно он сам намеревался ответить на свой вопрос.

– В деревне, высоко в горах, – уклончиво ответил Ромул. – Далек.

Но его слова не удовлетворили доморощенных следователей. Новий и Оптат вслед за Каем вошли внутрь, а оставшиеся двое загородили дверь. Ромулу было некуда податься, кроме как в казарму, где было еще меньше места. Молодой солдат сглотнул слюну, борясь с настойчивым желанием вынуть кинжал. Если он в такой тесноте вступит в бой с тремя противниками, вооруженными мечами, у него не будет почти никаких шансов. Единственная защита состояла в том, чтобы дерзко отрицать все, в чем его обвиняли.

– Какой там был ближайший город?

Как Ромул ни ломал голову, ему никак не удавалось припомнить, упоминал ли вообще Бренн название своей родины. Не помогла даже молитва Митре, а за ним Юпитеру. Он открыл было рот, потом закрыл, не проронив ни слова.

Новий шагнул вперед, на ходу вынимая меч из ножен.

– Ты что, и этого не можешь вспомнить? – приторным голосом осведомился он.

– Мы жили неподалеку от Лугдунума, – громыхнул из-за двери голос Бренна. Никогда еще Ромул не испытывал столь сильного чувства облегчения.

– Это территория аллоброгов, что ли? – глумливо спросил Новий.

– Да. – Бренн вошел в комнату, заставив Кая попятиться. – Была.

Оптат ухмыльнулся.

– Ту кампанию я отлично помню. Ваши деревни пылали, как хворост.

– И среди бабья, которое мы оттрахали, попадались очень смазливые девки, – добавил Новий и несколько раз вставил два пальца левой руки в кольцо, образованное указательным и большим пальцами правой.

Остальные вызывающе расхохотались, и Ромул почувствовал, что его распирает гнев за то, что Бренна подвергают такому унижению.

Галл и сам побагровел от ярости, но сдержался.

А Новий все не желал утихомириться.

– Тогда почему у вас с ним акценты разные? – Он ткнул пальцем в сторону Бренна.

Тот не давал Ромулу возможности что-либо сказать.

– Потому что его отец был таким же римским солдатом, как и вы, поганцы, – рявкнул он. – Потому у него и имя такое. Довольны?

Аммий, Примитив и Оптат злобно взглянули на него, но промолчали. Они были простыми громилами, а не заводилами.

– Так что же насчет отметины? – вновь пошел в наступление Новий.

– Это от гладиуса, – с деланой неохотой ответил галл. – Парень еще не мог толком поднять меч, но, когда ваши напали, тоже попытался сопротивляться. Неудивительно, что ему не хотелось говорить вам об этом.

В конце концов Новий все же растерялся и принялся прикидывать в уме, каким должен был быть Ромул во время восстания аллоброгов, случившегося девять лет назад.

Все сходилось.

– Мы бежали на юг. Работали где придется, – продолжал Бренн. – И прибились к армии Красса. Все наше племя погибло, так что нам было все равно, куда идти, хоть в Гадес.

В римском войске служило много воинов из побежденных племен. Это было обычным делом. В бесчисленных армиях Республики можно было встретить иберийцев, галлов, греков, ливийцев. В последние годы там попадались даже карфагеняне.

Коротышка-легионер выглядел разочарованным.

Ромул воспользовался моментом и подвинулся поближе к Бренну. Вместе они производили внушительное впечатление – огромный галл с могучими рельефными мышцами и его молодой друг, пусть не такой громадный, но тоже отлично сложенный. И пусть у Ромула не было ничего, кроме кинжала, они вполне могли постоять за себя, если бы началась схватка. Некоторое время эта пара и пятеро ветеранов пожирала друг друга взглядами.

Новий опустил меч.

– В легионах могут служить только граждане, – презрительно сказал он, – а не всякий сброд из варварских племен вроде вас.

– Точно! – поддержал его Кай.

Они якобы забыли, что в войске Красса была когорта наемников. И о том, что Ромул был наполовину италийцем. И даже о том, что Забытый легион входил в состав не римской, а парфянской армии.

– Так то в Риме, – примирительно ответил Бренн. – А здесь мы получаемся собратями по оружию. С одной стороны мы, а с другой – парфянская сволочь.

Его слова вроде бы подействовали на ветеранов именно так, как он рассчитывал: те повернулись, чтобы уйти. Новий шел последним.

Ромул улыбнулся галлу и расслабился было. Как оказалось, рано.

Малорослый легионер вдруг остановился в дверях и повернулся. Бренн смерил его злым взглядом, но Новий застыл на месте.

– Странно... – задумчиво сказал он. – Очень странно.

Ромул с ужасом увидел, что Новий устался на левую ногу Бренна, туда, где на икре отчетливо виднелся лиловый овальный след от ожога.

– Что еще? – крикнул снаружи Кай.

– На той войне проконсул Помптин велел нам ставить пленникам клеймо не на плече, как обычно, а на голени.

– Помню, – донесся ответ. – Ну и что?

Ромул не раз задумывался о том, почему клеймо Бренна стояло совсем не там, где у остальных рабов, но никогда об этом не спрашивал.

– Чтобы было видно, что это именно его рабы, а не чьи-то там еще, – крикнул Новий.

– Лучше расскажи мне что-нибудь новенькое, чего я не знаю, – недовольным голосом откликнулся Кай.

– У этого скота шрам как раз на том месте, где должно было стоять клеймо! – радостно завопил Новий и опять поднял меч. – Он тоже поганый раб!

Прежде чем он успел сделать еще хоть какое-то движение, Бренн рванулся вперед и толкнул недомерка в грудь. Новий вылетел из двери и далеко проехал на спине. Его четыре спутника с испуганными лицами метнулись в стороны.

– Сгинь отсюда, сын грязной шлюхи, – процедил галл сквозь сжатые зубы, – пока я не убил тебя.

– Дрянь, – прохрипел с искаженным злобой лицом Новий. – Вы оба – беглые рабы.

Ромул и Бренн промолчали.

– Феликс, наверно, был таким же, – добавил малорослый легионер, когда остальные извлекли мечи.

– За это бывает только одно наказание, – прорычал Кай.

– Распятие на кресте, – закончил Оптат.

Примитив и Аммий тоже подняли гладиусы. Вся пятерка с ненавистью в глазах уставилась на раскрытую дверь.

В животе Ромула собрался тугой комок. Ему уже много раз приходилось видеть эту зверски жестокую казнь. Медленная, мучительная смерть.

– Только попытайтесь! – прогремел Бренн. Он уже полностью израсходовал все запасы терпения и теперь стоял в двери, как разъяренный зверь. Нескольким тут было не развернуться, и напасть на него сейчас мог только один человек. – Кто первый?

Ни один из ветеранов не пошевелился. Они были подлецами, но не глупцами.

Ромул опрометью кинулся в комнату и схватил skutum и меч. Надевать кольчугу было некогда, но и с таким вооружением он готов был выйти против новых врагов. Возвращаясь к входу, он встретил Бренна.

– Убрались, – проворчал тот. – Но еще вернутся.

– Они расскажут всем. – Ромул изо всех сил боролся с подступающей паникой. Командирам-парфянам не было дела до прошлого солдат, но отношения с соратниками по центурии, вернее говоря, со всем легионом окажутся напрочь испорченными.

– Знаю.

– Что же делать?

– А что тут сделаешь? – Галл тяжело вздохнул. – Быть настороже. Страховать друг друга.

Такое состояние было хорошо знакомо обоим. Некоторое время они молчали, обдумывая имевшиеся у них возможности.

Возможностей на самом деле не было. О бегстве не могло идти и речи – зима дошла только до середины. Да и куда им идти? Тарквиний, единственный человек, который мог бы помочь им, все еще находился в заточении при раненом Пакоре. Они остались одни.

Ромул хмуро разглядывал отполированное лезвие гладиуса. Теперь ему не следовало расставаться с ним ни днем ни ночью.

Чтобы оповестить о своих подозрениях всех воинов центурии, Новию потребовалось не больше часа. Но на этом он не успокоился. Низкорослый легионер как одержимый метался между приземистыми казармами, разнося по лагерю ошеломляющее известие. Тем же самым занимались Кай, Оптат и прочие. Для того чтобы оповестить девять с лишним тысяч человек, конечно, потребовалось некоторое время, но сплетня распространялась стремительно, и уже к сумеркам Ромул несколько не сомневался, что их тайна известна всем и каждому.

Труднее всего оказалось перенести реакцию товарищей по казарме. Тех восьмидесяти человек, с которыми они спали бок о бок и делили поровну еду, вшей и снаряжение. Хотя легион сформировался после трагедии под Каррами, в нем сложился истинный дух товарищества. Феликс тоже был частью легиона и одной из составляющих этого духа. Вдали от Рима у них не осталось никого, кроме боевых друзей.

Но все это к Ромулу и Бренну больше не относилось.

И к Тарквинию тоже.

Разоблачение двоих его друзей ударило по нему с такой же силой, как и по ним самим. Алтарь Эскулапа и Митры опустел в тот же день – легионеры забрали все свои жертвоприношения. Кто станет молиться за человека, который дружит с рабами? Когда же у легионеров не оказалось ничего, за что стоило бы молиться, то иссякла и надежда, и пустоту необходимо было чем-нибудь заполнить. Увы, в образовавшуюся лагуну вылилось озлобление против двоих друзей.

Внезапно чуть не все сошлись во мнении, что именно Ромул и его друзья виновны во всех бедах, которые происходили с легионерами.

Распятия на кресте, пожалуй, можно было не опасаться. Чтобы заслужить такую кару, Ромулу или Бренну пришлось бы схлестнуться с кем-нибудь из командиров-парфян. Но для того чтобы убить человека, имелось множество других способов. Случайные свары происходили то и дело, а поскольку весь Забытый легион состоял из опытных воинов, они частенько доходили до смертоубийства. В Риме против врагов часто использовали отраву, ну а здесь обычно обходились оружием. Людям свойственно забывать об осторожности в отхожем месте или в бане, и там нередко сводились счеты. Серьезную опасность представляли и узкие проходы между казармами. Ромул не раз видел покрытые ранами трупы всего в нескольких шагах от своего жилья.

Но опаснее всего был сон. В маленькой тесной комнатке ютились восемь человек, и когда четверть обитавших там подверглись остракизму, обстановка сразу сделалась очень тяжелой. Узнав новость, двое легионеров немедленно перешли в другой контуберниум, где имелись места. Отвращение, написанное на их лицах, потрясло Ромула до глубины души. В помещении остались Гордиан, почти начисто облысевший в походах ветеран, и еще трое солдат с одной стороны и двое друзей – с другой. Гордиан, автоматически занявший положение старшего, не распространялся о своем отношении к разоблачениям Новия.

Глядя на него, остальные трое сожителей тоже молчали, и Ромул был благодарен им за это. Ему же самому оставалось лишь негодовать про себя. И все же, хотя вполне можно было рассчитывать на то, что соседи по комнате не предпримут попытки убить отверженных, доверять им не следовало. Новий, словно гадюка, невидимо скользящая в густой траве, появлялся всегда неожиданно и что-то шептал на ухо кому-нибудь из легионеров, отравляя их умы. Коротышка заимел привычку шататься по коридору казармы, от нечего делать вытаскивая кинжалом гвозди из стен. Часто компанию ему составляли Кай или Оптат. Никто из них не произ-

носил вслух каких-либо угроз, но от этого положение казалось еще более зловещим. Если бы Ромул и Бренн вспылили и расправились с кем-нибудь из своих врагов, их ждала бы суровая кара. Втихомолку убить их под покровом ночи тоже было невозможно – беззвучно перерезать глотки сразу пятерым не получилось бы.

И потому Ромул и Бренн сами готовили себе пищу и ходили по нужде вдвоем – пока один находился в латрине, второй стоял снаружи с обнаженным мечом. Они вместе заступали в караул, а спали по очереди. Это утомляло их физически и выматывало нервы.

– Здесь похуже, чем в лудус, – пробормотал Бренн на вторую ночь. – Помнишь?

Ромул горестно кивнул.

– Там, по крайней мере, можно было запереть дверь моей комнаты.

– И друзей у Фигула и Галлита было не много, – добавил Ромул.

– Да уж, не несколько тысяч! – коротко хохотнул галл.

Так тянулись день за днем. Ромул все истовее молился Митре, но положение не менялось. Дни сложились в неделю; друзья измучились и озлились. Как-то раз Новий и его дружки подстерегли их на узкой дорожке близ казарм и попытались напасть, но Ромул с привычной ловкостью метнул нож и остановил нападавших. Теперь Кай ходил прихрамывая, с толстой повязкой на левом бедре, и ветераны немного притихли. Однако затишье не могло длиться долго. А друзья не сумели бы вечно быть настороже.

И потому они почувствовали облегчение, когда одним морозным утром Вахрам приказал двум центуриям – той, в которой они служили, и еще одной – отправиться в поход. Уже несколько дней не поступало известий от одной из застав легиона, размещавшихся восточнее главного лагеря. Семь небольших укреплений, гарнизон каждого из которых состоял из половины пехотной центурии и небольшого конного отряда парфян, были выстроены в стратегически важных точках, позволявших контролировать различные пути в Маргиану с севера и востока. Юг и юго-восток защищали высокие горы. Событий в малых фортах обычно происходило не много, но в любом случае оттуда дважды в неделю приезжали конные гонцы. Пакор и Вахрам, конечно, допускали немало ошибок, но старались внимательно следить за всем, что происходило в округе. Необходимость подобных действий доказала и недавняя вражеская засада возле храма Митры.

Но товарищи, собиравшиеся в поход, вовсе не разделяли чувств Ромула и Бренна. С громкими проклятиями они извлекали снаряжение из рундуков, устроенных за ложем каждого обитателя контуберниума. Хотя место назначения и находилось в двадцати милях, но римские воины всегда отправлялись в путь с полным снаряжением. Кроме того, Вахрам приказал взять провизии на четыре дня. На специальных жердях-рогатках тащили все, начиная от горшков для приготовления пищи и запасного снаряжения до одеял, в которые легионеры заворачивались во время ночлега. Так что вместе с оружием и тяжелым скутумом на каждого приходилось более шестидесяти фунтов поклажи.

– Дурацкая затея, – проворчал Гордиан, поднимая над головой тяжелую кольчугу, чтобы другой легионер мог надеть ее. – Никакого проку от нее не будет.

– Говорю вам, мы встретим гонца на полпути, – отозвался тот, которому он помогал. – И он обмочится от смеха, глядя, как мы повернем назад.

Его замечание встретили одобрительными возгласами. Никому не хотелось покидать безопасный форт и теплую казарму – и ради чего? Чтобы узнать: вся суматоха поднялась из-за нескольких охромевших лошадей.

– Ну не знаю, – сказал знакомый голос. – В походе может много чего случиться.

Ромул поднял голову и увидел стоявшего в дверях Новия. А позади него еще двоих их главных мучителей – Кая и Оптата.

Рука молодого солдата сама собой нащупала гладиус. Так же поступил и Бренн.

– Успокойтесь, – злобно ухмыльнулся Новий. – Это еще успеется.

Ромул не мог больше терпеть. Выхватив меч, он двинулся к низкорослому легионеру.
– Я тебя сейчас выпотрошу, – пригрозил он.

Новий громко рассмеялся и ушел; за ним потянулись и его товарищи.

– Всевышние боги, – устало произнес Ромул. – Я больше не выдержу.

Судя по налитым кровью воспаленным глазам Бренна, галл чувствовал себя точно так же.

На следующее утро отряд вышел в поход. Поначалу легионеры шли молча. День выдался холодным и мглистым, идти с полной выкладкой было нелегко. Для того чтобы преодолеть необходимое расстояние и втянуться в походный ритм, требовалось время, хотя все были здоровы и полны сил. Конечно, Гордиан вскоре запел. Как только люди узнали мотив знакомой песенки об истосковавшемся по женской ласке легионере и шлюхах из большого борделя, на лицах тут же появились улыбки. Песня состояла из бесчисленного количества куплетов, после каждого из которых исполнялся нестройным хором донельзя похабный припев. Солдаты с удовольствием подхватили песню – с ней дорога казалась короче и легче.

Обычно Ромул тоже радостно горланил вместе с остальными припев, прямо и намеками рассказывавший о разнообразных положениях для соития. Сегодня же он уныло представлял себе беды, которые могут случиться во время похода. Если им доведется попасть в какую-нибудь заварушку, Новий, вероятнее всего, воспользуется возможностью нанести удар в спину. Нет ничего легче, чем зарезать человека во время боя так, чтобы этого никто не заметил.

Когда они дошли до перекрестка в пяти милях от форта, Бренн толкнул Ромула локтем, и настроение юноши сделалось еще мрачнее. Галл взглядом указал на крест, стоявший на невысоком бугре подле дороги. Пакор приказал поставить крест так, чтобы его видели все проходящие. Другие кресты возвышались и перед главными воротами лагеря. Назначение у них было двойное – обеспечивать медленную мучительную смерть осужденным и выразительно напоминать о том, как карает Парфянское царство.

Кресты редко пустовали. Легионеров посылали умирать на двух потемневших от непогоды корявых досках за самые разнообразные прегрешения: сон на посту, неповиновение приказу, поведение, показавшееся Пакору дерзким. Случалось, он казнил подобным образом даже своих соплеменников, если кто-то из них осмеливался особенно сильно разгневать его.

Голос Гордиана стих, песня умолкла сама собой.

Ромул закрыл глаза и постарался отогнать от себя видение, в котором они с Бренном заканчивают жизнь подобным образом. Сейчас, когда Пакор все еще балансировал между жизнью и смертью, за такой исход было немало шансов, если, конечно, Новий и его банда не управятся с делом раньше.

Несмотря на ранний час, распятое тело уже облепили стервятники. Они сидели на земле, на горизонтальной перекладине, даже на плечах трупа. Плешивые грифы злобно отгоняли от добычи своих сородичей, а вороны пытались вырвать на лету кусок мяса. В небе, расправив огромные крылья, парили орлы, готовясь присоединиться к трапезе.

Теперь уже все взгляды были прикованы к застывшему на морозе трупу. Мертвец уронил голову на грудь и обвис на толстых веревках, притянувших его руки к перекладине; ноги были прибиты к столбу длинными железными гвоздями. Все знали, кто это: молодой легионер из когорты Ишкана, которого два дня назад поймали за кражей хлеба из печи. Сначала его проволокли перед выстроенным на интерваллуме легионом, избивая палками, пока туника несчастного не превратилась в лохмотья, а спина – в кровавое месиво. После этого преступника заставили голым, в одной набедренной повязке, тащить свой крест от форта до уединенной развилки дорог. Присутствовать при казни отрядили по десять человек от каждой когорты. К тому времени, когда все добрались до этого отдаленного места, содранные о камни босые ноги преступника посинели от холода. Но мороз не помог притупить боль от гвоздей, которые вбивали в них.

Ромул хорошо помнил тонкие пронзительные крики несчастного.

На лицах других легионеров он видел выражение такого же тщетного негодования, какое испытывал и он сам. Лишь Новий и его компания втихомолку посмеивались, прикрывая рты ладонями.

Толстяк Дарий, старший центурион, возглавлявший отряд, почувствовал настроение своих людей и приказал прибавить шаг. Лишний раз подгонять легионеров не потребовалось. Обьевшие грифы почти не боялись людей и отлетали на несколько шагов в сторону, только если воины подходили к ним совсем близко. Некоторые даже ленились взлетать, а лишь отбежали, словно куры. Среди зимы отыскивать еду было непросто, и птицы не желали покидать устроенный для них пиршественный стол до тех пор, пока на кресте не останется дочи́ста ободранный скелет.

Ромул не мог оторвать взгляд от замороженного трупа. Нетронутым остался лишь пах, защищенный набедренной повязкой. Пустые глазницы уставились в небытие, на щеках, груди и руках чернели дыры, сделанные жадными клювами. Рот умершего был раскрыт в последней безмолвной гримасе боли и ужаса. С бедер, где у человека самые крупные мышцы, свисали клочья несъеденной плоти. Даже ступни были обглоданы: вероятно, какой-нибудь хитрый шакал дотянулся до трупа, встав на задние лапы. Был ли этот человек еще жив, когда на него начали садиться стервятники? Ощущал ли он боль, когда звериные челюсти смыкались, дробя окоченевшие пальцы его ног?

Зрелище было отвратительным, но властно притягивало к себе внимание молодого воина.

Ромул несколько раз моргнул.

Он ощущал что-то еще кроме ужаса.

На протяжении минувших недель у него было достаточно времени, для того чтобы изучать воздушные потоки и движение облаков по-над фортом. Ромул скрупулезно запоминал каждую увиденную птицу, следил за снегопадами и за тем, как на реке, протекавшей мимо форта, образовывался лед. Из общения с Тарквинием он вынес уверенность, что буквально все может оказаться важным и предоставить какую-то информацию. Впрочем, он видел мало такого, что могло бы иметь смысл, и это удручало его. Но, следуя наставлениям гаруспика, юноша в конце концов научился довольно точно предсказывать погоду. Конечно, это было интересно, однако Ромулу хотелось не только узнавать, когда налетит следующая буря, но и предугадывать более серьезные события. Но к своей великой досаде, он не видел ничего такого, что говорило бы о Тарквинии, Пакоре или Новии и других ветеранах. Ничего полезного.

А что, если ему теперь представится такая возможность?

Ромул всмотрелся в труп.

И перед его глазами вдруг с потрясающей ясностью появился Рим. Внезапно он почувствовал самую настоящую связь с Италией, как будто жестокая казнь на кресте явилась своеобразной жертвой. Неужели то же самое бывало с гаруспиком, когда он убивал кур или коз? На Ромула впервые снизошло настоящее прозрение.

Ему представился хорошо знакомый Римский форум: здание Сената, базилики, незабываемые храмы и статуи богов. Обычно здесь торговали, давали в рост деньги и объявляли о решениях суда. Обычно, но не сегодня. Ромул нахмурился: в увиденное было трудно поверить. Там, в самом сердце города, происходил бунт. Прямо перед Сенатом люди рубили и резали друг друга. Вооруженные убивали безоружных. Повсюду валялись окровавленные, искалеченные тела. Еще удивительнее ему показалось, что многие из дерущихся были похожи на гладиаторов. Ромул совершенно растерялся, его разум отказывался принять такое. Как могла столица величайшего в мире государства опуститься до хаоса? Может быть, рассудок сыграл с ним злую шутку? Может быть, он уже сходит с ума? Никогда еще стремление попасть домой

не было у него настолько сильным, и никогда еще такая будущность не казалась ему столь маловероятной.

Громадная ручища хлопнула Ромула по спине, заставив вернуться к действительности.

– Мы уже ничем не можем помочь этому несчастному глупцу, – печально сказал Бренн, кивнув в сторону замерзшего трупа. – Забудь о нем.

Ромул приоткрыл было рот от удивления, но сразу сообразил: галл не имеет никакого понятия о видении. Юноша собрался рассказать о нем Бренну, но что-то заставило его оглянуться.

Новый, похоже, долго ожидал этого: он сразу же вскинул расставленные руки, изобразив распятого.

Ромул отвернулся и стал смотреть вперед, но издевательский смех коротышки-легионера долго еще звучал в его ушах. Мир сходил с ума.

Глава VI

Воцарение хаоса

Рим, зима 53/52 г. до н. э.

Фабиола думала лишь о том, чтобы не споткнуться и не упасть под напором стремительно мчавшейся вперед толпы. Туллий крепко держал ее за руку, и, пожалуй, только это помогало ей стоять на ногах. Остальных телохранителей поглотила неодолимая людская река. Иногда Фабиоле удавалось различить их растерянные лица, но она уделяла больше внимания доносившимся до нее обрывкам разговоров участников банды. Судя по всему, засада в гостинице застала их всех врасплох. Впрочем, они подозревали, что среди них могли оказаться предатели, и выкрикивали страшные угрозы в адрес любого, кто мог быть причастен к случившемуся. Головорезы не собирались сдаваться до тех пор, пока не отомстят с лихвой за смерть Клодия.

В раздававшихся повсюду злобных выкриках Фабиола слышала отнюдь не одно только желание отомстить. Все те люди, которые сейчас размахивали оружием, были плебеями. Необразованными, постоянно недоедающими бедняками. Они делили с бесчисленными крысами переполненные квартиры и были обречены на короткую ничемную жизнь почти без шансов изменить что-то к лучшему. Со многих точек зрения их жизнь практически не отличалась от жизни рабов. Но все же они были римскими гражданами. За их бесчинствами крылось стремление к чему-то большему. Почувствовать собственную силу. Нагнать страху на тех, кто обычно смотрел на них свысока. Завладеть их деньгами. Да, они играли со смертью, но игра стоила того, ведь без нее они ни за что не получили бы того, чем обладали сейчас. Так что не стоило удивляться тому, что и за Клодием, и за Милоном шли целые армии сторонников. Но Фабиола ясно понимала и то, что толпа не желала видеть ничего дальше собственного носа. Если наступит анархия, то не будет конгиариев – бесплатной раздачи зерна и денег, – служивших нынче основным источником пропитания для беднейших семейств. И тогда им придется просто голодать.

В неукротимой ярости толпы не было ничего привлекательного. Фабиоле достаточно было взглянуть на перепуганные лица ни в чем не повинных пленников уличной банды, чтобы понять, что выплеснувшееся насилие не щадит ни правых, ни виноватых. Пусть республиканская власть породила множество чудовищ, но все же она являлась фундаментом гораздо более спокойного общества, нежели то, которое существовало прежде. Пока что государство не охотилось на невинных людей ради того, чтобы завладеть содержимым их кошельков. А если власть захватит толпа, это снова войдет в обычай.

Дорога до Римского Форума не заняла много времени. Здесь, среди многочисленных храмов и святилищ, располагалось здание Сената, несколько базилик и больших крытых рынков, где обычно толпились торговцы, адвокаты, книжники и прорицатели. Это место было не просто самым людным во всем городе, но и дорогим сердцу каждого гражданина. Здесь обычно проводились общественные собрания, суды и выборы. События, которые случались на Форуме, надолго откладывались в памяти народа; потому-то именно сюда устремились сторонники Клодия для поминок по своему вожаку.

Нынче здесь было тихо и почти безлюдно. Обычно пришедшего на Форум встречал оглушительный гул, в который сливались голоса торговцев, спорящих между собой адвокатов и разносчиков еды. Каждый старался перекричать всех остальных. Сегодня же слышались только казавшиеся приглушенными выкрики самых храбрых лавочников, отважившихся открыть свои заведения. Уже несколько недель тут почти не бывало добропорядочных граждан. И торговцы, и законоведы, и разносчики отсиживались в относительной безопасности своих жилищ. Не было видно даже шарлатанов-гаруспиков. Последнее время самым популяр-

ным товаром стало насилие, и рисковать жизнью бесплатно не имело никакого смысла. Аристократия и преуспевающие представители плебса старались не высовываться из-за крепких стен домусов.

Но и там они недолго смогут считать себя в безопасности, думала Фабиола, поглядывая на яростно орущих вокруг нее людей.

Несмотря на угрозу массовых волнений и на то, что обычные посетители этого места, богатые римляне, сидели по домам, площадь Форума была переполнена сбежавшимися со всех сторон плебеями. Весть о смерти Клодия разнеслась по перенаселенным пригородам быстрее чумы. Напуганные перспективами, которые проистекали из лозунгов соперничавших банд, граждане Рима все же хотели посмотреть, как развернутся события. Подобного рода глубинные потрясения случались крайне редко. С тех пор как тридцать лет назад «мясник» Сулла захватил Рим, подобной угрозы для демократии не возникало. Республиканская власть достаточно уверенно управляла страной, и этому не слишком мешали даже многочисленные ошибки. Но теперь она походила на корабль без руля, застигнутый неожиданным штормом.

Лучшие наблюдательные пункты – ступени рынков и храмов – были забиты народом. Дети сидели на плечах отцов и вытягивали шеи, чтобы лучше видеть. Зеваки забирались даже на статуи. Зато середина площади была пуста. Все знали, что кровопролитие неизбежно и любого, кто невольно окажется втянутым в побоище, ждет смерть.

Перед Сенатом стоял величественный, чисто выбритый Милон в ослепительно-белой тоге, демонстрируя всем своим видом, что он совершенно невинен. Его окружало множество сторонников, среди которых мелькало немало гладиаторов. Нельзя было не оценить драматизма происходившего. Перед народом стоял защитник Рима, готовый дать отпор тем, кто желал гибели города. Рядом, на лестнице Сената, собрались жрецы, присутствие которых должно было показать, что боги одобряют действия Милона. Облаченные в белые одежды жрецы пели, воздевая руки к небу, жгли благовония. Их поддержка могла бы помочь оправдать что угодно. Вот и сейчас хитрость удалась, и многие в толпе начали выкрикивать имя Милона. Гладиаторы принялись в ответ колотить мечами по щитам; поднялся страшный шум.

Брут в свое время рассказал Фабиоле о различных категориях бойцов, сражавшихся на арене. Ей хотелось узнать как можно больше о той жизни, которую был вынужден вести Ромул, и она запомнила все до мельчайших подробностей. Теперь она узнала мирмиллонов по характерным бронзовым шлемам с гребнем в виде рыбы и кольчужным наплечникам на правой руке. Около кучки самнитов в гривастых шлемах и с удлиненными овальными щитами расположилась группа секуторов. Правое предплечье каждого из них защищали кожаные наручи, а левую ногу – один небольшой наголенник. Здесь были даже ретиарии, рыбаки, вооруженные лишь трезубцем и сетью. Толпа обученных убийц наводила страх одним своим видом.

Перед ними, на другом конце Форума, расположились толпы сторонников Клодия. Они не представляли собой организованные отряды, как гладиаторы, вооружены были хуже, но числом значительно превосходили людей Милона.

Увидев соратников, вожак вновь прибывшей толпы устремился напролом сквозь ряды собравшихся зевак. Его спутники последовали за ним и принялись разгонять всех, кто загромождал им дорогу. Кого-то ударяли мечом плашмя, а некоторых даже рубили и кололи. Раздались крики, брызнула кровь. Громилы быстро воссоединились со своими соратниками, приветствуя друг друга громкими воплями. Теперь их, казалось, было значительно больше противников.

Воцарилось странное спокойствие. Обе стороны изготавились к сражению, но повода пока что не было. Еще не доставили труп Клодия.

По пути телохранителям Фабиолы удалось кое-как пробиться поближе к ней. Это не слишком успокоило Фабиолу; к тому же ей было очень не по себе оттого, что у нее не было никакого оружия. Улучив момент, она склонилась к уху Туллия, и он передал ей кинжал, кото-

рый Фабиола спрятала в рукав толы. Одни только боги знали, что еще произойдет до темноты. Рим мог пасть, но она хотела выжить. Теперь, приготовившись сражаться за свою жизнь, если возникнет такая необходимость, Фабиола вознесла быструю молитву Юпитеру. Защити нас всех, думала она. Не позволяй никакой беде свершиться со мной и моими близкими.

Ждать пришлось недолго. Вскоре послышались женские крики. Они становились все громче и громче, и теперь уже можно было распознать горестные рыдания. Толпа, как один человек, громко вздохнула, люди вставали на цыпочки, стремясь увидеть, откуда доносятся стенания. Труп Клодия несли к Форуму. Напряжение росло, один из людей Милона не выдержал и метнул копье. Оно описало невысокую дугу, но не долетело до противников и осталось валяться на булыжной мостовой. В ответ раздались насмешки и оскорбления. Обстановка стремительно накалялась, но никто из головорезов Клодия пока еще не перешел к действиям. Они старались сдерживать переполнявший их гнев до тех пор, пока не увидят тело убитого собственными глазами. Как и все остальные, они не отводили взглядов от выхода с Форума на Аппиеву дорогу. Фабиола взглянула на Туллия, который, несмотря на всю серьезность положения, ответил ей ободряющей улыбкой. Фабиола понимала, что суровый сицилиец хочет поддержать ее, демонстрируя бодрость и уверенность, и на душе у нее потеплело. Хороший человек; она нуждалась в таких.

Рыдания доносились все отчетливее, и наконец показалась группа женщин в серых траурных одеяниях. Они медленно приближались к безлюдной части площади и обрамлявшей ее, немного присмирившей толпе. Посреди плакальщиц, стигаясь под тяжестью чего-то большого, завернутого в материю, двигалась худая фигура, облаченная в окровавленные одежды.

Умно, подумала Фабиола. Как быстро Фульвия смогла собрать своих подруг! Вряд ли можно придумать лучший способ для того, чтобы раздуть массовую истерию, чем явиться на Форум с хором плакальщиц. Да еще и притащить на собственных плечах труп Клодия.

Теперь уже в хоре рыданий можно было разобрать отдельные реплики.

– Смотрите, что они сделали с моим Клодием!

– Убили! – театрально восклицали женщины. – Убили на улице, как собаку!

– Бросили голым, каким он появился на свет! – рыдала Фульвия.

Из толпы послышались возмущенные крики.

– Побоялись честного боя! – Тут спутницы Фульвии принялись плевать в сторону Милона и его свиты. – Труссы!

В ответ на это обвинение раздался многоголосый гневный рев. Странники Клодия принялись барабанить рукоятями мечей по щитам. Некоторые с силой топтали по булыжникам мостовой. Гладиаторы на противоположной стороне Форума вели себя точно так же. За оглушительным шумом нельзя было разобрать ни слова.

Обе стороны продолжали подначивать друг дружку, а к горлу Фабиолы подступил горячий, противно кислый ком. Возможно, подумала она, именно такое чувство испытывал Ромул перед сражением при Каррах. Перед смертью. Ставшую уже привычной боль утраты сегодня сопровождало жуткое смирение. Может быть, он погиб, думала Фабиола. Может быть, Юпитер нынче привел меня сюда, чтобы я тоже умерла и присоединилась к Ромулу и матери. Она с изумлением поняла, что эта мысль не пугает ее. Родные значили для нее все на свете, но она давно рассталась с ними. В мире у нее не было никого, кроме Брута и Доцилозы. Но они не приходились ей кровными родственниками, и главной опорой в жизни служило для нее все это время стремление к мести. Ну и ладно. О Юпитер Оптимус Максимус, молилась она, да будет все по воле твоей.

Вот только испуганные лица окружавших ее римлян не позволяли Фабиоле окончательно смириться со своей участью. Они были не такими, как она, для которой, в общем-то, не осталось смысла в жизни. Они были не повинны ни в каких преступлениях, у большинства из них, вероятно, были семьи. И все же им тоже грозила смерть. А если никто не восстановит порядок,

положение станет еще хуже. Фабиола чувствовала себя беспомощной и бессильной. Ну что я могу сделать? Оставалось только одно, о чем стоило просить: о Юпитер, защити свой народ и свой город.

– Ну-ка, убьем этих мерзавцев! – заорал высокий мужчина, стоявший в первых рядах.

Толпа ответила одобрительными возгласами, похожими на лай собак, и качнулась вперед.

– Стойте! – рявкнул бородатый предводитель. – Мы еще не видели тела Клодия.

Он нашел нужные слова. Двинувшаяся было толпа вновь замерла.

Фульвия наконец-то дошла до центра Форума. Ей было лет тридцать с чем-то. Свое миловидное лицо она измазала пеплом и сажей из очага. Слезы прочертили светлые дорожки на испачканных сажей и кровью щеках. Но она полностью владела своими чувствами. Приказав сопровождавшим ее подругам расступиться, она благоговейно опустила свою ношу на мостовую, развернула покрытые красными пятнами пелены, и на обозрение собравшимся согражданам явился искалеченный труп ее мужа. Толпа громко ахнула. Фабиола взглянула на раны Клодия и содрогнулась всем телом. Мальчишка-гонимый несколько не преувеличил. Ренегату-патрицию нанесли множество ран, чуть ли не каждой из которых хватило бы, чтобы убить человека. Лицо изуродовали так, что его трудно было узнать. Одна нога держалась лишь на недорубленной полоске мышц, а из левого плеча все еще торчало острие обломанного копья. Смерть Клодия Пульхра не была легкой и быстрой.

А собравшиеся вокруг Милона люди посмеивались, с удовольствием разглядывая дело своих рук.

Фульвия встала, ее серую столу покрывали бесчисленные пятна крови. Настал ее час.

Фабиола застыла в ожидании.

Весь Рим ждал.

Воздев руки театральным жестом, Фульвия резко ударила себя в грудь сжатыми кулаками и, брызгая слюной, начала говорить.

– Орк, владыка потустороннего мира! Взываю к тебе! – Она подняла дрожащую руку и ткнула указательным пальцем в сторону Милона. – Вот этот человек!

Было видно, что Милон испугался. Суеверия имели могучую власть над сердцами и умами, и мало кто не устрасился бы подобного публичного проклятия. Но в храбрости этому аристократу все же нельзя было отказать. Расправив плечи, он приготовился выслушать дальнейшие речи Фульвии.

– Забери его в Гадес! – провозгласила она. – И пусть Цербер жрет его кусок за куском. Да будут его страдания вечными.

Милону на сей раз удалось не выказать испуга, но его подручные оказались не такими стойкими. Гладиаторы притихли; даже нанятые жрецы не дерзнули проронить хотя бы слово.

Люди в толпе поспешно осеняли себя знаками, отвращающими зло.

Фульвия выждала столько времени, сколько нужно сердцу, чтобы ударить десять раз, давая собравшимся возможность проникнуться значением сказанных ею слов. Затем она вновь подняла тело Клодия, внесла его по ступеням храма Юноны, положила наземь и рухнула на труп мужа. Ее спутницы поспешили присоединиться к убитой горем вдове. Фульвия забилась в рыданиях, дав наконец выход своему горю.

Фабиола не могла не восхититься искусством, с каким была разыграна эта сцена. Исполнение последней, самой драматичной части Фульвия отложила до тех пор, пока не оказалась в безопасности. Судя по всему, она ясно понимала, что последует дальше.

Женщины тоже возрыдали. Обступив Фульвию, они наклонялись, касались ран мертвого аристократа и поднимали окровавленные пальцы, чтобы все могли их видеть.

Это оказалось последней соломинкой, сломавшей небеспредельное терпение людей Клодия. Необходимо было свершить месть. Разинув рты в бессвязных воплях ненависти, они устремились к своим врагам. Фабиолу, ее телохранителей и испуганно кричащих пленников

понесло вместе с ними. Нечего было рассчитывать на то, что образуется какой-то боевой строй, нет, предстояла хаотическая схватка вооруженных громил, в которой должно было погибнуть множество оказавшихся между ними мирных граждан.

Жрецы в панике заорали, призывая к спокойствию. Но, увы, слишком поздно они поняли, что разверзшийся хаос не поддается управлению. Прорвавшееся наружу массовое бешенство угрожало самому существованию Рима, и они своими руками помогли ему вспыхнуть.

– Госпожа! – крикнул Туллий. – Нужно бежать!

Фабиола мрачно кивнула.

– Старайтесь не пользоваться оружием без крайней нужды, – приказала она своим людям. Ей вовсе не хотелось отягощать совесть невинной кровью.

Они едва успели кивнуть в ответ, как раздался грохот. Это сошлись противостоящие рати. В первые мгновения у гладиаторов Милона, хорошо обученных бойцов, было некоторое преимущество перед толпой плебеев. Укрывшись за крепкой стеной щитов, они легко отразили первую атаку вопившей черни. Злобно жалили сверкающие гладиусы, трезубцы и копья поражали незащищенные лица и шеи; в воздухе со свистом летали копья, булыжники залила кровь. Фабиола, как зачарованная, в ужасе наблюдала за происходящим. Это было куда страшнее, нежели все, что ей доводилось когда-либо видеть на арене. Уже в первые несколько мгновений многие пали ранеными или убитыми. Но, как и следовало ожидать, численный перевес вскоре начал сказываться. В ярости, удесятеренной горем, головорезы Клодия кидались на своих противников как одержимые. Первым пал один из самнитов – двое могучих плебеев вырвали у него щит. Одному из них гладиатор рассек горло, но тут второй проткнул его копьем. Из рта у сторонника Милона хлынула кровь, он рухнул навзничь, оставив в обороне брешь, куда тут же устремились находившиеся поблизости плебеи. Потом убили мирмилонца, потом ретиария. Толпа наступала, оттесняя Милона и его людей на лестницу Сената. Гладиаторы не походили на римских легионеров, привыкших одолевать превосходящие силы врагов. В их строю появлялись все новые и новые бреши, нападавшие сразу же врвались туда, и отряд гладиаторов развалился на части. Бойцы все чаще и чаще оглядывались в поисках выхода. Им обещали хорошую награду за уличные стычки, а вовсе не смерть в сражении.

Скорого окончания битвы пока еще не предвиделось, но Фабиола почувствовала, что людской поток изменил направление. К счастью, они все еще находились в некотором отдалении от кровопролития. Громилы, заставившие их прийти на Форум, исчезли в гуще сражения. Следовало бежать, пока оставалась такая возможность. Она кивнула Туллию, который с величайшей готовностью повиновался и резко окликнул остальных. Девять телохранителей сомкнулись кольцом вокруг Фабиолы, выхватили мечи и двинулись сквозь толпу. К счастью, очень многие тоже решили сбежать из опасного места. Воспользовавшись тем, что внимание громил переключилось на более серьезную цель, все их пленники попытались воспользоваться шансом вернуть себе свободу, грубо толкаясь и сбивая друг друга с ног. Те, кто послабее, падали, но никто не обращал на них внимания; по ним просто шли. Когда Фабиола задержалась, чтобы помочь упавшей на колени старухе, Туллий бесцеремонно дернул ее за руку.

– Оставь ее!

Обескураженная его поведением, Фабиола все же поняла, что сицилиец на самом деле тревожился за ее безопасность. Она оглянулась, расстроенная, но движущаяся толпа уже скрыла от нее изрезанное морщинами перепуганное лицо. Еще одна невинная жертва. Но в этот день не было времени на то, чтобы скорбеть о ком-то или задумываться над намерениями богов. Стражи Фабиолы, озабоченные мыслями о том, как бы уцелеть самим и спасти свою госпожу, прокладывали себе путь через людскую массу.

– Сюда! – крикнул Туллий, указывая на храм Кастора, ближайшее к ним здание. Телохранители пригнули головы и прибавили шагу.

Пока они преодолевали людской водоворот, Фабиола порой забывала даже дышать. Время от времени Туллию и прочим приходилось колотить кого-то рукоятями мечей по головам, но никто не пытался всерьез преградить им путь – большинство членов уличных банд рвались схлестнуться с гладиаторами и не обращали особого внимания на нескольких человек, удиравших с поля боя.

Добравшись наконец до украшенной резьбой каменной лестницы, они свернули за угол и оказались в узком переулке. Фабиола обернулась и бросила последний взгляд на Форум. Сражавшиеся продолжали драться не на жизнь, а на смерть, и никто не намеревался пропустить или давать пощады. Гладиаторов Милона разделили, и теперь они бились группами по несколько человек против плебеев, которые многократно превосходили их числом. Впрочем, успех давался громилам недаром: каждый убитый мирмилон или секутор забирал с собой троих или четверых врагов. Всюду, даже в дверях храмов, валялись мертвые, поодиночке и грудami, их топтали ногами. Это была настоящая бойня.

Рим окончательно погружался в бездну анархии, и никто не мог этому помешать.

– Быстрее! – Туллий беспокоился лишь о том, как бы вывести свою госпожу в безопасное место.

Задерживаться было опасно и попросту глупо, но Фабиола никак не могла отвести взгляд от происходящего. Она увидела, как на изрядном отдалении от того места, где они находились, из свалки выбрались шестеро плебеев. На руках у них покоилось тело Клодия. Маленькая процессия во главе с Фульвией и тем самым бородатым вожаком, которого Фабиола уже видела, решительно направлялась ко входу в Сенат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.